

Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт российской истории РАН
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Институт истории СО РАН
Институт истории и археологии УрО РАН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 2 (8)

Москва—Сыктывкар 2011

УДК 314.148

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ. Научный журнал. 2011. № 2 (8).

Основан в 2008 г.

Выходит 2 раза в год.

Учредитель – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН

Журнал издается под руководством Научного совета РАН
по исторической демографии и исторической географии

Редакционный совет

академик Ю.А. Поляков (председатель, Москва), академик В.В. Алексеев (Екатеринбург), А.Е. Загребин (Ижевск), член-корр. РАН В.Н. Лаженцев (Сыктывкар), член-корр. РАН В.А. Ламин (Новосибирск), С. Лаллукка (Хельсинки), В.И. Меньковский (Минск), Л.Л. Рыбаковский (Москва), Т.С. Садыков (Астана)

Редакционная коллегия

И.Л. Жеребцов (главный редактор, Сыктывкар), В.Б. Жиромская (зам. главного редактора, Москва), В.А. Исупов (зам. главного редактора, Новосибирск), В.В. Фаузер (зам. главного редактора, Сыктывкар), Е.Н. Рожкин (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В. Аргудяева (Владивосток), Н.М. Игнатова (Сыктывкар), Г.Е. Корнилов (Екатеринбург), Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону), Д.А. Несанелис (Москва), С.А. Прокопенко (Ульяновск), И.А. Разумова (Апатиты), А.В. Репневский (Архангельск), В.А. Семенов (Сыктывкар), П.В. Федоров (Мурманск), М.С. Черкасова (Вологда)

Редакционно-издательская группа

Н.М. Игнатова (руководитель, Сыктывкар), Д.В. Вишнякова (Сыктывкар), Н.К. Забоева (Сыктывкар), В.В. Якоб (Сыктывкар)

Издание подготовлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения Российской академии наук, проект «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

© Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии, 2011

© Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2011

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, журнал «Историческая демография».

Тел. (8212)245564 (гл. ред.), (8212)245500 (отв. секр.), факс (8212)245564,

e-mail: zherebtsov.hist@mail.komisc.ru (гл. ред.), secr.hist@mail.komiscillh.ru (отв. секретарь),

ignatova.hist@mail.komisc.ru (рук. редакционно-издательской группы)

Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Бурцев И.Г. О невеликорусском элементе служилого населения южнорусского фронта XVI–XVII вв.	3
Васина Т.А. Опыт историко-демографического исследования семьи горнозаводского населения Глазовского уезда Вятской губернии в середине XIX в.	7
Аргудяева Ю.В. Роль миграций в изменении структуры и состава семей крестьян-переселенцев Дальнего Востока (по материалам центральных и региональных архивов)	14
Исупов В.А. Демографическое развитие Сибири в годы Великой Отечественной войны	19
Вавулинская Л.И. Демографическая ситуация и переселение в Карело-Финскую ССР (конец 1940-х – середина 1950-х гг.)	24
Белых Н.Ю. Место гибели – ВЯТЛАГ. (К анализу уровня и причин смертности среди политических узников Вятского ИТЛ в 1938–1956 гг.)	28

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Жаркенова А.М. Демографическая политика: определение, принципы, направления	32
Славина Л.Н. Теоретико-методологические проблемы исследования основных тенденций брачности и рождаемости в России во второй половине XX – начале XXI в.	36
Эфендиев Р.Дж. Изменения в смертности населения Азербайджанской Республики после распада СССР и обретения независимости	40
Суций С.Я. Динамика русского населения Северного Кавказа в постсоветский период: основные тенденции конца XX – начала XXI в.	50
Рычкова Н.В. Социально-демографическая составляющая потребительских рынков Республики Татарстан ...	54
Обедков А.П., Обедкова Н.П. Особенности и тенденции демографического развития России в постсоветский период	57
Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Демографический потенциал развития мусульманской общины Индии	69

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДИКА ИХ АНАЛИЗА

Сакало А.Е. Документы церковного происхождения XVIII в. как источники историко-демографических исследований: исповедные ведомости	72
Безносова Н.П. Всесоюзные переписи населения как источник по изучению этнодемографического состава населения (на примере Республики Коми)	76
Мазур Л.Н. Историко-географические справочники по Среднему Уралу в контексте исследовательских практик	80

ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

«Этнодемографические процессы на Севере Евразии». Содержание сборников статей за 2004–2007 гг.	84
Правила для авторов журнала «Историческая демография»	92

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

*И.Г. Бурцев (Тула)**

О невеликорусском элементе служилого населения южнорусского фронта XVI–XVII вв.

*Я знал одного Иванова, который был немец.
М.Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени».*

Очень часто, если не всегда, при описании южных украин Московского государства XVI–XVII вв. исследователи подразумевают их население априорно принадлежащим к великорусской нации. Однако мы не можем согласиться с подобным взглядом, ибо в тот период русский народ (в значении великорусского этноса) еще формировался. В XVI–XVII вв. были весьма значимы различия между землями и областями, входившими в состав Московского государства, еще существовали застарелые конфликты между ними. Однако подавляющее большинство населения относилось к будущему русскому народу.

Если говорить о южных пограничных московских уездах, образованных в XVI в. на территориях, не столь давно вошедших в состав Московии, то здесь картина была иной. Главной особенностью этого южнорусского фронта можно назвать особенно сильное смешение групп населения – не только и не столько межобластное, о чем иногда говорилось исследователями, но и межэтническое. Между тем фактор иных этнических групп и элементов среди русского служилого населения, составлявшего подавляющее большинство на этих территориях, был весьма велик. В настоящей статье мы поднимаем вопрос о возможности отождествления этнической принадлежности, в первую очередь, служилых людей, реже – других категорий населения южнорусской «польской украины» на примере Тулы и некоторых соседствовавших с ней крепостей. Решение данной задачи могло бы способствовать пониманию процесса генезиса великорусской народности, пониманию процесса складывания региональных отличий групп современного русского населения.

При решении поставленной задачи некоторую сложность для исследователя представляет определение методики поиска иноэтничности (по отношению к великорусскому населению) среди московских служилых людей. Дело в том, что в документах XVI–XVII вв. выходцы из других стран, служащие в Московском государстве на определенных условиях, состоят в различных группах служилых людей. Если такой служивый состоит в иноземном полку или иноземной роте, то его статус, жалование и прочие присущие подобному слою характеристики определяются достаточно просто. Однако если иноземец состоит при другой, особо не оговоренной службе, то приходится искать другие методы, нежели работа с документами. Тем более что наличие мощного иностранного, чаще западного, элемента в составе южнорусских гарнизонов специально оговаривается лишь с первой половины XVII в., когда иноземные подразделения несут службу на южном фронте. До того времени иноземцы весьма эпизодичны в различного рода документах – видимо, этому способствует малое их число. Например, к категории «нововыезжих литвин» писцовой книги Тулы 1587–1589 гг. относится всего два человека [1]. Однако их наличие наводит на мысль, что в Туле того времени должны были быть и «литвины старого выезда», каковых тем не менее не указывается. Как быть?

Подспорьем могут стать генеалогии родов, однако часто это – семейные легенды. И тут на помощь исследователю может прийти ономастика. В той же писцовой книге Тулы, не найдя «старовыезжих литвинов», мы находим десятка два фамилий, которые по некоторым свойствам можем связать с Литвой (под Литвой мы понимаем все земли, принадлежавшие в то время Речи Посполитой, как это понимали и москвиты XVI–XVII вв., включая нынешние русские, белорусские, украинские территории): Кислинский, Писемский, Изволский, Пуцин (?), Бохан, Королевский, Скорневский, Хвоцинский, Белолюбский, Любученинов, Хрусловский,

* Бурцев Игорь Геннадьевич (Тула) – научный сотрудник Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле».

Ковшинский и т.п. Можно предположить, что эти люди были либо выходцами из литовских земель, либо потомками таких выходцев.

Ономастическое исследование документальных данных может помочь раскрыть этнический состав московских служилых людей. Однако и ономастика не покажет нам истинной картины состава населения южнорусской Украины.

Во-первых, это связано с особенностями русского прочтения и написания иностранных имен и фамилий. Весьма часто выходцы с Запада, особенно обрусевшие, получали фамилии и имена, не сильно отличавшиеся от таковых, принадлежащих коренным москвитам или выходцам из исконно русских районов. Складывалась анекдотичная, как у Гоголя, ситуация: его «Иностранец Василий Федоров» для южнорусского фронта XVI в. – не гротеск, а обычное дело. Какой-нибудь Иван Федоров сын Листов на деле мог оказаться Иоганном Теодором фон Листом или Йоханом Лестом, сыном Фридриха Леста. Ввиду этого происходит затруднение в выяснении этнических корней подобных «Листовых». Вывести из затруднения частично помогает особое написание их имен, отчеств и фамилий – Мартин, Францов, Ферлихов, Жунинов, Жемажин и т.д. То же самое может касаться и восточного компонента иноэтничности.

Во-вторых, некоторые фамилии, имеющие сходство с литовскими и польскими, могли происходить от каких-либо топонимов – названий гидрообъектов, сел, деревень, областей Руси. Чаще всего, конечно, подобное происходило с княжескими родами – князьями Волконскими, Одоевскими, Оболенскими, Воротынскими, Хованскими и т.д. (впрочем, некоторые из них владели землями, около 100 лет находившимися под властью Литвы). Поэтому когда исследование касается простой, нетитулованной служилой массы, можно с большей долей вероятности извлекать из ономастического материала невеликорусский компонент.

В-третьих, хотя множество личных имен и прозвищ монгольского, тюркского и арабского происхождения и говорит о большом татарском выезде из ордынских пределов, в большинстве своем уже обрусевшем, компоненте южнорусского фронта, не все так просто. Прежде всего возникает вопрос: выехали предки детей боярских в XVI в. и поселены на южнорусских окраинах, или же они выехали ранее и были поселены непосредственно в Замосковье, там обрусели, и лишь впоследствии их потомки были переселены на юг? Ответ на этот вопрос может способствовать созданию полноценной картины иноэтничности фронта. Кроме того, как заметил еще Н.А. Баскаков, хоть и был склонен, скорее, к поиску именно тюркских предков дворянских родов, не всегда тюркское прозвище служилых людей (да и князей, бояр) определяло однозначную принадлежность их носителей именно к тюркскому этносу [2]. Тюркские прозвища представители формирующихся великороссов могли получить от соседей или родственников татарского происхождения (при смешанных браках).

Необходимо также упомянуть такой широко распространенный – во времени и в пространстве – обычай, особенно сильно проявлявшийся в условиях повышенной боеготовности, в боевой обстановке, в том числе и на южнорусском фронте XVI в., как обмен именами, часто сопровождавший кровное или крестное братание, или и то, и другое вместе. Поэтому не стоит удивляться, если в документах встречаются (конечно, в пределах какой-либо достаточно замкнутой корпорации, например, казаков определенных слобод) какие-нибудь Иван Хайдуров и Айдар Филиппов. В виду этого положение исследователя кажется безвыходным – как отделить татарина или его потомка от русского с татарским прозвищем? Как определить мощностъ тюркского (восточного) компонента среди служилых людей польской Украины?

Нам представляется, что в данном случае проблема может быть решена не через учет отдельных личностей, а через определение общего фона «тюркскости», представленный нам документальными источниками. Здесь на помощь в большей степени приходят данные приборных служилых людей – стрельцов, казаков, пушкарей и т.д., хотя и детей боярских нельзя сбрасывать со счетов. О довольно большом фоне «тюркскости» говорит само наличие у населения личных имен и прозвищ восточного происхождения. Булгаки, Казарины, Сунбулы, Тюмгени, Кобяки Тотариновы, Охматовы, Айдаровы, Баскаковы и т.п. подтверждают довольно тесную связь с Кипчакской степью.

Выше мы рассмотрели основные проблемы, связанные с самыми мощными пластами иноэтничности среди населения южнорусского фронта. Существуют между тем и менее значительные факторы.

Во второй половине XVI в. началось более активное, нежели доныне, проникновение в Московию «литовских людей». В их числе были и так называемые «черкасы», т.е. заднепровские казаки, пришедшие из «литовских украин». А.И. Папков отмечал, что служилые черкасы появились на юге Московии в конце XVI – начале XVII в. [3]. В писцовой книге Тульского уезда 1587–1589 гг., например, отмечена слобода «Черкасы», хотя в ней насчитывалось всего шесть дворов [4]. Однако данный фактор – черкасский – следует, видимо, учитывать с 1557 г., когда на тульской Украине появился князь Д.И. Вишневецкий – «Байда-казак» украинского фольклора, атаман Запорожской Сечи – со своими сечевиками. Черкасы получили земельные наделы в Белевском, Дедиловском и других уездах, которые получил князь Д.И. Вишневецкий от Ивана IV Васильевича: «отчину город Белев со всеми волостями и селы, да в иных городех села подклетные государь ему подавал и великими жалованьи устроил» [5]. Несмотря на

то, что знаменитый борец с турками и татарами не ужился «на Москве» и ушел в Литву в 1561 или 1562 г., около 30 его казаков, видимо, осталось, по крайней мере, «на Дедилове», а их потомки упоминаются в писцовых книгах по Дедилову 1588 и 1629 гг. [6].

В XVII в. количество служилых черкас на польской Украине увеличилось. Появились целые отряды, служившие во главе с атаманом. С продвижением России на запад, особенно после русско-польских войн, увеличилось на окраинах и количество литовских людей – от «кормовых литвинов» до полонных людей. Наряду с «литвинами» и черкасами на южные Украины пришли и «выкресты», или «новокщены» из числа евреев. Отсюда появились в здешних местах фамилии Юдиных, Юдкиных, Мосейковых, Жидовиновых, Шмуиновых и т.п.

Наиболее удобными документами для исследования являются массовые источники – писцовые и переписные книги, десятины и т.п., поскольку они дают срез населения на определенный момент. Так, проведя предварительный анализ ономастических данных землевладельцев тульской писцовой книги 1587–1589 гг., в которой записано их около 600 чел. [7], мы получили следующие данные: к тюркской составляющей можно отнести до 142 чел. (около 24%), к западной – 108 (18%). Предварительный анализ тульской десятины 1622 г. [8] показал, что из 733 чел., записанных в нее, 153 можно отнести к тюркскому компоненту (21–22 %), 120 – возможные выходцы из западных земель (16–17%), для более 30 – происхождение пока не определено. В переписной же книге 1646 г. [9] примерно на 670 чел. приходится: тюркский элемент – 186 чел. (около 28%), западный – 139 чел. (около 21%). Во второй половине XVI – середине XVII в. иновеликорусский элемент на южных окраинах мог составлять до 50% от общей численности служилых людей (детей боярских, дворян и т.д.). Это – предварительные итоги. Вне нашего поля зрения остались такие примечательные жители тульского края, как князь Семен Великопермский (очевидно, с двором?), стрельцы, пушкары, казаки, среди которых встречаются не поддающиеся пока расшифровке Миня Форк, Митя и Селя Млазовы, Пяток Прокбев сын Брувнев, Истока Придан и т.п. Надеемся, исследование страты служилых людей «по прибору» даст более четкую картину полиэтнического состава защитников русских рубежей.

Источники и литература

1. Писцовые книги Московского государства / Под ред. Н.В. Калачова. СПб., 1877. Ч. 1: Писцовые книги XVI века. Отделение II. С. 1091.
2. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.
3. Папков А. И. Служилые черкасы. Новый элемент вооруженных сил юга России позднего средневековья // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. Тула, 2001. С. 215–217.
4. Писцовые книги Московского государства. С. 1095.
5. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XIII. С. 275, 276, 286; ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1. С. 576–577, 578, 582, 586–587; Кузнецов О.Ю. Князь Д.И. Вишневецкий и оборона русских земель в районе Куликова поля в середине XVI столетия // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 305, 306.
6. Дедилов. Документы и исследования. М., 2005. Ч. 1–2. С. 24–27; Слава предков – потомкам пример / Сост. А.Н. Лепехин. М., 1997. С. 193, 225; Бурцев И.Г. Город на польской Украине в середине XVI – XVII в.: население и «государева служба» // Позднесредневековый город: археология и история. Тула, 2007. Ч. 2. С. 83.
7. Писцовые книги Московского государства. С. 1073–1097; Белоцерковский Г. М. Тула и Тульский уезд в XVI и XVII веках. Киев, 1915.
8. Беделев М.Р., Бурцев И.Г. Тульская разборная десятина 1622 г. по копии Тульской губернской архивной комиссии // Позднесредневековый город II: Археология. История. Тула, 2009. С. 217–342.
9. Тула. Материалы для истории города XVI–XVII столетий. М., 1884. С. 23–29; Щепкина Е. Тульский уезд в XVII веке. Его вид и население по писцовым и переписным книгам // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1892. Кн. 4.

Опыт историко-демографического исследования семьи горнозаводского населения Глазовского уезда Вятской губернии в середине XIX в.

Современный период в истории России характеризуется сложной демографической ситуацией. Демографический переход – смена модели воспроизводства населения – в сочетании с кризисными факторами конца XX столетия привели к высокому уровню смертности при низких показателях рождаемости, изменениям мотивации семейной жизни, сокращению продолжительности жизни, прогрессирующему старению населения [1]. Указанные проблемы обратили на себя внимание не только научного сообщества, но и органов власти: неслучайно в послании Президента страны Федеральному собранию от 10 мая 2006 г. была поставлена задача преодоления демографического кризиса и сформулированы основные направления государственной политики в этой области; была подготовлена «Концепция демографического развития страны до 2025 года».

Вместе с тем, исследование причин современной кризисной ситуации и поиск путей выхода из нее невозможны без анализа демографических процессов в исторической ретроспективе. По свидетельству журнала «Историческая демография», «в настоящее время огромное внимание и органов государственной власти, и общественности вызывает демографическая ситуация в России, этнические и этнодемографические процессы в российских регионах. Хорошо известно, что при возрастании роли и места какого-либо современного явления соответственно возрастают роль и место истории этого явления. Неудивителен поэтому и обостренный, постоянно растущий интерес к историко-демографической проблематике... Изучение демографических процессов играет существенную роль для исследования всех аспектов истории каждого народа, каждой страны... Чрезвычайно важным является, в частности, выявление общности и своеобразия историко-демографического развития различных российских регионов, в особенности национальных...» [2]. В связи с вышесказанным представляется актуальным историко-демографический анализ семьи жителей промышленных центров Глазовского уезда Вятской губернии.

В данной статье отражены результаты исследования ревизских сказок горнозаводского населения Омутнинского, Пудемского, Залазинского и Песковского заводов середины XIX в., хранящихся в Государственном архиве Кировской области (ГАКО) [3]. Документы представляют собой подворные переписи жителей, содержат номера дворов, фамилию, имя и отчество главы домохозяйства и членов его семьи (мужского и женского пола) с указанием родственных отношений и возраста. Ревизские сказки (временной срез – 9-я «народная перепись» 1850 г.) позволили сравнить различные категории рабочих частных предприятий Севера Вятской губернии по ряду демографических показателей: рассмотрена общая демографическая ситуация (половозрастной баланс), выявлены количество семей, их поколенный и родственный состав, число супружеских пар, людность домохозяйств, проведено сопоставление возрастов супругов, определены процент населения, состоявшего в браке, доли неполных семей и повторных браков, наличие незаконнорожденных детей. Особое место в проведенном исследовании заняли ревизские сказки «вечноотданных» и крепостных людей Омутнинского завода 1850 г. Здесь значительную часть населения составляли старообрядцы, поэтому, в соответствии с Высочайшим повелением императора Николая I от 10 июня 1850 г., **в переписных листах не были отмечены супруги (жены и снохи), вступившие в брак по раскольническому обряду, что привело к погрешностям в расчетах типологии домохозяйств, их людности, числа незаконнорожденных детей.**

В изучаемый период Омутнинский чугунолитейный и железодельный и Пудемский железодельный заводы принадлежали ярославским купцам А.М. и Н.П. Пастуховым. Основную категорию работников предприятий составляли две группы горнозаводского населения: крепостные и приписные «вечноотданные» люди на посессионном праве. В поселке Омутнинского завода проживали 1496 приписных людей и 515 крепостных, всего 2011 чел. обоего пола, в Пудемском заводе – соответственно 393 и 43, всего 436 чел. На Песковском чугуноплавильном и железодельном заводе тульского 1-й гильдии купца, почетного гражданина А.И. Маликова в 1850 г. трудились крепостные мастеровые на посессионном праве (с учетом жен и детей насчитывалось 76 представителей данного сословия). Залазинскому железодельному и чугуноплавильному заводу помещика, гвардии штабс-капитана Н.И. Мосолова принадлежали крепостные заводские крестьяне (2006 чел. обоего пола).

Архивный материал позволил провести исследование половозрастного состава домохозяйств с выделением пятилетних градаций возрастных категорий, результаты которого отражены в табл. 1, 2. Общая демографическая ситуация в промышленных центрах Глазовского уезда отличалась превалированием лиц молодого возраста

* Васина Татьяна Анатольевна (Ижевск) – кандидат исторических наук, научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, vasina@ni.udm.ru.

(детей и подростков до 14 лет): в среднем они насчитывали около 40% горнозаводского населения. По отдельным предприятиям ситуация была следующей. В Пудемском заводе наибольшую долю составляли возрастные категории 10–19 лет (мужской пол) и 10–14 лет (женский пол), в Песковском – мальчики 5–9 лет и девочки 1–9 лет, в Залазнинском – аналогично мальчики 5–9 лет и девочки в возрасте от одного года до 4 лет. Несколько выделялся Омутнинский завод: среди приписных «вечноотданных» преобладали подростки 15–19 лет и девочки 1–4 лет, среди крепостных, напротив, – мальчики от одного года до 4 лет и девушки 20–24 лет. В целом, во всех промышленных поселениях существенной была доля мужчин трудоспособного возраста, годных для работы на производстве (табл. 1, 2). Особенно это заметно по категории крепостных людей Пудемского завода, включавшей лиц до 49 лет. Тем не менее продолжительность жизни горнозаводского населения частных предприятий Глазовского уезда Вятской губернии была небольшой, вследствие тяжелого физического труда на производстве, распространенной на Урале высокой детской смертности и других медико-социальных факторов. Люди пожилого возраста (по определению Б.Ц. Урланиса [4], от 60 до 74 лет) насчитывали в среднем всего 2–3% заводских жителей. Наибольшим этот показатель был у крепостных Омутнинского завода: 4,20% населения мужского пола и 3,97% – женского пола. До старости (свыше 75 лет) в промышленных поселениях доживали единицы (табл. 1, 2). Демографический баланс полов отличался небольшим перевесом в сторону населения женского пола, исключение составили лишь крепостные Пудемского и мастеровые Песковского заводов.

Таблица 1

Демографический баланс населения Пудемского и Песковского заводов в 1850 г.

Возрастные группы	Пудемский завод				Песковский завод	
	Приписные «вечноотданные» на посессионном праве		Крепостные на посессионном праве		Крепостные мастеровые на посессионном праве	
	М.п.	Ж.п.	М.п.	Ж.п.	М.п.	Ж.п.
До 1 года	3 (1,54 %)	7 (3,53 %)	–	–	1 (2,38 %)	1 (2,94 %)
1–4	22 (11,28 %)	21 (10,61 %)	4 (14,81 %)	–	8 (19,05 %)	6 (17,65 %)
5–9	28 (14,36 %)	28 (14,14 %)	4 (14,81 %)	2 (12,50 %)	9 (21,43 %)	6 (17,65 %)
10–14	24 (12,31 %)	32 (16,16 %)	7 (25,93 %)	3 (18,75 %)	3 (7,14 %)	2 (5,88 %)
15–19	36 (18,46 %)	23 (11,62 %)	6 (22,22 %)	2 (12,50 %)	7 (16,67 %)	2 (5,88 %)
20–24	24 (12,31 %)	19 (9,60 %)	2 (7,41 %)	3 (18,75 %)	1 (2,38 %)	2 (5,88 %)
25–29	12 (6,15 %)	12 (6,06 %)	–	–	3 (7,14 %)	4 (11,77 %)
30–34	8 (4,10 %)	12 (6,06 %)	1 (3,70 %)	1 (6,25 %)	3 (7,14 %)	3 (8,82 %)
35–39	7 (3,59 %)	7 (3,53 %)	–	3 (18,75 %)	3 (7,14 %)	4 (11,77 %)
40–44	6 (3,08 %)	10 (5,05 %)	2 (7,41 %)	1 (6,25 %)	1 (2,38 %)	2 (5,88 %)
45–49	10 (5,13 %)	9 (4,55 %)	1 (3,70 %)	1 (6,25 %)	–	–
50–54	2 (1,03 %)	7 (3,53 %)	–	–	1 (2,38 %)	1 (2,94 %)
55–59	6 (3,08 %)	4 (2,02 %)	–	–	2 (4,76 %)	–
60–64	1 (0,51 %)	4 (2,02 %)	–	–	–	1 (2,94 %)
65–69	2 (1,03 %)	2 (1,01 %)	–	–	–	–
70–74	3 (1,54 %)	–	–	–	–	–
75–79	1 (0,51 %)	1 (0,51 %)	–	–	–	–
80–84	–	–	–	–	–	–
Итого	195 чел.	198 чел.	27 чел.	16 чел.	42 чел.	34 чел.

Источник: ГАКО. Ф. 176. Оп. 8. Д. 118. Л. 1–216.

Особенностью домохозяйств разных категорий заводских рабочих было отсутствие так называемых «неродственных включений» (жильцов, прислуги, постояльцев и пр.), т.е. все дворы состояли исключительно из родственников. В 1850 г. в Пудемском заводе числились 54 семьи приписных «вечноотданных» людей (средний размер двора равен 7,3 чел.) и шесть семей крепостных (средний размер домохозяйства – 7,2 чел.). В Песковском заводе проживали шесть семей крепостных мастеровых (средний размер – 12,7 чел.), в Залазнинском – 273 семьи крепостных заводских крестьян (в среднем 7,4 чел. в семье). В Омутнинском заводе насчитывалось 233 домохозяйства приписных «вечноотданных» людей (в среднем на двор приходилось 6,4 чел.) и 79 – крепостных (средний размер домохозяйства равен 6,5 чел.). Для сравнения: средняя населенность крестьянского двора в Европейской России в середине XIX в. насчитывала 8,4 чел., в Поволжье – 8,2, в Северо-Западном районе и Нечерноземье – 6,8 [5]; городская семья в среднем состояла из 5–8 чел. [6]. Следовательно, домохозяйства заводских жителей частновладельческих предприятий Глазовского уезда по своим размерам занимали промежуточное по-

ложение между сельским и городским населением Российской империи. Более полно людность семей заводских рабочих отражена в табл. 3.

Таблица 2

Демографический баланс населения Омутнинского и Залазнинского заводов в 1850 г.

Возрастные группы	Омутнинский завод				Залазнинский завод	
	Приписные «вечноотданные» на посессионном праве		Крепостные на посессионном праве		Крепостные заводские крестьяне	
	М.п.	Ж.п.	М.п.	Ж.п.	М.п.	Ж.п.
До 1 года	28 (3,89 %)	23 (2,96 %)	8 (3,36 %)	12 (4,33 %)	23 (2,37 %)	35 (3,38 %)
1–4	77 (10,69 %)	117 (15,08 %)	34 (14,29 %)	23 (8,30 %)	153 (15,77 %)	165 (15,93 %)
5–9	97 (13,47 %)	97 (12,50 %)	33 (13,87 %)	31 (11,19 %)	164 (16,91 %)	150 (14,48 %)
10–14	94 (13,06 %)	71 (9,15 %)	20 (8,40 %)	27 (9,75 %)	104 (10,72 %)	129 (12,45 %)
15–19	99 (13,75 %)	105 (13,53 %)	33 (13,87 %)	35 (12,64 %)	120 (12,37 %)	122 (11,78 %)
20–24	75 (10,42 %)	95 (12,24 %)	21 (8,82 %)	39 (14,08 %)	84 (8,66 %)	91 (8,78 %)
25–29	53 (7,36 %)	59 (7,60 %)	21 (8,82 %)	26 (9,39 %)	79 (8,14 %)	82 (7,92 %)
30–34	44 (6,11 %)	42 (5,41 %)	17 (7,14 %)	12 (4,33 %)	55 (5,67 %)	49 (4,73 %)
35–39	44 (6,11 %)	47 (6,06 %)	10 (4,20 %)	17 (6,14 %)	54 (5,57 %)	46 (4,44 %)
40–44	23 (3,19 %)	32 (4,12 %)	8 (3,36 %)	11 (3,97 %)	39 (4,02 %)	46 (4,44 %)
45–49	26 (3,61 %)	24 (3,09 %)	7 (2,94 %)	13 (4,69 %)	33 (3,40 %)	44 (4,25 %)
50–54	18 (2,50 %)	23 (2,96 %)	8 (3,36 %)	12 (4,33 %)	26 (2,68 %)	28 (2,70 %)
55–59	15 (2,08 %)	15 (1,93 %)	7 (2,94 %)	7 (2,53 %)	11 (1,13 %)	16 (1,54 %)
60–64	12 (1,67 %)	9 (1,16 %)	5 (2,10 %)	6 (2,17 %)	7 (0,72 %)	12 (1,16 %)
65–69	13 (1,81 %)	6 (0,77 %)	4 (1,68 %)	1 (0,36 %)	10 (1,03 %)	10 (0,97 %)
70–74	1 (0,14 %)	7 (0,90 %)	1 (0,42 %)	4 (1,44 %)	6 (0,62 %)	9 (0,87 %)
75–79	1 (0,14 %)	4 (0,52 %)	1 (0,42 %)	1 (0,36 %)	2 (0,21 %)	1 (0,09 %)
80–84	–	–	–	–	–	1 (0,09 %)
Итого	720 чел.	776 чел.	238 чел.	277 чел.	970 чел.	1036 чел.

Источник: ГАКО. Ф. 176. Оп. 8. Д. 118. Л. 1–216.

Таблица 3

Размеры семей горнозаводского населения Глазовского уезда Вятской губернии в 1850 г.

Число человек в семье	Пудемский завод		Песковский завод	Залазнинский завод	Омутнинский завод	
	Приписные «вечноотданные» на посессионном праве	Крепостные на посессионном праве	Крепостные мастеровые на посессионном праве	Крепостные заводские крестьяне	Приписные «вечноотданные» на посессионном праве	Крепостные на посессионном праве
1	1 (1,85 %)	–	–	5 (1,83 %)	12 (5,15 %)	2 (2,53 %)
2	2 (3,70 %)	–	–	6 (2,20 %)	18 (7,72 %)	6 (7,59 %)
3	5 (9,26 %)	–	–	10 (3,66 %)	12 (5,15 %)	6 (7,59 %)
4	4 (7,41 %)	1 (16,67 %)	–	19 (6,96 %)	27 (11,59 %)	10 (12,66 %)
5	6 (11,11 %)	2 (33,33 %)	1 (16,67 %)	34 (12,45 %)	35 (15,02 %)	9 (11,39 %)
6	6 (11,11 %)	–	1 (16,67 %)	34 (12,45 %)	19 (8,15 %)	9 (11,39 %)
7	6 (11,11 %)	–	–	46 (16,85 %)	24 (10,30 %)	9 (11,39 %)
8	9 (16,67 %)	1 (16,67 %)	–	36 (13,19 %)	24 (10,30 %)	5 (6,33 %)
9	3 (5,56 %)	–	–	27 (9,89 %)	21 (9,01 %)	9 (11,39 %)
10	2 (3,70 %)	1 (16,67 %)	–	21 (7,69 %)	15 (6,44 %)	6 (7,59 %)
11	1 (1,85 %)	1 (16,67 %)	1 (16,67 %)	9 (3,30 %)	11 (4,72 %)	3 (3,80 %)
12	3 (5,56 %)	–	1 (16,67 %)	10 (3,66 %)	6 (2,58 %)	2 (2,53 %)
13	2 (3,70 %)	–	–	8 (2,93 %)	5 (2,15 %)	1 (1,27 %)
14	3 (5,56 %)	–	–	5 (1,83 %)	2 (0,86 %)	1 (1,27 %)
15	1 (1,85 %)	–	–	–	2 (0,86 %)	–
16	–	–	–	1 (0,37 %)	–	1 (1,27 %)
17	–	–	–	–	–	–
18	–	–	1 (16,67 %)	1 (0,37 %)	–	–
19	–	–	–	1 (0,37 %)	–	–
24	–	–	1 (16,67 %)	–	–	–
Итого	54 семьи	6 семей	6 семей	273 семьи	233 семьи	79 семей

Источник: ГАКО. Ф. 176. Оп. 8. Д. 118. Л. 1–216.

Таблица 4

Родственный состав семей горнозаводского населения Глазовского уезда Вятской губернии в 1850 г.

Типы семей	Пудемский завод		Песковский завод	Залазинский завод	Омутнинский завод	
	Приписные «вечноотданные» на посессионном праве	Крепостные на посессионном праве	Крепостные на посессионном праве	Крепостные заводские крестьяне	Приписные «вечноотданные» на посессионном праве	Крепостные на посессионном праве
Одиночки	1 (1,85%)	–	–	5 (1,83%)	12 (5,15%)	2 (2,53%)
Малые, в том числе:	27 (50,00%)	3 (50%)	2 (33,33%)	125 (45,79%)	101 (43,34%)	33 (41,77%)
Супружеские пары	2 (3,70%)	–	–	6 (2,20%)	8 (3,43%)	4 (5,06%)
Родители с детьми	25 (46,30%)	3 (50%)	2 (33,33%)	119 (43,59%)	93 (39,91%)	29 (36,71%)
Расширенные, в том числе:	4 (7,41%)	3 (50%)	–	24 (8,79%)	14 (6,01%)	5 (6,33%)
Родители – дети + зять/сноха	2 (3,70%)	2 (33,33%)	–	20 (7,32%)	7 (3,00%)	2 (2,53%)
Родители – дети + брат/сестра	1 (1,85%)	1 (16,67%)	–	2 (0,73%)	6 (2,58%)	2 (2,53%)
Родители – дети + брат + племянница	1 (1,85%)	–	–	–	–	–
Родители – дети + сноха + сестра	–	–	–	1 (0,37%)	–	–
Родители – дети + племянники	–	–	–	1 (0,37%)	1 (0,43%)	1 (1,27%)
Сложные, в том числе:	21 (38,89%)	–	4 (66,67%)	118 (43,22%)	91 (39,06%)	36 (45,57%)
Родители – дети – внуки	19 (35,19%)	–	2 (33,33%)	102 (37,36%)	78 (33,48%)	34 (43,03%)
Тетка + женатые племянники с детьми	–	–	–	–	1 (0,43%)	–
Родители – дети – внуки – правнуки	–	–	–	3 (1,10%)	2 (0,86%)	1 (1,27%)
Родители – дети – внуки + брат/сестра	1 (1,85%)	–	1 (16,67%)	2 (0,73%)	3 (1,29%)	1 (1,27%)
Братские двухпоколенные	1 (1,85%)	–	1 (16,67%)	9 (3,30%)	7 (3,00%)	–
Братские трехпоколенные	–	–	–	2 (0,73%)	–	–
Прочие, в том числе:	1 (1,85%)	–	–	1 (0,37%)	15 (6,44%)	3 (3,80%)
Супружеская пара (или один из супругов) + внуки	–	–	–	1 (0,37%)	–	1 (1,27%)
Супружеская пара + братья/сестры	1 (1,85%)	–	–	–	4 (1,72%)	–
Неженатые братья/сестры + племянники	–	–	–	–	2 (0,86%)	–
Дети-сироты либо взрослые неженатые братья/сестры	–	–	–	–	9 (3,86%)	2 (2,53%)
Итого	54 семьи	6 семей	6 семей	273 семьи	233 семьи	79 семей

Источник: ГАКО. Ф. 176. Оп. 8. Д. 118. Л. 1–216.

По характеру родства было выделено несколько типов домохозяйств крепостных заводских работников. В большинстве социальных групп доминировали малые, или нуклеарные, семьи, включавшие два варианта родственных отношений: супружеские пары и супругов с несовершеннолетними детьми. Как иллюстрирует табл. 4, малые семьи насчитывали 50,00% домохозяйств жителей Пудемского завода, 45,79% – крепостных заводских крестьян Залазнинского завода, 43,34% – приписных «вечноотданных» людей Омутнинского завода. Второе по численности место занимали сложные семьи (за исключением крепостных мастеровых Песковского и крепостных людей Омутнинского заводов, где сложные семьи преобладали). Данные домохозяйства отличались наибольшей вариативностью и включали трехпоколенные семьи (родители, дети, внуки и другие родственники), братские двух- и трехпоколенные (проживавшие совместно женатые братья), четырехпоколенные (родители, дети, внуки и правнуки). Промежуточное положение между малыми и сложными семьями занимали расширенные домохозяйства, включавшие родителей, детей и других родственников (сноху, зятя, брата или сестру родителей, племянников). Наименьшую долю горнозаводского населения составляли одинокие (вдовы и вдовцы, дети-сироты и дети отданных в рекруты рабочих) и категория «прочих семей», в которую были занесены небольшие по численности и несложные по структуре домохозяйства (табл. 4). Следует отметить, что наименьшая вариативность домохозяйств наблюдалась у крепостных Пудемского завода (представлены только малые и расширенные семьи) и мастеровых Песковского завода (только малые и сложные), в прочих исследуемых социальных категориях представлен весь спектр типов семей.

По числу поколений были выделены одно-, двух-, трех- и четырехпоколенные семьи. Данные табл. 5 свидетельствуют, что в 1850 г. у горнозаводского населения Глазовского уезда Вятской губернии доминировали двухпоколенные домохозяйства (от 100,00% дворов крепостных людей Пудемского завода до 44,30 % дворов крепостных Омутнинского завода); трех- и однопоколенные насчитывали меньшую долю, а четырехпоколенные отмечены только в Залазнинском и Омутнинском заводах.

Таблица 5

Поколенная структура семей горнозаводского населения Глазовского уезда Вятской губернии в 1850 г.

Число поколений	Пудемский завод		Песковский завод	Залазнинский завод	Омутнинский завод	
	Приписные «вечноотданные» на посессионном праве	Крепостные на посессионном праве	Крепостные мастеровые на посессионном праве	Крепостные заводские крестьяне	Приписные «вечноотданные» на посессионном праве	Крепостные на посессионном праве
1	4 (7,41%)	–	–	11 (4,03%)	33 (14,16%)	8 (10,13%)
2	30 (55,56%)	6 (100%)	3 (50,00%)	153 (56,04%)	116 (49,79%)	35 (44,30%)
3	20 (37,03%)	–	3 (50,00%)	106 (38,83%)	82 (35,19%)	35 (44,30%)
4	–	–	–	3 (1,10%)	2 (0,86%)	1 (1,27%)
Итого	54 семьи	6 семей	6 семей	273 семьи	233 семьи	79 семей

Источник: ГАКО. Ф. 176. Оп. 8. Д. 118. Л. 1–216.

Очень высокой была доля неполных семей (где отсутствовал один из родителей, в первом или втором поколениях, по причинам смерти или рекрутства). В Пудемском заводе такие семьи составляли 18,52% дворов приписных «вечноотданных» людей и 16,67% – крепостных, в Песковском заводе – 50,00% дворов крепостных мастеровых, в Залазнинском заводе – 24,91% домохозяйств крепостных заводских крестьян, в Омутнинском заводе – 30,90% домохозяйств приписных «вечноотданных» людей и 41,77% – крепостных. При этом число одиноких женщин (вдов, солдаток, жен ссыльных) превышало число мужчин, оставшихся без хозяйки, в Пудемском заводе в 1,8 раз, в Песковском – в 3, в Залазнинском – в 3,8, в Омутнинском – почти в 2 раза (у приписных «вечноотданных») и примерно в 3,9 (у крепостных). Превалирование одиноких женщин косвенно указывает на высокую смертность населения мужского пола. Средний возраст вдов в разных социальных группах составлял от 43,7 лет до 55,4 лет, мужчин – от 55 до 61,1 года, следовательно, женщины вдовели раньше, а мужчины чаще вступали в повторные браки.

По количеству супружеских пар семьи жителей промышленных центров были относительно небольшими. Преобладали домохозяйства, состоявшие из одной супружеской пары: 68,52% семей приписных и 50,00% – крепостных людей Пудемского завода, 59,34% – крепостных крестьян Залазнинского завода, 56,22% – приписных и 53,16% – крепостных людей Омутнинского завода; только в Песковском заводе 50% дворов мастеровых включали по три пары. На втором по численности месте – семьи из двух супружеских пар. Домохозяйства из четырех пар выявлены лишь у приписных людей Пудемского и Омутнинского заводов и крестьян Залазнинского завода.

Соотношение возрастов супругов существенно варьировалось (табл. 6). Если в Пудемском заводе преобладали одноподки, то в семейных парах прочих социальных групп муж был старше жены (причем в повторных браках разница в возрасте достигала заметной величины).

Таблица 6

**Соотношение возрастов супругов в православных семейных парах
горнозаводского населения Глазовского уезда Вятской губернии в 1850 г.**

Разница в возрасте	Пудемский завод				Песковский завод		Залазнинский завод		Омутнинский завод			
	«Вечноотданные»		Крепостные		Мастеровые		Крестьяне		«Вечноотданные»		Крепостные	
	Муж > жены	Жена > мужа	Муж > жены	Жена > мужа	Муж > жены	Жена > мужа	Муж > жены	Жена > мужа	Муж > жены	Жена > мужа	Муж > жены	Жена > мужа
На 1 год	9	14	1	2	2	–	51	44	30	15	6	4
На 2 года	4	3	–	–	2	1	47	31	14	5	8	5
На 3 года	2	2	–	–	1	–	43	10	16	10	6	3
На 4 года	2	–	–	–	1	–	24	9	11	13	2	–
На 5 лет	1	–	1	–	2	–	14	5	4	4	5	1
На 6 лет	–	–	–	–	–	–	15	1	2	2	2	2
На 7 лет	2	–	–	–	–	–	5	–	3	–	2	–
На 8 лет	–	–	–	–	–	–	7	–	3	1	2	–
На 9 лет	–	–	–	–	–	–	1	–	1	–	1	–
На 10-15 лет	1	–	–	–	–	–	9	1	10	1	2	–
На 16-20 лет	–	–	–	–	–	–	6	–	3	–	1	–
На 21-25 лет	–	–	–	–	1	–	4	–	1	–	2	–
На 37 лет	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Одно- годки	33		3		2		56		43		5	
Итого	22	19	2	2	9	1	226	101	98	51	39	15
Всего пар	74		7		12		383		192		59	

Источник: ГАКО. Ф. 176. Оп. 8. Д. 118. Л. 1–216.

Доля повторных браков была различной: у приписных людей Пудемского завода – 2,70% общего числа супружеств, крепостных мастеровых Песковского – 8,33, крепостных крестьян Залазнинского – 4,44, Омутнинского завода приписных – 9,38 и крепостных – 18,64% (учтены только православные пары). Третий раз заключили брак лишь 1,04% супружеских пар крепостных крестьян Залазнинского завода.

В целом, в матримониальных отношениях состояло более трети горнозаводского населения: 37,66% приписных и 32,56% крепостных людей Пудемского завода, 31,58% мастеровых Песковского завода, 38,18% крестьян Залазнинского завода, 37,84% приписных и 35,34% крепостных Омутнинского завода.

Незаконнорожденные дети составляли незначительную долю горнозаводского населения. Они были выявлены всего в одной семье приписных людей Пудемского завода (1,85% домохозяйств) и в четырех домохозяйствах (1,47%) крестьян Залазнинского завода. Исключением были жители Омутнинского завода. Здесь незаконнорожденные дети показаны в 70 семьях (30,04%) приписных «вечноотданных» и 28 семьях (35,44%) крепостных людей. Основная причина – непризнание государством и православной церковью раскольнических браков и, как следствие, отсутствие гражданских прав у детей старообрядцев беспоповского согласия.

Таким образом, проведенный анализ ревизских сказок 1850 г. позволяет прийти к следующим выводам:

- в изучаемый отрезок времени домохозяйства различных групп горнозаводского населения Глазовского уезда Вятской губернии преимущественно отличались небольшими размерами и несложной структурой. Доминировали малые, двухпоколенные семьи, состоящие из одной супружеской пары (за исключением крепостных мастеровых Песковского и крепостных людей Омутнинского заводов, где преобладали сложные семьи);
- значительный перевес детских и юношеских поколений в представленной пирамиде возрастов может говорить о высоком уровне рождаемости в первой трети XIX в., а стремительное убывание людей с увеличением возрастных категорий – о высокой смертности и небольшой продолжительности жизни (а в целом, о наличии традиционного типа воспроизводства населения);

– существенная доля неполных семей, превалирование одиноких женщин (вдов, солдаток и жен ссыльных), относительно низкий средний возраст вдов косвенно свидетельствуют о высокой смертности населения мужского пола, в основном вследствие тяжелой физической работы на производстве.

Источники и литература

1. Макаренко М.Ю. Влияние кризисных факторов на формирование российских особенностей смены модели воспроизводства // Историческая демография. М.; Сыктывкар, 2007. С. 130–132; Мокеров И.П., Кузьмин А.И. Экономико-демографическое развитие семьи. М., 1990. С. 3.
2. Историческая демография. М.; Сыктывкар, 2007. С. 3.
3. ГАКО. Ф. 176. Оп. 8. Д. 118. Л. 1–216.
4. Цит. по: Мотревич В.П. Историческая демография России: Учебное пособие. Екатеринбург, 2000. С. 123.
5. Миронов Б.Н Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2000. Т. 1. С. 221.
6. Рабинович М.Г. Город и городской образ жизни // Очерки русской культуры XVIII в. М., 1990. Ч. 4. С. 283.

**Роль миграций в изменении структуры и состава семей
крестьян-переселенцев Дальнего Востока
(по материалам центральных и региональных архивов)****

Известно, что брак и семья являются одной из форм социальной жизни общества, характеризующейся как материальными, так и духовными процессами. Семья неразрывно связана со всеми основными явлениями общественной жизни, подвергается их влиянию и, в свою очередь, влияет на них. Она, безусловно, оказывает существенное влияние при формировании демографического потенциала и населения в целом в осваиваемых районах России, в том числе и на Дальнем Востоке. В связи с этим изучение путей формирования, хозяйственной деятельности, социально-демографической структуры, семейно-брачных отношений, демографического поведения, положения женщины, воспитания детей, духовной жизни и ряда других вопросов, связанных с развитием семейных коллективов, имеют важное значение для исследования условий жизнедеятельности восточнославянского (русского, украинского, белорусского) населения и его связей с аборигенными тунгусо-маньчжурскими и палеоазиатскими народами.

Среди обширного круга источников по демографии и этнографии крестьянской семьи середины XIX – начала XX в. важное место занимают неопубликованные источники. По методике сбора их можно подразделить на следующие два типа: архивные и полевые.

К архивным источникам мы относим следующие: 1) архивные документы, хранящиеся в специализированных центральных, региональных и местных архивохранилищах; 2) архивные материалы государственных учреждений – ЗАГСов, милиции, судов, статуправлений и др.; 3) домовые и похозяйственные книги, а также другие виды документации, хранящиеся в архивах сельских советов и др.

В представленном материале мы остановимся на краткой характеристике некоторых дел, извлеченных из Российского государственного исторического архива (РГИА, г. Санкт-Петербург) и Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ, г. Владивосток). Они дают возможность достаточно полно охарактеризовать ряд вопросов по условиям образования и жизнедеятельности семьи у восточнославянского крестьянства Дальнего Востока в дореволюционный период, в том числе роли миграционных процессов в изменении структуры и состава семей крестьян-переселенцев. Так, ф. 391 (Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия) РГИА содержит богатейший материал по многим вопросам исследуемой темы: циркуляры главноуправляющего и начальника Переселенческого управления, их обширная переписка с центральными правительственными учреждениями и местными земельными, переселенческими и другими организациями, донесения, отчеты, телеграммы, статистические справки, запросы, докладные записки губернаторов, заведующих переселением и землеустройством в заселяемых районах Дальнего Востока, землемеров, топографов, посемейные списки переселяющихся и др. В фонде имеются также многочисленные письма, прошения, жалобы переселенцев и крестьян, получивших разрешения на выезд в Амурскую и Приморскую области и тех, кто возвратился на родину полностью разоренными. Эти материалы позволяют проследить процесс выхода крестьян-переселенцев из европейских губерний России, условия их переезда и обустройства на новых местах, выявить этнические и региональные корни решившихся на переселение русских, украинцев и белорусов, дают основания судить об экономическом развитии крестьянской семьи, путях ее приспособления к новым экологическим, социально-экономическим и что для нас наиболее важно – демографическим условиям жизни. Аналогичные и иные материалы можно почерпнуть и из других фондов этого архива – ф. 1265 (Второй Сибирский комитет), ф. 796 (Канцелярия Синода) и др.

Наиболее полный материал по рассматриваемой проблеме сосредоточен в РГИА ДВ. Здесь ценным является, прежде всего, фонд Канцелярии Приамурского генерал-губернаторства (ф. 702). В этом фонде имеются отчеты генерал-губернаторов об экономическом и культурном состоянии края, ежегодные статистические отчеты о движении населения, о его этническом и региональном составе; о финансовых, промышленных, торговых и транспортных учреждениях, деятельность которых в значительной степени была связана с переселенческим движением и обустройством крестьянских семей, а также ценные для нас материалы о демографическом поведе-

* Аргудяева Юлия Викторовна (Владивосток) – главный научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доктор исторических наук, профессор, argudiaeua@mail.ru.

** Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Код проекта 09-И-П25-01.

нии крестьян (вступлении в брак, его расторжении, рождаемости детей и др.), об усыновлении детей, семейных разделах и др. Особенно важна в этом фонде опись № 5, характеризующая переселение крестьянства: отчеты заведующих переселением в Южно-Уссурийский край, списки переселенцев и сведения о ссудах им, прошения о переселении, сведения о региональном и национальном составе переселенцев, о составе и структуре семей переселенцев и др.

Миграционные процессы всегда оказывали существенное влияние на состав, структуру и численность семейных коллективов, переселявшихся в другие регионы, их экономический, демографический, культурный, воспитательный потенциал и реализацию ряда функций семьи. Уже во второй половине XIX в. в России преобладали «малые» семьи (родители и дети), хотя полностью не исчезли и так называемые «большие» неразделенные семьи – «отцовские» (родители со своими младшими детьми и женатыми сыновьями с их потомством) и «братские», состоявшие из двух и более женатых братьев с их детьми. Списки переселенческих партий, куда вносился каждый член семьи мигранта, не всегда дают достоверную картину о численности и структурно-поколенном составе семейства крестьянина-переселенца. Как выяснилось при анализе ряда документов, некоторые семейные коллективы отправлялись на Дальний Восток не в полном семейном составе. Причины такой ситуации были разные. Нередко в связи с переездом происходил раздел больших неразделенных семей, и на восток страны отправлялся авангард – выделившаяся молодая семья, а родительская часть семейного коллектива оставалась дома. Иногда один из членов семьи не мог по каким-либо причинам или не хотел следовать со всем семейным сообществом в далекий край; строились препятствия и со стороны местного начальства и др. Все это не позволяло составить реальное представление о составе и структуре семейных коллективов, бытовавших в определенный период в регионах выхода переселенцев, проследить реальные демократические изменения в семейном строе и выявить хозяйственную мощь семьи в процессе адаптации к новым условиям жизнедеятельности в восточных регионах России.

По-разному к таким ситуациям подходила и дальневосточная администрация. На первых этапах освоения Дальнего Востока, в 50–70-е гг. XIX в., не разрешалось переселение одиноких (без жены), престарелых и семей с одним работником, или большим количеством малолетних детей, что, по мнению чиновников, ослабляло трудовой потенциал семейного коллектива крестьян-мигрантов. В 80–90-е гг. XIX в., когда правительство приняло ряд мер для экономической помощи семьям переселенцев и несколько сот семей перевезло за свой счет, местная администрация иногда находила возможность воссоединить разрозненные семьи. Однако к каждому такому случаю подходили индивидуально, и прежде чем сделать определенный вывод, шла долгая переписка, в которой скрупулезно оговаривались причины, по которым семья была разделена и приводились доводы в пользу того или иного решения местного чиновничества.

В центральных и региональных государственных архивах сохранились документы, включавшие прошения ряда крестьян для перевозки членов своих семейных коллективов, оставшихся по каким-либо причинам на родине. В частности, в январе 1892 г. военный губернатор Приморской области обратился с письмом на имя Приамурского генерал-губернатора, где сообщал, что в течение последних лет «...многие водворившиеся переселенцы обращаются с просьбой о перечислении в одно селение с ними родственников, проживающих на родине» [1]. Часть просителей, сообщает далее военный губернатор, вносила деньги на переезд своих родственников или указывала в прошении, что от продажи своего имущества на родине их родные выручат нужную на проезд сумму. В большинстве случаев проситель давал подписку о том, что по прибытии на Дальний Восток выписываемой семьи он обязуется содержать ее в своем хозяйстве, за свой счет и обещал, что прибывшие его родственники не будут обращаться в Переселенческое управление с просьбой о ссуде из казны. На основании таких обязательств крестьянин обычно просил об освобождении выписываемой семьи «...от обязательства вносить местным властям залог для обеспечения устройства своего хозяйства по прибытии на новое место водворения» [2]. Таким просителям Переселенческое управление Южно-Уссурийского края выдавало удостоверение о том, что с их родных на родине не следует требовать залога. Это удостоверение вместе со своим прошением о переселении родственник отправлял на имя местного губернатора. Но разрешения на выезд на Дальний Восток он получал не всегда. В связи с этим военный губернатор Приморской области просил генерал-губернатора Приамурского края войти с ходатайством по этому вопросу в Министерство внутренних дел, которое ведало в тот период переселениями крестьян. И Министерство, и местное дальневосточное начальство, и переселенческое управление обычно шли навстречу просьбам о воссоединении семьи или разрешении на переезд семьям взрослых сыновей, братьев и даже зятьев со своими семействами без внесения залога на обустройство. Особенно благосклонно относились к просьбам тех переселенцев, которые уже прочно обосновались, завели хорошее хозяйство, или были мастеровыми. Обычно оставшиеся на родине родственники становились членами семьи просителя, тем более если оставшаяся часть семьи сама платила за переезд или ей разрешался переезд за счет кредита, ассигнованного на переселение, т.е. в долг, с последующей уплатой (с возвратом этой суммы, с учетом роста в 6%, в течение трех лет) [3]. К примеру, прошение о переселении в с. Прохоры Южно-Уссурийского округа Приморской области его зятя Леонтия

Чудновца, с семейством, без предоставления залога на обустройство, подал в 1898 г. Никита Дегтярь, переселившийся из Черниговской губернии. С аналогичной просьбой обратилась крестьянка того же села Татьяна Билименко, у которой семья зятя Игнатия Богдана, включавшего помимо него жену и четверо малолетних детей, осталась также на Черниговщине [4]. Их просьбы были удовлетворены.

Встречались и другие ситуации, особенно среди казеннокоштных. Им Южно-Уссурийское переселенческое управление чаще шло навстречу, особенно тем, кто мог внести требуемый залог в 600 руб. или не просил оплатить переезд оставшейся части семьи, или взрослый сын на момент переезда семьи служил в армии. Последнее обстоятельство учитывалось практически всегда. В такой ситуации оказался Трофим Голота, отец которого со всем семейством в 1891 г. переселился в с. Михайловка Южно-Уссурийского округа. Аналогичная ситуация сложилась в семье крестьянина с. Монастырище Ханкайского участка Южно-Уссурийского края Семена Лютера, прибывшего на Дальний Восток из с. Давидовки Сосиновской волости Пирятинского уезда Полтавской губернии. Лютер просил переселить за казенный счет прошедшего военную службу сына Григория и его семью, состоявшую из жены и грудной дочери. По существовавшему положению, как писал военный губернатор Приморской области Приамурскому генерал-губернатору, «...Григорий Лютер....по окончании в 1893 г. срока службы должен быть отправлен на казенный счет на место своей родины, каковым местом родины, за переселением его отца, ныне должна считаться Приморская область» [5].

В иных случаях местное начальство давало разрешение на переезд за казенный счет окончившего службу мужчины, но отказывалось перевозить за счет казны его семью. Такая ситуация сложилась у Григория Зорина и его жены Анны. Мать Григория – вдова Марфа Зорина, переселившаяся в 1896 г. из Курской губернии в с. Успенку Черниговской волости Южно-Уссурийского края, в своем прошении в 1897 г. сообщала, что ее сына, проходившего военную службу в момент ее переселения, отправляют к ней за казенный счет, а в переезде его жены Анны на тех же основаниях отказывают, и Григорий решил остаться в Курской области. Марфа же сообщает, что ее семья состоит из 10 душ, в числе которой только два работника и по своей бедности она не может послать денег на переезд Анны. В итоге переписки между местными и центральными ведомствами Министерство внутренних дел разрешило перевести в Южно-Уссурийский край Анну за счет казны [6].

Был отправлен за казенный счет и отбывавший воинскую службу во время переезда родителей и черниговский казак Дмитрий Овчеренко со своей семьей. В случае с Овчеренко учитывалось, что его родители, отправляясь в Южно-Уссурийский край за свой счет, перед отъездом продали на родине полностью свое хозяйство, лишив тем самым средств к существованию семейство своего сына, отбывающего военную службу. Помимо этого, всё, что имелось у родителей, по прибытию на восток страны они истратили на устройство хозяйства и денег на переезд семьи своего сына не имели. Правда, Овчеренко перевезли не за счет казны, а «за счет кредита, ассигнованного на ссуды переселенцам» с возвратом этого долга «в установленном порядке» [7].

За счет переселенческого кредита разрешался и переезд семей сыновей или жены с детьми в случае их болезни на момент отъезда родителей или мужа, или жене с детьми переселенца-ходака, оправившегося в Южно-Уссурийский край с одним сыном и получившим в крае ссуду и обустроившемся на месте, и в некоторых других случаях [8]. Так, за счет кредита было разрешено перевезти жену и пять детей крестьянину с. Михайловка Южно-Уссурийского края Игнатию Кутасу, прибывшему в край из дер. Петровки Хотуничской волости Городнецкого уезда Черниговской губернии. В своем прошении Игнатий объяснил, что в Южно-Уссурийский край он переселился вместе со своим отцом в 1886 г., а жену с детьми оставил в России, так как на всю семью, несмотря на то, что распродали все хозяйство, денег на проезд не хватило. Первоначально он предполагал отправить семью на переезд сумму залога – 600 руб. Однако, поселившись в с. Михайловка Южно-Уссурийского края, они с отцом на залоговые деньги купили лошадей, коров и другие хозяйственные принадлежности, чтобы немедленно заняться хлебопашеством, а уж затем заработать деньги на проезд семьи. Но тут пали две лошади, и, чтобы не расстроить хозяйство, пришлось купить пару волов. Местное начальство, признав хозяйство Кутасов хорошо обустроенным, стало хлопотать о переезде семьи Игнатия, и в итоге дело было решено положительно [9].

В иных случаях оставшуюся на родине жену разрешали перевезти за казенный счет. К примеру, уроженец Черниговской губернии Яков Музыкин, переселившийся в дер. Речица Южно-Уссурийского края за казенный счет в 1885 г., в 1889 г. просил местное начальство распорядиться о переселении к нему его жены также за счет казны. Яков мотивировал свою просьбу тем, что он истратил все имеющиеся у него средства на обустройство хозяйства, и привезти жену ему не на что. Выяснилось, что Яков и его брат Дмитрий действительно переселились в 1885 г., но в составе семьи своего дяди, из которой в 1889 г. Яков выделился в отдельную семью. Жена же его отказалась следовать за ним в 1885 г., так как боялась, что Якову и Дмитрию как «приписным» не выдадут пособия на обустройство и возвратят на родину. Учитывая тот факт, что без женских рук крестьянское хозяйство вести невозможно, Якову разрешили перевезти жену за казенный счет [10].

Своеобразная ситуация сложилась с переездом в дальневосточный регион членов семьи женского пола, оставшихся по разным причинам на родине. Дальний Восток практически до конца 40-х гг. XX в. испытывал

дефицит женщин, который был особенно ошутим в рассматриваемый нами период. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи, на 1 января 1897 г. даже в наиболее заселенной Южно-Уссурийской округе среди крестьянского населения женщины составляли всего 34,5% [11]. Такая диспропорция в половом составе населения отрицательно сказывалась на развитии крестьянского хозяйства, которое традиционно базировалось на половозрастном разделении труда. Чтобы вызвать приток женского населения в восточные районы страны, в конце XIX в. правительство приняло решение: если в переселяющейся семье преобладают по численности мужчины, или пропорция мужчин и женщин одинакова – семья переселяется полностью за свой счет; если преобладает женский пол, то перевоз количества женщин, превышающих численность мужчин в семейном коллективе, оплачивается за счет казны [12]. Согласно такого постановления в конце XIX – начале XX в. в Южно-Уссурийский край за казенный счет морским путем было перевезено несколько сот женщин [13]. Большинство из этих женщин переселялись одновременно со всей семьей. Но были случаи, когда кто-то из них по разным причинам оставался еще на родине. Так, переселившийся в Южно-Уссурийский край в 1896 г. из Киевской губернии Феоктист Гниляк с семейством (4 мужчин и 5 женщин) перевез, согласно принятым правилам, одну женщину за счет казны. Однако на родине в связи с болезнью осталась родная сестра Феоктиста – Федосья. В 1897 г. Феоктист обратился с просьбой разрешить переезд к нему его сестры за счет казны, и ему не было отказано [14]. На этих же основаниях в 1898 г. была бесплатно перевезена в Южно-Уссурийский край дочь уроженца Киевской губернии Дмитренко – Ульяна, которую, как и ее брата Григория, отец оставил на Украине в связи с отсутствием средств на переезд от Одессы до Владивостока [15] и др.

Любопытно, что в некоторых случаях женщина отказывалась следовать за мужем по иным мотивам и причинам, часть из которых свидетельствовала о развитии процессов демократизации в крестьянских семьях, в том числе об уходе от традиционных воззрений на беспрекословное подчинение воле мужа и желании освободиться от его деспотической власти. Так, отбывший срок военной службы, причисленный в крестьянское общество с.Ширяевка Южно-Уссурийского округа Тихон Сокуренок, попросил перевезти за счет казны его жену, оставшуюся с дочерью на Херсонщине. Учитывая, что проситель уже обзавелся хозяйством и выстроил дом, военный губернатор Приморской области, удовлетворил просьбу Тихона. Однако, по сообщению Херсонского губернатора, «...крестьянка Ульяна Сокуренок отказалась добровольно переселиться в Уссурийский край для своего совместного жительства с мужем ее..., мотивируя свой отказ грубым обращением с нею названного крестьянина» [16]. Отметим, что это был не единичный случай, когда крестьянки не соглашались на переезд к мужу на Дальний Восток, мотивируя свой отказ плохими взаимоотношениями с супругом [17].

Нередко семья дробилась в местах выхода переселенцев по вине местного уездного начальства, которое по каким-то соображениям считало, что большие семьи следует отправлять в два приема. Так случилось с семьей Андрея Ксенченка из Суражского уезда Черниговской губернии, поселившегося за казенный счет в 1885 г. вместе с братом в с. Ляличи Южно-Уссурийского округа. На переселение просилась вся их семья, в которой, кроме этих братьев, были родители и еще четверо их детей. Местное начальство, отправив двух братьев, пообещало вторую часть семейства переселить на следующий год. Но в 1886 г. переселения за казенный счет были прекращены и оставшейся части семьи Ксенченка в переезде было отказано, своих же средств на переселение у них не было [18].

В аналогичную ситуацию попали братья Ефим и Григорий Колесниковы, переселившиеся в дер. Александровка Южно-Уссурийского округа из дер. Перетино Петровскобудской волости Суражского уезда Черниговской губернии. На родине по вине местных чиновников у них остались мать, брат и сестра, которым в планируемый для переезда 1886 г. по указанной выше причине также отказали в переселении за счет государства [19].

Неоднократно сталкиваясь с ситуацией, когда в дроблении семьи были виноваты власти в местах выхода переселенцев, Южно-Уссурийское переселенческое управление, губернаторы Приморской и Амурской областей в своих обращениях к Приамурскому генерал-губернатору неоднократно указывали на ненормальность такого явления как раздел семьи при отправке переселенцев на Дальний Восток из центральных губерний России и ходатайствовали «о воспреещении подобного раздела и перечисления.... разбитых произвольно семейств» [20].

Подводя краткие итоги, отметим, что структура и численно-поколенный состав семейных коллективов крестьян-переселенцев Дальнего Востока отличались от аналогичных показателей регионов выхода семей мигрантов. Основные причины этого могли носить объективный характер (болезнь близкого родственника, его служба в армии, отказ от переезда и др.), но чаще связаны с недостаточной экономической мощью переселяющихся своекоштных крестьян и с определенной недоработкой местной и дальневосточной администрации в организации массовых крестьянских переселений на восток России.

Источники и литература

1. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 5. Д. 540. Л. 1.
2. Там же.
3. Там же. Д. 508. Л. 67, 220–222; Д. 540. Л. 54–56, 135, 150 и др.

4. Там же. Д. 540. Л. 135–135 об.
5. Там же. Л. 2 об., 30.
6. Там же. Л. 92.
7. Там же. Д. 508. Л. 66–67.
8. Там же. Л. 66–67; Д. 540. Л. Л. 115–116, 165 и др.
9. Там же. Д. 508. Л. 109 с об.
10. Там же. Л. 66–67.
11. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. 76. Приморская область. Тетрадь I. СПб., 1896. С. 31 (подсчитано автором).
12. Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1858–1898. СПб., 1899. С. 40–42.
13. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 526. Л. 134, 137, 139, 191, 194, 203, 231, 233, 237, 249.
14. Там же. Д. 540. Л. 51–52.
15. Там же. Л. 131.
16. Там же. Л. 123–126.
17. Там же. Л. 126; Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 391. Оп. 1. Д. 1009. Л. 697 и др.
18. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 508. Л. 42 с об.
19. Там же. Л. 61 с об.
20. Там же. Л. 117, 118 об., 119.

Демографическое развитие Сибири в годы Великой Отечественной войны**

Великая Отечественная война кардинально изменила условия демографического развития Сибири и населяющих ее народов. Она потребовала колоссального перенапряжения духовных и физических сил народа, мобилизации всех материальных ресурсов на нужды фронта, безусловного приоритета военных целей, резкого ограничения потребления. Тяжелым бременем война легла и на плечи сибиряков. Вместе с тем в военные годы открыто проявилось отношение властей к жизни каждого отдельного советского человека, которая, как выяснилось, не имела никакой самостоятельной ценности. Человек прагматически был низведен до уровня простого винтика, рабочей силы, фронтового бойца. Именно в отношении властей к человеку видятся нам причины многомиллионных потерь, которые понес советский народ в страшные военные годы.

Важнейшим показателем демографического развития является численность ее населения.

Таблица 1

Динамика численности населения Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Дата	Все население		Городское население		Сельское население	
	Тыс. чел.	Темп прироста, %	Тыс. чел.	Удельный вес, %	Тыс. чел.	Удельный вес, %
1 июня 1941 г.	15100,0	–	5134,0	34,0	9966,0	66,0
1 января 1942 г.	15342,9	+1,60	5393,1	35,2	9949,8	64,8
1 января 1943 г.	15007,1	-2,19	5640,9	37,6	9366,2	62,4
1 января 1944 г.	14081,9	-6,17	5722,9	40,6	8359,0	59,4
1 мая 1945 г.	13349,6	-0,86	5660,3	42,4	7689,3	57,6
1945 г. в % к 1941 г.	88,4	–	110,3	–	77,2	–

Составлена по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 53–54; Д. 479. Л. 3; Д. 564. Л. 2–2 об.

Примечание: Включая Якутскую АССР.

Данные, приведенные в табл. 1, показывают, что в военные годы общая численность населения Сибири сократилась почти на 12%, что в абсолютном выражении составило почти 1,8 млн. чел. Снижение численности населения региона в военные годы особенно заметно в сельской местности. За период с 1 июня 1941 г. по 1 мая 1945 г. количество сельского населения Сибири уменьшилось почти на 23%, или в абсолютном выражении на 2,3 млн. чел. Между тем количество горожан в годы войны увеличилось. И хотя темпы роста численности населения городов значительно сократились по сравнению с мирным временем, их численность в 1941–1945 гг. выросла все же на 10% (на 526 тыс. чел.).

В основе столь значительных изменений численности населения Сибири в военные годы лежали пертурбационные факторы военных лет. В начале войны главной причиной сокращения численности населения региона стали бурные миграции, в свою очередь определявшиеся не экономическими факторами (преобладающими до войны), а причинами военно-политического характера. Прежде всего, это массовая многомиллионная мобилизация мужчин в Красную армию. Неожиданно высокие боевые потери Красной армии заставили советское руководство кардинально изменить все довоенные мобилизационные планы. Тыловые регионы СССР должны были выделить для армии не 8-9 млн. военнообязанных (как предусматривалось предвоенными мобилизационными планами), а значительно больше [1]. Мобилизация была развернута сразу же после начала войны – 22 июня 1941 г. вышел в свет Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации военнообязанных», который предусматривал призыв 14 возрастов с 1905 по 1918 год рождения [2].

К 1 июля 1941 г. в Красную армию в целом по СССР было мобилизовано 5,3 млн. чел. [3]. В августе 1941 г. для того, чтобы восполнить огромные боевые потери и укомплектовать вновь формируемые соединения и части, была проведена еще одна крупная мобилизация военнообязанных. В итоге за шесть месяцев войны, до 1 января 1942 г. в Вооруженные Силы было направлено 11,8 млн. чел. [4]. В Сибири к 1 декабря 1941 г. было мобилизовано 1,8 млн. чел., что составило 64% мужчин призывного возраста (18-45 лет) [5]. В целом, за годы войны

* Исупов Владимир Анатольевич (Новосибирск) – доктор исторических наук, заведующий сектором историко-демографических исследований Института истории СО РАН.

** Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

в Сибирском и Забайкальском военных округах в Красную армию было мобилизовано 3,2 млн. чел., включая в эту цифру и женщин [6].

Нечего и говорить, что среди мобилизованных, особенно в начале войны, абсолютно преобладали представители русского народа и других славянских этнических групп. Об этом косвенно говорит тот факт, что деформации половозрастного состава населения, образовавшиеся вследствие массовых мобилизаций мужчин и их гибели в ходе боевых действий, в первую очередь затронули те регионы страны, где компактно проживало русское население. Согласно отчетам сельсоветов, в Новосибирской области в 1943 г. на каждые 100 женщин приходилось всего 35 мужчин, в Омской – 31, Алтайском крае – 27 мужчин. Для сравнения укажем, что в Свердловской области на 100 женщин приходилось 36 мужчин, в Московской – 37, Ульяновской и Ивановской – 30, Рязанской – 26, Ярославской области – 25 мужчин. Между тем в Таджикской ССР в 1943 г. на каждые 100 женщин приходилось 89 мужчин, Туркмении и Узбекистане – 73, Азербайджане – 66, Грузии – 58, Киргизии – 56, Армении – 49, Казахстане – 40 мужчин [7].

Эти данные свидетельствуют о вкладе различных регионов СССР в формирование Вооруженных Сил. Основная мобилизационная нагрузка до 1943 г. всей своей тяжестью легла на Россию, Казахстан и Армению, хотя в формировании Красной армии принимали участие практически все республики Советского Союза. Укажем также, что после 1943 г., когда резервы боеспособных мужчин в России были исчерпаны, военные мобилизации в республиках Средней Азии и Закавказья были усилены.

Мобилизация в Красную армию особенно широко проводилась в сельской местности, поскольку система «брони» распространялась главным образом на специалистов, сосредоточенных в городах. Кроме того, в годы войны в городе и деревне проводились мобилизации населения на постоянную работу в промышленность, транспорт и строительство, а также наборы молодежи в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища. Всего за годы Великой Отечественной войны в Сибири на трудовой фронт (включая сезонные работы) было мобилизовано около 838 тыс. чел. [8]. В ходе трудовых мобилизаций город получал население, тогда как деревня его теряла.

Кроме того, в городах отток мужчин в армию частично возмещался притоком эвакуированных из западных регионов СССР. Эвакуированные оседали в основном в городских поселениях. В Сибири к началу декабря 1941 г. насчитывалось 502 тыс. эвакуированных, на 1 января 1943 г. – 908 тыс., после чего эвакуация прекратилась. Из этого числа почти 60% эвакуированных осели в городах [9]. Сибирская деревня, таким образом, не получила количественно достаточной компенсации за счет эвакуированного населения. В период Великой Отечественной войны деревня отдавала население, почти ничего не получая взамен. Поэтому людские потери деревни и сокращение численности населения сельской местности были самыми значительными.

Вопрос о национальном составе эвакуированных до сих пор остается неисследованным. Одна из причин этого – почти полное отсутствие необходимых для анализа материалов. Имеющиеся данные отрывочны. Нам удалось обнаружить сведения о национальном составе эвакуированных только по Новосибирской области и только по состоянию на сентябрь 1941 г. Согласно этим данным, удельный вес русских, прибывших в Новосибирскую область в составе эвакуированных в июне – августе 1941 г., составлял 54%, евреев – 23, латышей – 7, украинцев – 5, белорусов – 3% [10].

Важно отметить также, что частичная количественная компенсация, имевшая место в сибирских городах, не означает компенсации качественной. В армию уходили юноши и мужчины молодых возрастов, цвет нации, а в массе эвакуированных преобладали женщины и дети. В этом аспекте важное значение имеют структурные характеристики, отражающие негативные сдвиги в составе людских ресурсов Сибири. Это выразилось, прежде всего, в резком нарушении половозрастного баланса населения. Мобилизации в армию носили столь масштабный характер, что резерв мужчин, накопленный в населении к 1943 г., был практически полностью исчерпан. По сельскому населению историки сегодня располагают таким достаточно точным и информативным источником, как сельсоветский учет возрастного и полового состава населения. Единовременные отчеты сельсоветов о численности и составе населения обрабатывались статистиками для получения данных о потенциальной рабочей силе и мобилизационных возможностях регионов.

В Сибири самые резкие диспропорции полов были характерны для самого активного возрастного диапазона от 18 до 49 лет. Здесь удельный вес женщин колебался в пределах 80%, а в возрастной группе от 18 до 24 лет доля мужчин не превышала 19% (табл. 2). Дисбаланс в соотношении мужчин и женщин как следствие огромных мобилизаций и массовой гибели мужчин в боях был характерен для всех регионов страны. В том же 1943 г. в целом по СССР доля женщин в возрастной группе 18-24 года составляла 78%, 25-49 лет – 77% [11].

После 1943 г. ситуация обострилась в еще большей степени. В связи с продолжающимися призывами в армию доля мужчин в населении тыловых регионов продолжала снижаться. В январе 1945 г. в сельской местности Западной Сибири в возрастном диапазоне 18-24 года удельный вес мужчин сократился до 21%, 25-49 лет – до

19%, 50-54 года – до 32% [12]. В целом по РСФСР в начале 1945 г. прослойка мужчин в возрастной группе 18-24 г. составляла 20%, 25-49 лет – 19,5%, 50-54 года – 31% [13].

Таблица 2

Половозрастной состав сельского населения Западной Сибири в возрасте 14-54 года в начале 1943 г.

Возраст, лет	Сельское население, тыс. чел.			Доля в %		
	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола
14-15	195,8	214,7	410,5	47,7	52,3	100,0
16-17	136,6	171,4	308,0	44,4	55,6	100,0
18-24	77,0	330,6	407,6	18,9	81,1	100,0
25-49	227,0	885,9	1112,9	20,4	79,6	100,0
50-54	89,5	164,3	253,8	35,3	64,7	100,0
Всего	725,9	1766,9	2492,8	29,1	70,9	100,0

Составлена по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1009. Л. 51.

Примечание: В административных границах 1943 г.

Негативные тенденции в соотношении полов в конечном итоге предопределили резкое снижение показателей рождаемости. В связи с дефицитом женихов и без того низкий индекс брачности в Сибири продолжал уменьшаться. В 1941 г. на 1000 жителей Сибири было зарегистрировано 4,7 брака, а в 1943 г. – всего 2,3 брака [14]. Дефицит женихов, массовый распад брачно-семейных связей в уже сложившихся семьях, а также овдовение женщин не могли не отразиться на динамике демографических показателей тылового населения.

Таблица 3

Воспроизводство населения Сибири в годы Великой Отечественной войны (на 1000 чел. населения)

Год	Родилось	Умерло	Естественный прирост
1941	33,2	21,2	+12,0
1942	22,0	26,0	-4,0
1943	12,5	18,4	-5,9
1944	12,1	12,9	-0,8
1945	15,6	9,0	+6,6

Составлена по: Исунов В.А. Демографическая сфера в эпоху сталинизма // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск. 1990. С. 191.

Примечание: В административных границах соответствующих лет.

Табл. 3 свидетельствует, что за 1941–1944 гг. общий коэффициент рождаемости в Сибири сократился почти в три раза, в том числе в 1941–1942 гг. – на 34%, а в 1942–1944 гг. – еще на 45%. Важно отметить также, что уровень рождаемости в сельской местности снижался быстрее, чем в городах. В итоге на протяжении всех военных лет уровень рождаемости в городах превышал аналогичные показатели в сельской местности. Так, в 1941 г. общий коэффициент рождаемости в городах Сибири составлял 35‰, в деревне – 33‰, в 1943 г. соответственно 15 и 11‰, в 1945 г. – 20 и 13‰ [15].

Такая ситуация нечасто встречается в демографической истории и обусловлена она особенно резким нарушением баланса полов в сельской местности. В тех регионах Сибири, где городское население преобладало и где нарушение баланса полов не было столь резким, демографическая ситуация была менее напряженной. Так, в Кузбассе, регионе шахтеров и металлургов, на которых распространялась бронь, рождаемость хотя и значительно сократилась, но все же была выше, чем в других районах Сибири. В Кемеровской области превышение смертности над рождаемостью было зафиксировано только в 1943 г. [16].

Снижение рождаемости означало огромные косвенные потери населения вследствие так называемого дефицита рождений. Проведенные расчеты показывают, что в Сибири при сохранении неизменными довоенных тенденций развития демографической сферы в 1941–1945 гг. должно было родиться примерно 2,3 млн. чел., а фактически родилось 1,3 млн. чел., или в 1,8 раза меньше. Таким образом, только вследствие дефицита рождений население Сибири потеряло около 1 млн. потенциальных жизней [17].

Еще одной негативной тенденцией развития демографической сферы Сибири в военные годы было заметное увеличение смертности в 1941–1942 гг. За указанный период общий коэффициент смертности в регионе вырос на 23%. Причем негативные изменения начались в первые же месяцы войны и были обусловлены главным образом неудачно организованной эвакуацией и почти полной беспомощностью государственного здравоохранения. В городах Сибири в октябре 1941 г. уровень смертности превышал соответствующие показатели октября 1940 г. на 37%, в сельской местности – на 1,4%, в ноябре соответственно на 58 и 10%, в декабре – на 76 и 18% [18].

Как видим, в отличие от мирного времени в период войны смертность в городах заметно превышала смертность в сельской местности.

Еще одной характерной чертой демографической ситуации в 1941–1942 гг. был резкий рост детской смертности. На этом основании можно утверждать, что в тыловых районах страны дети понесли самые большие потери. В 1941 г. только в городах Сибири на 1000 родившихся умерло 205 детей, в 1942 г. – 365 детей [19]. Особенно высокие показатели детской смертности в Сибири были зафиксированы в июле и августе 1942 г., когда из каждой 1000 родившихся умерли, не дожив до года, свыше 600 младенцев [20]. Таким образом, на первом году жизни погибло 60% детей. Неокрепший детский организм особенно чутко реагировал на дестабилизацию обстановки, неблагоприятные изменения условий существования, ухудшение медицинской помощи и распространение инфекционных и желудочно-кишечных заболеваний.

Рост уровня смертности в Сибири, как и по всей стране, наблюдался только на начальном этапе войны. С конца 1942 – начала 1943 гг. показатели смертности населения в регионе стали постепенно снижаться. Уже в 1943 г. по отношению к 1942 г. общие коэффициенты смертности населения Сибири сократились на 29%, в том числе в городах и поселках городского типа региона на 10%, а в сельской местности – на 42,6% [21]. В 1945 г. общий коэффициент смертности населения Сибири составлял 9‰.

Одновременно значительно и быстро понизилась детская смертность. Снижение детской смертности собственно и лежало в основе общего снижения показателей смертности. В Сибири в 1943 г. на 1000 родившихся умер в возрасте моложе 1 года 171 ребенок, в 1944 г. – 94, в 1945 г. – 83 ребенка [22]. Главную роль в сокращении смертности сыграли не только быстрое восстановление системы здравоохранения и его эффективная работа, а также предельное ужесточение санитарного надзора, но и внедрение в повседневную медицинскую практику новых для того времени препаратов сульфаниламида. Вследствие напряженной работы медиков и представителей властей в структуре причин смерти довольно существенно сократился удельный вес инфекционных и желудочно-кишечных заболеваний. Достаточно сказать, что в Сибири в 1943–1945 гг. показатели смертности населения от брюшного тифа, дифтерии, гемоколита, кори и коклюша снизились в 2 раза, от туберкулеза легких – в 1,9, от воспаления легких – в 3,3, от токсической диспепсии – в 3,7, от дизентерии – в 6 раз [23]. Это и явилось, в конечном счете, главной причиной такого, казалось бы, парадоксального явления, как снижение показателей смертности населения страны, ведущей самую тяжелую и кровавую войну в своей истории.

Сокращение общих коэффициентов смертности населения Сибири в 1943–1945 гг., безусловно, несколько сократило косвенные демографические потери сибиряков. И тем не менее они были огромны. Прежде всего, это боевые потери Красной армии. По данным Генерального штаба Российской армии, в 1941–1945 гг. на территории, подведомственной Сибирскому военному округу (республики: Алтай, Тува, Хакассия; края: Алтайский и Красноярский; области: Кемеровская, Новосибирская, Омская и Томская) было призвано 2621,3 тыс. чел., потери же составили 817,6 тыс. чел. (31,2%). На территории Забайкальского военного округа (республики: Бурятия, Саха (Якутия); области: Иркутская и Читинская) было мобилизовано 567,9 тыс. чел., из них не вернулось с войны 128,2 тыс. чел. (22,6%) [24]. Эти данные, скорее всего, занижены и число погибших сибиряков было существенно выше. Еще одним источником потерь населения Сибири было, как уже говорилось, сокращение рождаемости населения.

Потери населения вследствие дефицита рождений и гибели сибиряков на фронтах на самом деле не исчерпывают всех потерь, так как необходимо учесть еще и повышение смертности населения региона в 1941–1942 гг. Скорее всего, общие потери населения Сибири в 1941–1945 гг. приближаются к огромной цифре – не менее 3 млн. чел., что составляло около 20% довоенной численности населения Сибирского региона.

Источники и литература

1. 1941 год. В 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 639, 647.
2. Горьков Ю.А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры и документы. М., 2002. С. 492–493.
3. Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 452.
4. Михалев С. Н. Людские потери в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистическое обследование. Красноярск, 2000. С. 99.
5. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 997. Л. 55, 56.
6. Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2001. Т. 2. С. 33.
7. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1009. Л. 20.
8. Там же. Ф. 9517. Оп. 1с. Д. 51. Л. 88, 89, 90.
9. Там же. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 92; Д. 322. Л. 3; Д. 405. Л. 2.
10. ГАО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 609. Л. 15.
11. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1009. Л. 18.
12. Там же. Л. 24, 39, 40, 57, 59.
13. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 332. Л. 1.

14. Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы... С. 101.
15. Там же. С. 88.
16. ГАКО. Ф. 304. Оп. 3. Д. 249. Л. 79 об.
17. Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. С. 94–95.
18. Исупов В.А. На изломе: смертность населения Сибири в начале Великой Отечественной войны // Историческая демография Сибири. Новосибирск, 1992. С. 187.
19. Там же. С. 83.
20. Исупов В. А. Десятая казнь: младенческая смертность в Западной Сибири в начале Великой Отечественной войны // Социально-политические проблемы истории Сибири XVII–XX вв. Бахрушинские чтения, 1994 г. Новосибирск, 1994. С. 119.
21. Исупов В. А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. С. 100–101.
22. Там же. С. 101.
23. Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы... С. 137–138.
24. Население России в XX веке. Т. 2. С. 33, 39.

Демографическая ситуация и переселение в Карело-Финскую ССР (конец 1940-х – середина 1950-х гг.)

Великая Отечественная война нанесла большой урон населению республики. К январю 1946 г. оно составляло 274 тыс. чел., в то время как перед началом Великой Отечественной войны – 606,3 тыс. чел. [1]. По данным Совета Министров КФССР, в середине апреля 1946 г. в 42 областях и республиках СССР находилось 159 990 чел., эвакуированных в годы войны из Карелии. Наибольшее их число оказалось в Архангельской, Вологодской, Молотовской, Кировской областях, Коми АССР и др. [2]. Руководство многих областей и республик считало эвакуированное из КФССР население своим постоянным населением и не учитывало его как подлежащее реэвакуации. В ряде мест имелись случаи запрещения выезда населения на прежнее место жительства в Карелию. Так, председатель Совета Министров Коми АССР разрешил реэвакуировать в КФССР только финнов и карелов, а реэвакуацию остального населения запретил, мотивируя тем, что оно не является коренным населением КФССР, а завезено в республику в 1940–1941 гг. из Белоруссии и Украины в порядке переселения. В Архангельской области органы МВД не разрешили выезд в КФССР 15 семьям, работавшим на лесопунктах Няндомского района, и не выдали им пропуска. В Ленинградской области было задержано население из Карелии, работавшее на торфоразработках и бумажном комбинате «Энсо» [3].

Несмотря на демобилизацию из рядов армии и меры, принятые правительством КФССР по возвращению эвакуированных жителей, к концу 1947 г. численность трудоспособного населения республики составляла всего 173 тыс. чел. (48% к численности населения республики и 55% к трудоспособному населению 1940 г.) [4]. Между тем перед республикой были поставлены крайне напряженные планы по наращиванию объемов лесозаготовок. Постановление Совета Министров СССР от 11 февраля 1949 г. «О мероприятиях по восстановлению и развитию лесозаготовок в Карело-Финской ССР» предусматривало доведение объема заготовки и вывозки древесины в 1955 г. до 20 млн. куб. м, что почти вдвое превышало расчетную лесосеку. Причем данный объем работ должен был выполняться без участия такого крупного заготовителя, как Беломорско-Балтийский комбинат НКВД, который к началу 1940-х гг. давал более половины всей заготовленной в республике древесины [5]. Кроме того, в августе 1949 г. из республики были репатриированы последние иностранные военнопленные, значительная часть которых трудилась на лесозаготовках.

Вплоть до начала 1950-х гг. почти 1/3 работавших на лесозаготовках республики составляли колхозники, направляемые в лес в порядке трудовой повинности. Для пополнения кадрами лесозаготовительных предприятий широко использовался и такой источник, как организованный набор рабочих из других областей и республик, но он имел существенные недостатки: в основном неквалифицированный состав рабочих и частую их сменяемость. Задача создания постоянных рабочих кадров на лесозаготовках выдвинула на первый план промышленное переселение, использовавшееся и в довоенные годы. Постановлением Совета Министров СССР от 11 февраля 1949 г. «О мероприятиях по восстановлению и развитию лесозаготовок в Карело-Финской ССР» намечалось переселение в республику на добровольных началах в течение двух лет 25 тыс. семей.

Не менее остро стоял вопрос кадров в сельском хозяйстве республики. К началу 1945 г. численность колхозного населения сократилась более чем в два раза по сравнению с 1940 г., при этом число женщин превышало число мужчин более чем в 5 раз [6]. Особенно острой проблема кадров была в приладожских районах – Сортавальском, Суоярвском, Питкярантском и Куркиёском, отошедших от Финляндии к СССР по мирному договору от 12 марта 1940 г., так как финские власти эвакуировали жителей, а начавшееся переселение из других краев, областей и республик страны было прервано войной.

Пятилетним планом восстановления и развития сельского хозяйства республики на 1946–1950 гг. предусматривалось переселить в колхозы до 15 тыс. семей, однако приехало в Карелию лишь 2 тыс., а осталось 1,6 тыс. семей. К концу пятилетки (1950 г.) в пределах территории бывшей КАССР трудоспособное население колхозов составляло всего 47% к довоенному [7].

12 февраля 1949 г. пленум ЦК КП(б) КФССР принял развернутое решение по вопросам переселения рабочих кадров в республику, которое легло в основу всей дальнейшей деятельности хозяйственных и партийных органов. Непосредственное решение всех вопросов переселения было возложено на республиканскую комиссию по переселению. За районами Карелии закреплены области и республики, из которых вербовалась рабо-

* Вавулинская Людмила Ивановна (Петрозаводск) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, ludvav@mail.ru.

чая сила. Переселенческий отдел при Совете Министров КФССР постановлением правительства республики от 16 сентября 1949 г. был реорганизован в Переселенческое управление при Совете Министров КФССР [8].

Немаловажную роль в переселенческой практике послевоенных лет играл политический фактор. Для укрепления Карело-Финской ССР «национальными» кадрами по инициативе первого секретаря ЦК КП(б) КФССР Г.Н. Куприянова в 1949 г. было предпринято организованное переселение в республику финнов-ингерманландцев. К концу года в Карелию переехало 7468 ингерманландских семей (21 032 чел.), т. е. почти половина всех переселенцев, прибывших в республику на основании постановления Совета Министров СССР [9]. Однако вскоре, в связи с так называемым «ленинградским делом» и арестом первого секретаря ЦК КП(б) КФССР Г.Н. Куприянова, постановлением Совета Министров КФССР от 10 мая 1950 г. было прекращено организованное переселение финнов-ингерманландцев в Карелию, а ранее завезенные ингерманландцы переселены из пограничных районов в непограничные [10].

Рассматривая проблему переселения рабочих кадров в Карелию, надо учитывать еще один момент, связанный с деятельностью Министерства внутренних дел республики. В августе 1949 г. начальник 1-го спецотдела МВД КФССР направил директиву начальникам городских и районных отделений МВД и начальнику паспортного отдела при МВД КФССР. В ней говорилось о том, что «в связи с большим притоком на территорию республики населения, прибывшего в порядке организованного переселения и индивидуальной вербовки, не исключена возможность наличия среди них лиц, являвшихся ссыльными, высланными и ссыльно-поселенцами, которые должны находиться под гласным надзором органов МВД. В связи с этим предлагалось проверить по данным паспортных столов всех лиц, прибывших в республику в 1949 г. из других регионов. Такие же меры предосторожности были приняты в отношении репатриированных граждан, не прошедших так называемую фильтрацию. Согласно директиве министра внутренних дел КФССР (октябрь 1949 г.), их предлагалось взять на учет органов МВД в течение месячного срока [11].

Переселение в Карело-Финскую ССР проходило с большими трудностями, особенно из Украинской ССР. Украинские переселенцы, в силу отличных от Украины природных и климатических особенностей Карелии, не закреплялись в республике и почти полностью возвращались на прежнее место жительства. В связи с этим предпочтение было отдано Белоруссии и более северным областям РСФСР – Калининской, Костромской, Вологодской, Брянской, Ярославской.

Нередко семьи переселенцев не имели в своем составе ни одного трудоспособного. Из-за отсутствия детских садов и яслей во многих населенных пунктах не работали многодетные матери, имевшие малолетних детей. В 1952 г. из 3569 трудоспособных женщин, прибывших по переселению в республику в 1950–1952 гг., по этой причине не работали 800 чел. [12].

Планы переселения систематически не выполнялись. По плану 1950 г. в республику должны были прибыть 11 900 семей переселенцев, из них 4 тыс. – в лесную промышленность. Фактически же из-за неподготовленности жилого фонда было принято за год 2220 семей, из них выбыло за пределы республики 219 семей [13]. Планом переселения в КФССР на 1951 г. предусматривалось переселить в республику 5400 семей, в том числе 3500 – в лесную промышленность, 1800 – в колхозы и совхозы, 100 – на предприятия промышленности строительных материалов. Выполнение плана сразу оказалось под угрозой срыва, так как 20 апреля из Белоруссии при плане 600 семей было переселено в колхозы КФССР 163 семьи и на предприятия лесной промышленности – всего 12 семей. Из Украины при плане 2800 семей не было переселено ни одной [14].

По плану 1953 г. в республику переселялось 4300 семей, в том числе в леспромхозы – 3500 семей, но за год переселились лишь 1920 семей (44,6% к плану), причем 78 из них отказались по разным причинам выехать в места вселения (колхозы, совхозы, леспромхозы) и самостоятельно устроились в различных предприятиях и организациях, вселение в которые не было предусмотрено планом [15].

Неудовлетворенность жилищно-бытовыми условиями, отсутствие пригодных для огородничества земель вызывали большой отток переселенцев из республики. Из леспромхозов выбыло за пределы республики на первом году вселения в 1950 г. 18,1% переселенцев, в 1951 г. – 15,5, в 1952 г. – 4,4, в 1953 г. – 4,5%. Всего за 1950–1953 гг. выбыло из леспромхозов переселенцев 1950 г. 59,6%, в том числе за пределы республики – 33,4%, переселенцев 1951 г. соответственно: 41,9 и 29,4%. Из колхозов на первом году вселения выбыло переселенцев 1950 г. – 20%, 1951 г. – 24,5%, 1952 г. – 21,7%, 1953 г. – 25,1%. Всего за три года выбыло переселенцев 1950 г. – 78,3%, в том числе за пределы республики – 64,5%, 1951 г. – соответственно: 65,6 и 57,9% [16].

К 1953 г. переселенцы составили около 50% общего числа постоянных кадров рабочих на предприятиях Министерства лесной промышленности Карело-Финской ССР [17]. На ряде предприятий – Суоярвском, Лоймольском, Поросозерском, Лахколамбинском, Кировском, Ругозерском леспромхозах – эта цифра была еще выше: до 70% и более к общему числу постоянных рабочих. Новые лесные поселки на 80-90% заселялись переселенцами (не считая временных сезонных рабочих). Только в 1949–1955 гг. в лесную промышленность республики было переселено более 17 тыс. 400 семей [18]. К 1956 г. абсолютное большинство лесозаготовительных предприятий

имело постоянные рабочие кадры, что играло важную роль в превращении лесозаготовок в индустриальную отрасль производства.

Гораздо сложнее проходило переселение в колхозы республики. В силу тяжелого материального положения колхозов, бытовой неустроенности, ограниченных возможностей для ведения приусадебного хозяйства многие переселенцы выезжали на прежнее место жительства или переходили на работу в лесную промышленность. Приусадебные участки в Карело-Финской ССР были небольшими – 0,25 га на хозяйство, в то время как, например, в Белорусской ССР колхозники имели приусадебные участки в размере 0,50 га на хозяйство [19].

Нередко переселение в леспромхозы и колхозы производилось за счет городского населения, не знакомого со спецификой работы в этих отраслях экономики. Так, в числе 13 семей, прибывших в колхозы Питкярантского района из Винницкой области, пять семей оказались семьями служащих, которые отказались работать в колхозе и сразу выехали на родину. В Сортавальский район поступило до 35% переселенцев, незнакомых с сельскохозяйственным производством и никогда не работавших в колхозе [20].

Значительная часть переселенцев возвращалась из республики на прежнее место жительства. Так, в колхозы Куркиекского района в порядке планового переселения было завезено в 1949–1951 гг. 1284 семьи, из них было из колхозов – 1025, осталось всего 259 семей. В 1949–1952 гг. в Олонецкий район прибыла 491 семья, за это же время 436 семей колхозников-переселенцев выехали из района обратно [21]. В 1952 г. из колхозов выбыло 265 семей (27,2%), в том числе за пределы республики – 212 (21,7%), в 1953 г. – 107 семей (28%), в том числе за пределы республики – 96 (25,1%). Из совхозов в 1952 г. – 30 семей (8,7%), в том числе за пределы республики – 18 (5,2%), в 1953 г. – 30 (13,8%), в том числе за пределы республики – 17 (7,8%) [22]. В целом за 1949–1953 гг. в колхозах республики закрепилось только 3,5 тыс. чел. трудоспособного возраста, т.е. немногим более 1/3 переселившихся. Между тем в 1950–1953 гг. на эти цели было израсходовано около 10 млн руб. [23].

Хотя переселение в колхозы и совхозы республики не принесло ожидаемого эффекта, оно тем не менее могло пополнить сельскохозяйственное производство кадрами. В 1953 г. в совхозах рабочие-переселенцы составили 45% к общему числу рабочих, в колхозах – 35–40% к количеству трудоспособных колхозников, работавших в колхозах. В Сортавальском, Куркиекском, Суоярвском и Питкярантском районах все колхозы почти полностью состояли из переселенцев. В целом по республике переселенцы были размещены в 38 леспромхозах (200 лесозаготовительных участков), в 16 совхозах и более чем в 200 колхозах всех 23 районов республики [24].

Постановлением Совета Министров КАССР от 1 октября 1956 г. деятельность Управления по переселению и организованному набору рабочих при Совете Министров КАССР была упразднена, а прием, хозяйственное и бытовое устройство семей переселенцев и рабочих оргнабора возложены на министерства и ведомства республики [25].

Таким образом, широко развернувшееся в конце 1940-х – середине 1950-х гг. переселение явилось одним из источников пополнения лесозаготовительных предприятий, колхозов и совхозов республики постоянной рабочей силой. Только в 1949–1955 гг. в лесную промышленность республики было переселено 17 тыс. 408 семей, в совхозы – 1253, в колхозы – 4840 семей, всего – 23531 семья [26].

Пополнение трудовых ресурсов за счет кадров из других регионов существенно повлияло на состав населения республики. Карелия длительное время имела повышенную долю мужчин, более высокий по сравнению с общесоюзным процент трудоспособного населения, более высокие коэффициенты брачности, рождаемости и естественного прироста. Переселение в республику кадров из других республик и областей страны оказало влияние на изменение этнического состава населения республики, которое заключалось в росте численности русского и в целом славянского населения.

Источники и литература

1. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. С. 686.
2. Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1891. Л. 23.
3. НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1891. Л. 21.
4. НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 2911. Л. 1-2.
5. ГУЛАГ в Карелии: Сб. документов и материалов. 1930–1941. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1992. С. 3.
6. Вавулинская Л. И. Колхозное крестьянство и государственная политика в середине 1940-х – конце 1950-х годов (на материалах Карелии). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 45.
7. Вавулинская Л. И. Указ. соч. С. 47.
8. НА РК. Ф. Р-3149. Оп. 1. Д. 5/29. Л. 440.
9. Суни Лео. Ингерманландские финны // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы / Под ред. Т. Вихавайнена и И. Такала. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1998. С. 80.
10. НА РК. Ф. Р-1394. Оп. 7. Д. 67/441. Л. 134-136.

11. Архив Информационного центра МВД РК (далее – АИЦ МВД РК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 276. Л. 104, 138–139.
12. НА РК. Ф. Р- 2716. Оп. 10. Д. 35/243. Л. 33.
13. НА РК. Ф. Р-1394. Оп. 6. Д. 34/1522. Л. 70.
14. НА РК. Ф. Р-1394. Оп. 7. Д. 71/460. Л. 124–125; Д. 71/461. Л. 10.
15. НА РК. Ф. Р-3149. Оп. 1. Д. 12/90. Л. 1.
16. НА РК. Ф. Р-3149. Оп. 1. Д. 12/90. Л. 20, 21.
17. НА РК. Ф. Р-1394. Оп. 7. Д. 71/461. Л. 252.
18. НА РК. Ф. П-3. Оп. 9. Д. 65. Л. 15.
19. НА РК. Ф. Р-3149. Оп. 1. Д. 12/90. Л. 5.
20. НА РК. Ф. Р-3149. Оп. 1. Д. 8/51. Л. 5.
21. Вавулинская Л.И. Указ. соч. С. 48; НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 5490. Л. 2.
22. НА РК. Ф. Р-3149. Оп. 1. Д. 12/90. Л. 20.
23. Вавулинская Л.И. Указ. соч. С. 49; Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Сельская среда и население Карелии. 1945–1960. Историко-социологические очерки. Л., 1988. С. 79.
24. НА РК. Ф. Р-3149. Оп. 1. Д. 12/90. Л. 34, 58, 59.
25. НА РК. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 2/10. Л. 129–130.
26. НА РК. Ф. П-3. Оп. 9. Д. 65 Л. 15.

Место гибели – ВЯТЛАГ (К анализу уровня и причин смертности среди политических узников Вятского ИТЛ в 1938–1956 гг.)

ВЯТЛАГ (Вятский исправительно-трудовой лагерь) НКВД (с июня 1946 г. – МВД) СССР организован 5 февраля 1938 г. в соответствии с приказом НКВД СССР № 020. Непосредственно подчинялся (до ноября 1955 г.) Главному управлению лагерей лесной промышленности (ГУЛП) НКВД-МВД СССР. Официальный адрес: Кировская область, Кайский (ныне Верхнекамский) район, почтовый ящик 231 (почтовое отделение Волосница – до 15 января 1949 г., затем – почтовое отделение Лесное). Центр: рабочий поселок Рудничный (до декабря 1939 г.), затем – станция Лесная («Соцгородок»), с июня 1944 г. – пос. Лесной Кайского (Верхнекамского) района Кировской области. Общая площадь территории дислокации (к середине 1960-х гг.) – около 12000 кв. км. Количество лагерных подразделений (лагпунктов и «подкомандировок»): от 12 в 1938 г. до 38 в конце 1950-х гг.

На протяжении всего периода существования Вятлага его структурные подразделения располагались на территории шести районов Кировской области (Кайского/Верхнекамского, Зуевского, Нагорского, Омутнинского, Фаленского, Халтуринского/Орловского) и города Кирова, двух районов Республики Коми (Койгородского и Усть-Куломского), Гайнского района Коми-Пермяцкого национального/автономного округа Пермской области (ныне Пермского края), а также в Удмуртии (станция Яр), Курской области и Киргизии (город Фрунзе/Бишкек).

Средства транспортного сообщения (до середины 1960-х гг.): ведомственный подъездной железнодорожный путь широкой колеи («Гайно-Кайская железная дорога») общей протяженностью более 250 км к северу от станции Верхнекамская Пермской (ныне Горьковской) железной дороги; узкоколейные железнодорожные ветки; грунтовые и автомобильные (грунтовые и лежневые) трассы (направления).

Расположен в неблагоприятной природно-климатической зоне: болотистая местность, повышенная влажность (до 80% в среднем за год, осадки – в течение 200 дней в году, ясных дней – не более 40, в отдельные годы – менее 15), дефицит питьевой воды, суровые зимние холода (не менее 140 дней в году – с устойчивыми морозами), летом – частые заморозки и резкие похолодания, обилие насекомых-кровососов (комары, мошка, слепни и т.п.); почвы – скудные, глинистые и песчаные; лесные массивы (ель, сосна, береза) существенно истощены лесными пожарами (крупнейший – в сентябре 1938 г.) и сплошными вырубками.

Характер производственной деятельности (1940–1950-е гг.): лесозаготовки (от 12,0 до 17,6% к среднегодовым объемам в целом по Кировской области), лесопиление (от 6,1 до 15,3% к общеобластным объемам), деревообработка (выпуск пиломатериалов, шпал, мебели, лыж, музыкальных инструментов и др.), строительство узкоколейных железных дорог для перевозки леса, автомобильных дорог, обслуживание целлюлозного и кирпичного заводов, ремонтных мастерских различного типа, производство обуви, швейных, гончарных и других изделий широкого потребления, подсобное сельское хозяйство.

Численность спецконтингента – осужденные, «следственно-заключенные» (с июля 1941 г.), спецпоселенцы «трудармейцы» (с февраля 1942 г.), военнопленные (1945–1947 гг.) – на 1 октября 1938 г.: 12 553 чел., из них репрессированные: за «контрреволюционные преступления» (КРП) – 6 865 (54,7%), как «социально опасные» (СОЭ) и «социально вредные» (СВЭ) элементы – 2 642 (21,0%); «социально чуждый элемент» в целом – 9 507 чел. (75,7%); на 1 июля 1941 г. – 16 732 чел., на 1 января 1943 г. – 16 492 чел., из них: женщины – 2 800 (17,0%), репрессированные за КРП – 9 051 (54,9%), «трудмобилизованные» (в основном «лица немецкой национальности») – 5 390 (32,7%); на 1 января 1947 г. – 20 904 чел., из них: осужденные – 16 499 (78,9%), в том числе женщины – 3 117 (18,9%), военнопленные – 2 793 (13,4%), спецпоселенцы – 1 612 (7,7%); на 1 января 1954 г. – 22 215 чел., из них: женщины – 2 124 (9,6%), репрессированные за КРП – 5 796 (26,1%); на 1 января 1955 г. – 22 454 чел., из них: женщины – 2 558 (11,4%), репрессированные за КРП – 4 102 (18,3%); на 1 января 1956 г. – 22 447 чел. [1].

При Вятском ИТЛ функционировал (с 1943 по 1947 г.) лагерь для военнопленных № 101, состоявший из шести подразделений общей наполняемостью до 5 000 чел., а в поселке Рудничном действовали два спецгоспиталя для военнопленных (№ 3007 и № 3171, по 1500 койко-мест каждый). За время существования лагеря № 101 в нем погибли 1 518 военнопленных, а в спецгоспиталях № 3007–3171 – 4 722. Лагерь № 101 и спецгоспитали № 3007–3171 ликвидированы к концу 1947 г. В 1956–1957 гг. с учета Вятлага сняты спецпоселенцы, в начале 1960-х гг. прекращено содержание в нем заключенных-женщин.

Численность персонала на 22 июля 1941 г.: штатная положенность – 2 058 единиц, фактическое наличие – 1 602 чел., в том числе военизированная охрана соответственно – 938 и 866; на 20 января 1957 г.: фактическое

* Белых Никита Юрьевич (Киров) – кандидат исторических наук.

наличие – 7 653 чел., в том числе начальствующий состав – 581, солдаты срочной службы (охрана) – 2 280, вольнонаемные работники – 4 570, спецпоселенцы – 222, некомплект по лагерному сектору – 563 чел.

Объемы основного производства (в тысячах кубометров). 1938 г.: заготовка леса (план) – 700, вывозка древесины (план) – 620, лесопиление (факт) – 95; 1947 г.: заготовка (факт) – 1 049, вывозка (факт) – 1 073, лесопиление (факт) – 92; 1956 г.: заготовка (факт) – 2 224, вывозка (факт) – 1 541, разделка древесины (факт) – 2 326, лесопиление (факт) – 238.

Вятский ИТЛ выделялся как один из лагерей НКВД-МВД с наиболее тяжелыми условиями труда и быта, особенно в 1942–1943 гг., что вело к повышенной смертности подневольных. На протяжении 1938–1956 гг. через Вятский ИТЛ прошли около 100 000 человек, репрессированных по политическим и национальным мотивам, в их числе граждане двух десятков зарубежных государств, всех республик бывшего СССР, представители 80 национальностей, всех классов, социальных слоев и сословий, основных конфессий. Судьба многих трагична: около 18 000 нашли вечный приют на вятлаговских погостах.

Статистическая картина этого скорбного списка может быть представлена следующим образом. Всего в списке 18 075 персоналий. Из них: мужчины – 17 603 (97,3%), женщины – 472 (2,7%). По категориям специального учета: осужденные – 13 803 (76,4% от общего списка), в том числе мужчины – 13 419 (97,2% от данной категории), женщины – 384 (2,8%); подследственные – 2 750 (15,2% от общего списка), в том числе мужчины – 2 703 (98,3% от данной категории), женщины – 47 (1,7%); «трудмобилизованные» и спецпоселенцы – 1 522 (8,4% от общего списка), в том числе мужчины – 1481 (97,3% от данной категории), женщины – 41 (2,7%).

Хронология летальности среди политических узников Вятлага представлена в нижеследующей таблице.

Число смертельных случаев по годам и месяцам [2]

Год	Янв.	Фев.	Март	Апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Сен.	Окт.	Нояб.	Дек.	Всего	%%
1938		9	39	115	187	147	165	149	288	118	105	99	1421	7,9
1939	76	65	76	76	66	105	99	80	47	36	14	15	755	4,2
1940	25	19	16	19	30	21	17	19	21	9	18	26	240	1,3
1941	25	26	17	37	21	23	21	73	130	197	247	415	1232	6,8
1942	747	749	874	1084	1006	794	704	570	231	200	134	196	7289	40,3
1943	334	466	520	608	715	577	396	256	196	125	133	182	4508	24,9
1944	168	170	162	158	136	92	79	50	31	9	21	25	1101	6,1
1945	21	21	42	35	41	53	46	38	34	21	17	19	388	2,1
1946	16	19	23	11	12	13	16	15	12	12	13	15	177	1,0
1947	19	17	31	15	15	27	26	27	15	18	23	32	265	1,5
1948	39	32	28	26	25	22	16	24	16	11	10	18	267	1,5
1949	8	7	12	4	7	7	10	8	9	7	7	10	96	0,5
1950	13		4	9	11	10	5	9	4	5	4	8	82	0,5
1951	7	4	14	10	9	7	6	5	6		4	2	74	0,4
1952	6	5	9	3	12	2	8	4	4	3	6	7	69	0,4
1953	9	3	3	4	3	2	5	5	4	4	5	2	49	0,3
1954	9	4	5	3	5	5	3	3	3	4	1	1	46	0,3
1955	3		1	1	1	1		2	2	2	1		14	0,1
1956			1			1							2	0,01
ВСЕГО	1525	1616	1877	2218	2302	1909	1622	1337	1053	781	763	1072	18075	100,0
%%	8,4	8,9	10,4	12,3	12,7	10,6	9,0	7,4	5,8	4,3	4,2	5,9	100,0	

Показатели смертности распределяются по следующей схеме. По периодам: довоенный период (февраль 1938 – май 1941 гг.) – 2 542 случая (14,1%); военный период (июнь 1941 – май 1945 гг.) – 14 164 случая (78,4%); послевоенный период (июнь 1945 – декабрь 1956 гг.) – 1 369 случаев (7,6%). По сезонам (временам года): зима (декабрь – февраль) – 4 213 случаев (23,3%); весна (март – май) – 6 397 случаев (35,4%); лето (июнь – август) – 4 868 случаев (26,9%); осень (сентябрь – ноябрь) – 2 597 случаев (14,4%). При этом абсолютно высокие показатели смертности составили: за год – 1942-й – 7 289 случаев (40,3% от общего числа); за сезон – весна (все годы) – 6 397 случаев (35,4% от общего числа); по календарю – весна 1942 г. – 2 964 случая (16,4%; за месяц (все годы) – май – 2 302 случая (12,7 %); календарный месяц – апрель 1942 г. – 1084 случая (6,0%). Абсолютно низкие показатели смертности: за сезон (все годы) – осень – 2 597 случаев (14,4%); за месяц (все годы) – ноябрь – 763 случая (4,2%).

Следует отметить, что пик смертности в Вятском ИТЛ приходился на 1942 г., когда число летальных случаев в этом лагере составило: по всем «спецконтингентам» – не менее 9 090, или 31,6% к среднемесячному списочному составу подневольных; среди репрессированных по политическим мотивам – соответственно 7 289 и 32,0%. Для сопоставления: в том же году уровень смертности заключенных по ГУЛАГу НКВД СССР в целом выразился в 17,6% (248 877 чел. из 1 415 596 «единиц списочного состава»).

Что касается причин смертности, то анализ 119 архивных личных дел (около 0,7% от общего списка) и отложившихся в этих делах патологоанатомических документов (актов о смерти) показывает 44 варианта медицинских заключений, включающих 228 конкретных диагнозов. При этом причины летальности распределяются по следующим группам: общее истощение организма – 64 случая (53,8% к числу умерших и 28,1% к общему количеству диагнозов); заболевания органов дыхания – 60 случаев (соответственно 50,4 и 26,3%); заболевания органов сердечно-сосудистой системы – 54 случая (45,4 и 23,7%); заболевания органов пищеварения – 38 случаев (31,9 и 16,7%); другие патологии – 10 случаев (8,4 и 4,4%); нет данных (отсутствуют акты о смерти) – два случая (1,7 и 0,9%) [3].

Небезынтересным представляется и сопоставление показателей смертности среди «спецконтингентов» Вятского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР и трудового концентрационного лагеря Бухенвальд (Германия) в 1938–1945 гг. За этот период на спецучет Вятлага было поставлено около 90 000 подневольных, в том числе около 30 000 – репрессированных по политическим и национальным мотивам. Число погибших составило: по первой категории – 21 453 (около 24% от списочного состава), по второй категории – 16 609 (более 55%). За те же годы в трудовой лагерь «Бухенвальд» водворены 236 062 чел., из которых погибли 33 414 (чуть более 14% от всех зарегистрированных узников). То есть показатели уровней смертности среди узников «Бухенвальда» и «спецконтингентов» Вятлага соотносятся (по общим спискам) как 1 к 1,7. Если же выделить показатель уровня смертности среди всех узников нацистского концлагеря и аналогичный показатель среди «политико-национальных» контингентов Вятского ИТЛ, то соотношение между этими показателями будет выглядеть уже как 1 к 3,9 [4].

На основании этого и других сопоставлений вполне логично констатировать: обе карательные системы (сталинско-гулаговская и нацистско-концлагерная) при всех внешних модификациях действовали с равнозначной и расчетливой бесчеловечностью. При этом советская система (с точки зрения «убойной силы») в сравнении со своим германским аналогом по некоторым параметрам демонстрировала даже более высокую «эффективность». В связи с этим нельзя не признать обоснованными выводы бывшего узника Гулага (в том числе и Вятлага), известного отечественного мыслителя Д.М. Панина: «Что в сталинских лагерях, особенно в 1941–1942 годах, служило газовыми камерами?» – ставит вопрос Д.М. Панин. И отвечает на него: «В лесных лагерях большинство уже сильно истощенных в тюрьме и на этапе людей убивали работой на лесоповале в течение двух недель – месяца. Газ там заменялся:

- ничтожным пайком, убийственным и безо всякой работы;
- отсутствием лагерной одежды (каждый оставался, в чем приехал);
- абсолютно невыполнимыми в тех условиях нормами выработки;
- расстоянием до места работы в 8–9 километров, которое приходилось проделывать дважды в день, часто по заснеженной целине;
- страшными морозами зимой 1941–1942 годов, когда температура воздуха была 35 градусов по Цельсию ниже нуля и выше не подымалась; активировок же не производили, то есть выгоняли в любой мороз на работу;
- работой без выходных дней. Единственный передых был, когда вместо леса выводили за зону, чтобы на снегу произвести обыск эков и осмотр их одежды;
- полчищами клопов, а нередко и вшей;
- холодом в бараках...

Двух недель – месяца такой работы было вполне достаточно, чтобы окончательно вывести человека из строя. По истечению этого срока ээк терял остаток сил, не мог уже дойти до делянки, а чаще всего – и выстоять развод. После этого он умирал медленной смертью. Это – способ умерщвления людей, во время которого только растягивают муки на месяцы. Смерть от пули не идет ни в какое сравнение с тем, что пришлось пережить многим миллионам погибших от голода. Такая казнь – верх садизма, людоедства, лицемерия...».

Захоронения бывших узников Вятлага расположены в 34 пунктах на территории Верхнекамского, Зуевского и Фаленского районов Кировской области, Койгородского района Республики Коми, а также в г. Кирове.

Наибольшее число захоронений находится:

- на бывшем 4-м («больничном») лагерном пункте («сангородок» – пос. Полевой-2, в 4 км к югу от пос. Лесного по железной дороге) – 3 104 погребения, или 17,2% от общего числа;
- на бывшем 3-м лагерном пункте (станция Малый Созим, в 6 км к югу от пос. Лесного по железной дороге, лагпункт и станция ликвидированы в конце 1950-х гг.) – 1 959 погребений, или 10,8%;

– на бывшем 7-м лагерном пункте (пос. Ягодный, 6 км по железной дороге к северу от пос. Лесного, лагпункт и поселок ликвидированы в начале 1990-х гг.) – 1 814 погребений, или 10,0%;

– на бывшем 1-м лагерном пункте (пос. Рудничный, 28 км к югу от пос. Лесного по железной дороге; 2 км к северо-востоку от станции Верхнекамская по автотрассе; лагерь ликвидирован в конце 1940-х гг.) – 1 570 погребений, или 8,7%;

– на бывшем 5-м лагерном пункте (станция Лесная, 1 км к северу, поселок/предместье Комендантский) – 1 457 погребений, или 8,1%;

– на бывшем 6-м лагерном пункте (станция Брусничная, 14 км к северу от пос. Лесного по железной дороге) – 1 211 погребений, или 6,7%;

– на бывшем 10-м лагпункте (станция Фосфоритная, 42 км к югу от пос. Лесного по железной дороге, лагпункт ликвидирован в конце 1940-х гг.) – 1 087 погребений, или 6,0%.

– в остальных подразделениях Вятлага и в городе Кирове – около 6 000 погребений, или примерно 33,0 % [6].

В настоящее время заброшенные, трудно доступные (по причине бездорожья) прилагерные погосты заросли лесом, могильные холмики сравнялись с землей. Определить точное место персональных захоронений и идентифицировать их сегодня практически невозможно.

И еще одна грань проблемы. Шесть томов Кировской областной Книги Памяти (Киров, 2000–2004) содержат более 20 000 имен жертв политических репрессий. Безусловно, это уникальное, знаковое событие и в общественно-политической жизни нашего края, и в созидании подлинной его истории, а труд тех, кто принимал участие в подготовке и публикации этого издания, заслуживает искреннего уважения и глубокой признательности. Вместе с тем нельзя не отметить, что в «Кировском мартирологе» нашлось место лишь для немногих сотен упоминаний о тех, чьи судьбы трагически сопряжены с Вятлагом. Это – единичные проценты от общего формата издания и от тех почти 100 000 чел., кто на собственной судьбе познал в Вятлаге всю тяжесть политического произвола...

Тем очевиднее и настоятельнее необходимость продолжения и завершения ведущейся уже долгие годы работы над «Мартирологом Вятлага» – как скромной, но неотъемлемой составной части непростого труда по воссозданию достоверной истории Отечества и Вятского края в XX в.

Источники и литература

1. Подробнее см.: Бердинских В.А. История одного лагеря. М., 2001.
2. Картотека специального учета Вятского УЛИУ. Архив.
3. Архив Московского НПИЦ «Мемориал». Фонд Вятлага. Картотека.
4. Картотека специального учета Вятского УЛИУ. Архив; Бухенвальд. Документы и сообщения. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С.77.
5. Панин Д.М. Лубянка – Экибастуз: лагерные записки. М., 1990. С. 110-112.
6. Картотека специального учета Вятского УЛИУ. Архив.

*А.М. Жаркенова (Астана, Казахстан)**

Демографическая политика: определение, принципы, направления

Демографическая политика является составной частью социальной политики государства. В соответствии с ней осуществляется управление социальными процессами. Это управление в демографической сфере в общем виде может быть представлено как воздействие общества на демографические процессы с целью изменения их тенденции в оптимальном направлении [1]. Отметим, что демографические последствия, в том числе и негативные, многих принимаемых социально-экономических решений часто определяются не сразу, а через ряд лет, причем далеко не всегда их можно измерить количественно. Польский демограф Э. Россет справедливо замечает: «Потребность в демографической политике диктуется существующей или вырисовывающейся неблагоприятной демографической ситуацией. Историческая демография учит, что ни одна эпоха в человеческих деяниях не была свободна от трудностей демографического характера. Ничто не говорит и о том, что демографические трудности, которые сейчас переживает мир, будут последними в истории человеческого рода» [2].

Демографическая политика нужна не только для предупреждения о возможных трудностях будущего, она необходима и для борьбы за лучшее будущее человечества, социальный прогресс для его огромного большинства.

Наше общество на всех этапах своего развития воздействовало на демографические явления, но это воздействие в большинстве случаев не было специально направленным. Качественно новый этап влияния на демографические процессы предполагает, что общество на основе учета общих тенденций развития экономики и народонаселения с помощью системы определенных мер формирует желательные (в долгосрочной перспективе) параметры воспроизводства населения. Это уже более высокий и сложный этап воздействия, результативность которого определяется особенностями социального и исторического развития страны.

В данных условиях весьма важной является разработка теоретических и методологических основ управления демографическими процессами в целях формирования такого типа воспроизводства населения, который бы отвечал долгосрочным интересам общества.

При определении места социально-демографической политики в структуре социальной политики следует учитывать, что совокупность социально-демографических процессов – лишь одна из подсистем общества, и ее развитие должно быть подчинено интересам и целям развития системы в целом. В этом смысле социально-демографическое развитие населения страны и ее регионов выступает как фактор их социально-политического и экономического развития.

Тесная связь социально-демографических и других социальных процессов означает, что нормальное демографическое развитие возможно лишь при условии стабильного развития общества в целом. В этом смысле все меры социальной политики влияют в той или иной мере на воспроизводство населения и его территориальное распределение, что не дает оснований относить к мерам социально-демографической политики любые проявления социальной политики, влияющие на население. Социально-демографическая политика выделяется в рамках социальной политики за счет специфической цели – воздействия на особую форму жизнедеятельности населения. Значит, любые меры социальной политики могут быть отнесены к социально-демографическим только тогда, когда они способствуют некоторой социально-демографической цели и предполагают получение определенного эффекта именно в социально-демографической сфере.

Социально-демографическая политика может быть определена как система общепринятых на уровне управления идей и концептуально объединенных средств, с помощью которых государство и его социальные институты предполагают достижение целей демографического развития, соответствующих перспективным задачам социально-политического и экономического развития общества. В социально-демографической политике можно выделить четыре взаимосвязанных компонента: концепцию, цель, принципы поведения и меры по достижению поставленной цели. Концепции, положенные в основу социально-демографической политики, должны

* Жаркенова Айгуль Маликовна (Астана, Казахстан) – кандидат исторических наук, доцент Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева.

соответствовать современным представлениям о закономерностях эволюции воспроизводства и миграции населения и постоянно пересматриваться по мере познания этих закономерностей и накопления опыта управления их развитием.

Важнейшей частью социально-демографической политики является система мер воздействия на демографические процессы. С точки зрения регуляции демографического поведения эти меры могут относиться к изменению условий жизни населения, всех этнических групп, социальных норм и характера социализации личности, формирования у нее определенных демографических установок.

Меры социально-демографической политики могут быть направлены на достижение конъюнктурных и перспективных задач. Как и всякое социально-политическое явление, социально-демографические процессы имеют свои специфические черты в отношении методов управления и необходимость путем направленных мер общества формировать желаемый результат. Конечно, полностью выдержать принцип комплексности в отношении одновременного воздействия на все социально-демографические процессы трудно: это связано не только с экономическими возможностями общества, но и с тем, что скорость изменения интенсивности различных социально-демографических процессов (рождаемость, смертность, миграция и др.) под влиянием демографической политики далеко не одинакова. В данном смысле наиболее быстро изменяются миграционные процессы, а медленнее – интенсивность рождения и возрастно-половая структура населения [3].

Социально-демографическая политика, как и любая система управляющих мер, может быть успешно реализована лишь в том случае, если достаточно четко определена ее цель. Речь идет не только о той или иной ее теоретической формулировке, но и об исчислении конкретных параметров желаемого типа воспроизводства населения, в котором находят выражение и качественные изменения населения. Определение отрицательного состояния системы, например, типа воспроизводства населения, неизбежно ставит вопрос о критериях оптимальности развития как всей социально-политической системы, так и социально-демографических процессов, каждый из компонентов которых – сам по себе сложное явление. Таким образом, речь идет о так называемых внешних, общих критериях развития социально-политической системы в целом и соподчиненных с ними внутренних критериях развития собственно социально-демографической системы, т.е., по сути дела, об иерархической системе критериев в целом. Важно определить объективную шкалу индивидуальных и общественных ценностей, на которых покоится концепция оптимума. В этом смысле общий критерий развития общества является определяющим, агрегирующим воздействием других критериев. В то же время критерии развития собственно социально-демографической системы в силу многообразия связей ее с другими социально-экономическими явлениями различны и часто противоречивы, особенно если сопоставлять их без учета влияния общего критерия. Выбор параметров оптимального типа воспроизводства населения с позиции одного, например, экономического критерия, вполне приемлемый с методической точки зрения в целях упрощения анализа, может в реальной жизни привести к неточным, а иногда даже неверным оценкам [4].

Положение облегчается тем, что диапазон вариантов основных тенденций социально-демографических процессов, главным образом рождаемости, в перспективе достаточно ограничен. Поэтому параметры предпочтительного с точки зрения долгосрочных интересов общества типа воспроизводства находятся в пределах сравнительно малой зоны – узких границ наиболее предпочтительной двух-, трехдетной семьи. Размеры этой зоны еще более ограничиваются, если учесть сложный и противоречивый комплекс в основном негативных последствий суженного воспроизводства населения. Тем не менее проблема установления параметров оптимального типа воспроизводства остается задачей сложной. Это еще и потому, что при выборе цели социально-демографической политики речь идет об определении параметров устойчивого в течение длительного времени типа воспроизводства населения не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня.

Поиск оптимума – это определение не того, что есть, а того, что могло бы быть с воспроизводством населения при определенных политических, экономических, социальных, экологических условиях.

Проблема целей социально-демографической политики не ограничивается масштабами страны в целом, существуют специфические задачи и методы их достижения в зависимости от специфики социально-политического, экономического и исторического развития того или иного региона. Однако во всех случаях они соотносятся как соподчиненная часть всей социально-демографической системы. Когда речь идет о разработке такого важного элемента социально-экономической политики как социально-демографическая политика, необходимо остановиться на вопросе об эффективности этой политики. Как известно, на рождаемость, брачность, разводимость и миграцию демографическая политика действует не непосредственно, а через формирование соответствующего мнения о желаемых нормах демографического поведения, например, о желаемом числе детей в семье. Специфика ряда мер социально-демографической политики состоит в том, что они реализуются через систему мнений, и это во многом определяет условия эффективности ее проведения и ее основные принципы.

Прежде всего, социально-демографическая политика может быть успешной, если ее цели соответствуют общему направлению социально-экономического развития общества, являются частью общей социальной стратегии.

При выборе методов социально-демографической политики следует исходить из того, что этнос, семья, ее члены и в обозреваемой перспективе будут выполнять и трудовые, и воспроизводительные функции. И перед обществом неизбежно встает задача найти оптимальное их сочетание, т.е. такое, при котором наилучшим образом удовлетворялись бы демографические и экономические интересы и общества, и этносов, и семьи. Коль скоро общество заинтересовано в наилучшем сочетании этих функций, оно должно рядом специальных мер помочь быстрейшему установлению такого сочетания, не полагаясь на то, что все, в конце концов, образуется само по себе.

Возможные методы демографической политики условно можно разделить на три группы [3, с. 96]:

1. экономическую;
2. административно-юридическую;
3. социально-психологическую или воспитательную.

Реальность использования различных мер социально-демографической политики, особенно экономических, находятся в прямой связи с характером общественного строя, с тем, какова система государственных отношений. Лишь в обществе с высокоразвитой экономикой появляется возможность более полного использования в отношении всего населения и в наиболее выгодных для него формах мер поощрения рождаемости и миграции, в том числе разного рода пособий.

Экономические средства воздействия на рождаемость – это комплекс мер, призванных создать наилучшие условия для сочетания трудовой и воспитательной функции семей с определенным числом детей. Неправильно сводить экономические меры к так называемым семейным пособиям, т.е. прямым выплатам семьям в зависимости от числа детей в них. Нельзя также семейные пособия смешивать с пособием по многодетности, это разные инструменты социально-экономической политики: семейные пособия призваны стимулировать рождения, как правило, низких порядков (первого, второго, третьего), в то время как пособия по многодетности являются мерой экономической помощи семьям, где уже есть определенное, чаще всего большое число детей.

Арсенал экономических средств демографической политики отнюдь не исчерпывается пособиями и разного рода поощрительными выплатами. Более широкое использование неполного рабочего дня (или работы через день) при соответствующей оплате позволяет матери успешнее совмещать на первых годах жизни ребенка уход за ним и участие в общественном производстве.

Одним из методов поощрения рождаемости и формирования нового демографического поведения является предоставленная семьям с детьми льгота при обеспечении жилой площадью.

Важным элементом политики поощрения рождаемости является увеличение объема производства и бесперебойной продажи по доступным ценам высококачественной детской одежды, обуви, специально приготовленных и хорошо оформленных продуктов питания.

В системе экономических мер демографической политики особое значение имеет расширение сети детских дошкольных учреждений и улучшения качества обслуживания в них, всемерное развитие сферы бытовых услуг.

К административно-юридическим мерам демографической политики относятся главным образом различные законодательные акты. Такими актами, направленными на поощрение рождаемости, могут быть, например, постановления, ограничивающие или полностью запрещающие пропаганду, производство, продажу противозачаточных средств, вводящие полный или частичный запрет на аборт, акты, понижающие или повышающие минимально допустимый законом возраст регистрации брака, ограничивающие или поощряющие миграцию в те или иные районы страны. Административно-юридические меры демографической политики, безусловно, не исчерпываются запретительными системами. Среди таких мер можно назвать изменение законов о браке и семье, о правах ребенка, расширение имущественных прав матери и детей при распаде семьи и др.

К мерам юридического характера можно отнести и определенные льготы при приеме на работу и увольнении с работы беременных женщин и женщин с детьми, при получении путевок в места отдыха для многодетных семей, а также при установлении пенсии. Меры административно-юридического характера могут дать результат лишь в комплексе с другими мерами демографической политики, на фоне общей благоприятной социально-экономической ситуации. Они должны проводиться крайне осторожно. Например, к запрещению абортов население, как показал опыт, быстро приспосабливается, увеличивается число нелегальных абортов, нередко имеющих пагубные последствия как для жизни, так и для здоровья женщин.

К мерам воспитательного характера относят пропаганду почетности и важности материнства и отцовства, желаемого для общества числа детей в семье и т.д. Так, согласно Закону Республики Казахстан «О государственных наградах Республики Казахстан» предусмотрены награды для многодетных матерей. Это подвески «Алтын алқа» и «Күміс алқа». Подвеской «Алтын алқа» награждаются матери, родившие и воспитавшие 8 и более детей. Подвеской «Күміс алқа» награждаются матери, родившие и воспитавшие шесть и семь детей.

Таким образом, подводя итоги исследования, можно констатировать, что определяемый сущностью, требованиями объективных законов общественного развития, механизм управления социально-демографическими

процессами – это способ организации, функционирования управляющей системы, комплекс принципов, социальных рычагов, правовых, нравственных норм и других средств и способов, воздействующих на управляемую систему для достижения конкретных целей. С помощью механизма управления обеспечивается последовательность (цикличность) деятельности управляющей системы (государства), ее взаимодействие с управляемой системой (этнонаселением).

В современной социально-демографической политике выделяются такие аспекты, как анализ и прогноз (определение главных проблем этнополитической ситуации, ее основных противоречий, доминирующих тенденций и перспектив развития национальных отношений); выявление управленческих целей, методов и средств их решения; определение факторов, влияющих на принятие решений; разработка конкретного курса действий, организационно-массовое и идеологическое обеспечение реализации управленческих решений и т.п. Высокая динамичность этнодемографических процессов, возможность непредвиденных поворотов и даже изломов в их развитии требуют от государственной политики постоянного анализа их состояния и перспектив развития, оперативной коррекции методов и форм реализации.

Источники и литература

1. Энциклопедический социологический словарь / Под ред. Г.В. Осипова. М.: ИСПИ РАН, 1995. С. 562, 563.
2. Россет Э. Принципы и проблемы перспективной политики народонаселения // Демографическая политика. М., 1974. С. 56.
3. Чикава А. Демографические процессы: научный анализ и демографическая политика // Общество и политика. М., 1999. № 3–4. С. 192.
4. Казьмина О.Е., Пучков П.И. Основы этнодемографии. Учебное пособие. М.: Наука, 1994. С. 51.

Теоретико-методологические проблемы исследования основных тенденций брачности и рождаемости в России во второй половине XX – начале XXI в.

Цель настоящего сообщения – обратить внимание на необходимость более основательного теоретико-методологического обеспечения исследования процессов брачности и рождаемости в России в последнее пятидесятилетие, включающее поздний советский (1960–1980-е гг.) и постсоветский периоды. Постановка этой задачи продиктована неблагоприятием демографической ситуации в современной России. При определении ее сущности высказываются разные, порой полярные мнения. Для одних она – демографическая катастрофа, для других – очередной (второй) этап демографического перехода (транзиции). Столь же различны оценки факторов, обусловивших ее. Нет согласия даже в том, какие из них – материальные или нематериальные – в первую очередь определяют демографическое поведение населения и выступают главной причиной депопуляции в стране. Все это свидетельствует о необходимости более серьезного изучения указанных проблем.

При исследовании процесса воспроизводства населения России конца XIX – начала XXI в. в отечественной исторической демографии успешно используется *теория демографического перехода (ТДП)*. Накоплен опыт интерпретации на ее основе демографических событий в масштабах всей страны [1] и отдельных регионов, например, Сибири [2]. В процессе адаптации к российским реалиям теория была дополнена идеями историков В.Б. Жиромской (о прерывности (интерактивности) перехода в России), В.А. Исупова (о его «мерцающем» характере в Сибири). Развитие демографической сферы России трактуется на основе ТДП как часть глобальной модернизации российского общества, а отдельные демографические процессы конкретизируются концепциями, органически связанными с этой теорией. Так, характер динамики смертности в разные периоды хорошо объясняет концепция эпидемиологического перехода. К сожалению, в трактовке тенденций брачности и рождаемости в России во второй половине XX – начале XXI в. **теоретической ясности нет. Они требуют более четкой концептуализации**, в связи с чем возникает вопрос, насколько подходит для этой цели *концепция второго демографического перехода*.

Эта концепция была создана за рубежом в середине 1980-х гг. для объяснения новых тенденций, развивавшихся в последней трети прошлого века в брачно-семейной сфере западных стран и обусловивших начало в них нового этапа демографической модернизации – второго демографического перехода [3]. Его главными признаками считаются рост в больших масштабах свободных брачных союзов и внебрачной рождаемости, повышение среднего возраста вступления в брак и рождения детей, широкое распространение безбрачия и добровольной бездетности. Согласно концепции, смысл этих перемен в матримониальном и репродуктивном поведении населения заключался в поиске людьми оптимальной модели собственного жизненного цикла, а их основу составили сдвиги от материалистических к постматериалистическим ценностям в сознании общества благодаря подъему уровня его благосостояния и дальнейшей либерализации. Следствием роста индивидуальной и общественной свободы стал всплеск сексуальной активности молодежи, вызвавший снижение возраста сексуального дебюта, разведение прежде слитных сексуального, матримониального и репродуктивного поведения и изменение последовательности демографических событий в жизни человека по сравнению с их очередностью в традиционном обществе, разнообразие форм брачных союзов. Если исходить из такого видения сущности второго демографического перехода, то главным его признаком нужно считать распространение свободных союзов и внебрачных рождений, а они, в свою очередь, во многом детерминируют остальные демографические события, их сроки и масштабы.

В России во второй половине XX в. также начались сходные по ряду признаков с северо- и западноевропейскими странами изменения в брачно-семейных отношениях, в частности, широко распространились добрые и внебрачные связи, внебрачная рождаемость. Но являлись ли они признаком начала второго демографического перехода у россиян? Это надо определить, поскольку очевидно, что причины, породившие новые образцы демографического поведения в России, были во многом иными, чем на Западе.

Концепция второго демографического перехода была принята в странах неклассической модернизации, появились работы, трактующие с ее позиций их демографическую историю. Некоторые отечественные демографы также стали использовать ее для объяснения перемен в брачно-семейной сфере постсоветской России [4]. Сторонники этой концепции убеждены, что смысл демографической модернизации везде в принципе одинаков, и хотя она имеет особенности в разных странах, они не меняют сути процесса и не настолько существенны, чтобы их фетишизировать.

* Славина Людмила Николаевна (Красноярск) – кандидат исторических наук, профессор Красноярского государственного педагогического университета.

Часть исследователей заняла противоположную позицию [5]. Они считают невозможным интерпретировать демографические события в России на основе концепции, созданной для объяснения европейских реалий, поскольку ценности, лежащие в основе брачно-семейных отношений в России иные, чем на Западе, а изучаемые процессы имеют разные мотивационные основы и социальные последствия. По их мнению, парадигма демографического перехода, понимаемого как движение всех из одного общего состояния в другое, столь же общее, вообще неприемлема, так как превращает объект исследования из многомерного в одномерный, и, исключая из рассмотрения множество факторов, в том числе этнический, она так упрощает объект, что перестает адекватно интерпретировать его. Сторонники концепции второго демографического перехода обвиняются в слишком расплывчатом и плюралистичном понимании его, и в том, что его теоретическая модель не подтверждается эмпирическими данными России. В качестве альтернативы предлагается использовать социологическую концепцию «многообразия современности» (multiple modernities), так как она дает более широкую основу для объяснения изменений в объекте, чем теории перехода.

Третью позицию представляют сторонники полипарадигмального подхода (Дж. Ритцера–В.А. Ядова), суть которого заключается в подборе, с учетом принципа дополнительности, не противоречащих друг другу понятий из разных парадигм, совокупность которых объясняет изучаемые явления как целостные. Этот подход также многие критикуют за попытку раскрыть сущность целостных явлений с помощью старых частичных понятий и методов, за то, что он не обеспечивает перехода к действительно новому знанию и т.д.

Итак, концептуализация демографической истории России последнего пятидесятилетия относится к числу первостепенных задач, но обществоведы не имеют теоретико-методологических конструкций, которые бы устроили всех. Поскольку в отечественной исторической демографии широко используется теория демографического перехода и доказан ее высокий познавательный потенциал, представляется необходимым в порядке развития ТДП рассмотреть возможность (или обосновать невозможность) использования для интерпретации демографической истории России последнего пятидесятилетия концепции второго демографического перехода. Важно выяснить, правы ли демографы, объявившие о его наличии в современной России, а в случае их правоты найти ответы на множество вопросов – о времени его начала и основных признаках, о характере складывания его предпосылок в советском прошлом и их качестве, о соотношении сроков первого и второго переходов, об универсальных и специфически российских чертах последнего и т.д. Также требуется углубленное изучение вызвавших его появление факторов и условий для его развития. В случае же отрицания наличия этого перехода необходимо определить, каким образом трактовать признаки, внешне соответствующие ему.

Решение перечисленных задач невозможно без историко-демографических исследований последних десятилетий советской эпохи. Несмотря на достижения демографов и социологов в изучении рождаемости и брачности в 1960–1980-х гг., главные признаки второго перехода – внебрачная рождаемость и фактические браки – тогда не рассматривались. Интерес к ним появился лишь в постсоветский период, но они изучаются в основном на материалах последних двух десятилетий. Исследовать же их «советское прошлое» должны историки.

Для обеспечения концептуализации указанных процессов обязательны региональные историко-демографические исследования, в чем убедил нас опыт изучения восточносибирской деревни 1960–1980-х гг. Ее население стало интересным объектом для анализа проблемы общего и особенного в демографической модернизации России. В нем сильнее, чем в жителях других частей страны, проявлялся контраст между современным и традиционным началами в демографическом поведении: сибиряки имели самые высокие в России показатели внебрачных рождений и свободных брачных союзов, с одной стороны, и всеобщей ранней брачности и рождаемости, с другой. В 1960–1980-х гг., также как и в постсоветский период, в регионе быстрее, чем на других территориях, распространялись нетрадиционные рождения и браки.

Лидерство Восточной Сибири в этих процессах базировалось на нескольких основах. На рубеже 1950–1960-х гг. распространение «незаконных» браков и рождений во многом вызывалось военными потерями мужчин. Эти явления в регионе встречались чаще, чем в других частях России, хотя у сибиряков была меньше диспропорция полов и значительно выше брачность женщин. В 1959 г. доля детей, рожденных сибирячками вне зарегистрированного брака, составляла 18,6% в городах и 20,3% в деревнях (в РСФСР соответственно 11,5 и 14,6%) и превышала послевоенный показатель по СССР (17,9% в 1945–1949 гг.) [6]. Статистика свидетельствует, что в брачно-семейной сфере сибиряков действовали, кроме универсальных, еще и «местные» факторы, в том числе ментального порядка. Так, на этой территории, традиционно являвшейся местом содержания лишенных свободы людей и имевшей особо подвижное в миграционном плане население, отчетливо прослеживалось более равнодушное отношение жителей, особенно сельских, к институту зарегистрированного брака.

В 1960–1980-х гг. свободные союзы и внебрачные рождения распространялись в регионе благодаря действию двух противоположных по своей сущности начал. Первое представляли коренные народы, не знавшие традиций официального оформления браков и считавшие основным мерилом благосостояния семьи количество детей. Особенно ярким примером Тувы, где уровень внебрачных рождений был (и остается до сих пор) самым высо-

ким в России. В 1959 г. они составляли 22,1% всех рождений в городах и 32,6% в селах [7]. У населения Тувы, в большинстве состоявшего из тувинцев, демографическая модернизация была особенной. Поначалу она проявлялась не в росте, а в сокращении доли нерегистрируемых браков и внебрачных рождений под давлением сурового семейно-брачного советского законодательства. Но по мере его либерализации их удельный вес у тувинцев опять начал расти. Внешне это напоминало модернизацию, а по сути было возвращением к традициям. В настоящий период рождаемость в Туве остается высокой, при этом свыше двух третей детей появляются на свет в не оформленных официально браках.

Второе начало было представлено русскими и другими некоренными народами. У них рост «незаконных» брачных союзов и рождений означал отступление от традиций и модернизацию в прямом ее понимании. Если смысл последней заключался в сексуальной свободе индивида, то жители Сибири демонстрировали все проявления ее – омоложение возраста сексуального дебюта, разделение видов демографического поведения, расширение выбора форм брака, т.е. главные признаки второго демографического перехода. При этом сохранялись очень ранние и всеобщие брачность и детность. Внешне эти две стороны демографических процессов обладали независимостью друг от друга, в чем и заключается специфика незападных модернизаций. Однако «традиционность» являлась во многом «продуктом» сексуальной свободы. Не подкрепленная контрацепцией, эта свобода у девушек быстро заканчивалась беременностью и имела три исхода – аборты, вынужденное заключение раннего брака или внебрачные рождения. По степени распространения всех трех явлений Восточная Сибирь находилась на первом месте среди российских регионов.

Население Восточной Сибири закончило советский период с высоким по европейским меркам уровнем внебрачных рождений и свободных союзов. В 1991 г. к этой категории относились 26,9% младенцев в деревнях региона и 22,2% в городах (в РСФСР соответственно 17,3 и 15,5%), а удельный вес нерегистрированных брачных пар, по микропереписи 1994 г., достигал в восточносибирских селах 13,8% против 8,8 в деревнях России [8].

В постсоветский период рост этих показателей продолжался. Наивысший уровень внебрачных рождений (от 36% в Красноярском крае и Хакасии до 68% в Туве против 30% в РФ) был достигнут в 2005–2006 гг. [9]. Вмешательство государства повсюду прервало их рост – с началом реализации Национального проекта «Демография» их динамика пошла на спад. В середине 1990-х гг. обозначился еще один признак второго демографического перехода – «старение» брачности и рождаемости, что дало основание демографам объявить, с учетом системных преобразований в стране, о начале этого перехода в России.

Итак, изменения в брачно-репродуктивной сфере, сходные с теми, что появились на Западе в конце 1960-х гг., и частично попадающие под признаки второго демографического перехода, начались в Восточной Сибири и России не с переходом к рыночной экономике в 1990-х гг., а раньше. У россиян, как и у европейцев, их универсальной основой являлась либерализация общественной жизни, вызвавшая сексуальную революцию. Но в России эта революция была, по определению И.С. Кона, «подковерной», т.е. не подкрепленной средствами контрацепции, не обеспеченной идеологически, как на Западе, обойденной общественным вниманием к вопросам секса и не отмеченной широким интересом к ним искусства. Все это породило ярко выраженную специфику рассматриваемого этапа демографической модернизации в России, заключавшуюся в конвергенции традиционализма и современности. Термин *консервативная модернизация*, используемый для определения глобальной российской модернизации, точно соответствует описываемой ситуации.

Брачно-репродуктивное поведение населения регулировали факторы преимущественно нематериального порядка, что также характерно для современного этапа модернизации. Необходимо досконально выяснить весь набор, природу и генезис этих факторов. В качестве подтверждения важности их изучения достаточно привести пример со средствами контрацепции. В советский период их отсутствие играло едва ли не решающую роль в консервации традиций в брачно-репродуктивной сфере. Как только они стали доступными в 1990-х гг., браки и рождения начали «стареть», а Россия и по этому признаку сравнялась с западными странами.

Проведенный нами первичный анализ позволяет сделать вывод, что матримониально-репродуктивные отношения в Восточной Сибири принципиально не отличались от аналогичных в Северной и Западной Европе даже в поздний советский период, а тем более после его окончания. Хотя об их полной идентичности говорить не приходится. Демографическая сфера России и характер ее модернизации имеют ярко выраженную специфику, которая, тем не менее, не препятствует использованию концепции второго демографического перехода для интерпретации демографических событий в стране. Трактовка российских реалий на ее основе представляется перспективной, а главная задача историков состоит в основательной экспериментальной проверке ее на общероссийских и региональных материалах.

Источники и литература

1. Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. М.: РОССПЭН, 2000–2005; Демографическая модернизация России. 1900–2000. М.: Новое издательство, 2006.

2. Исупов В.А. К вопросу о начале процесса демографического перехода в Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 12–17.
3. Van de Kaa D.J. Anchored Narratives: the Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility // *Populations Studies*. 1996. Vol. 50.
4. Иванов С. Новое лицо брака в развитых странах // *Демоскоп Weekly*. № 67–68. 20 мая–2 июня 2002 (<http://www.demoscope.ru/2002/067.htm>); Захаров С. В. **Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход** // *Отечественные записки*. 2005. № 3 (24). С. 124–140.
5. Клупт М.А. Демографическая повестка XXI в.: теории и реалии // *СОЦИС*. 2010. № 8. С. 60–71.
6. Рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 4923. Л. 158–412; *Население СССР. 1987: Справочник*. М.: Политиздат, 1988. С. 217.
7. Рассчитано по тем же данным.
8. Численность, состав и движение населения в Российской Федерации. Стат. сб. М.: Госкомстат России, 1992. С. 209, 214; *Состояние в браке и рождаемость в России (по данным микропереписи населения 1994 г.)*. М.: Госкомстат России, 1995. С. 44, 49.
9. *Демографический ежегодник России. 2007*. Стат. сб. М.: Росстат, 2007. С. 166, 170.

Изменения в смертности населения Азербайджанской Республики после распада СССР и обретения независимости

Демографические перемены, подчас не столь очевидные, как экономические или политические, бывают осознаны с некоторым временным лагом. Затрагивая глубочайшие пласты человеческого бытия, они требуют пересмотра ценностей, моральных норм и всего мировосприятия, способны в корне менять поведение людей в самых разных областях их существования, их отношение к вопросам жизни, продолжения рода, любви, смерти.

Одним из главных демографических перемен и наиболее бесспорных достижений нового времени является снижение смертности. На протяжении тысячелетий многое в жизни людей определялось высоким уровнем ранней смертности, казавшейся частью раз и навсегда установленного «порядка». О жизни и смерти – этих вечных темах духовной культуры человечества – всегда размышляли ученые, философы, политики и моралисты, деятели искусства и литературы, педагоги, медики, демографы.

Сегодня в демографическом развитии мы во многом имеем то, начало чему было положено век, а то и больше назад. В конце XIX в. в связи с развитием экономики и медицины Европа перешла на новую демографическую модель общества: началось быстрое снижение смертности, за которым последовало и падение рождаемости. Тенденция снижения смертности, увеличения продолжительности жизни была общей для многих стран и не могла обойти СССР. Почти во всех странах имело место сокращение младенческой, детской смертности и смертности среди взрослых. Заметим, однако, что, если на Западе снижение смертности было, прежде всего, связано с повышением ценности жизни, в СССР ценность человеческой жизни была не столь высокой и определялась в контексте достижения целей строительства социализма.

18 октября 1991 г. парламент Азербайджана принял конституционный акт (№ 222-XII) «О восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики». Политические и социально-экономические изменения, произошедшие в стране после обретения независимости, оказали серьезное влияние на демографическое развитие. Демографические же процессы связаны со многими сферами общественной жизни: эти связи, по сути, есть взаимовлияние социально-экономических на демографические процессы, и, в свою очередь, демографических процессов – на социально-экономические.

Изменение уровня смертности населения Азербайджана в первые годы обретения независимости находилось под значительным влиянием сложной социально-политической обстановки, в частности, вооруженной агрессии со стороны Армении и до сих пор нерешенного Карабахского вопроса. Начиная с 1988 г. в результате Нагорно-Карабахского конфликта оккупировано 20% земель Азербайджана, около миллиона наших соотечественников стали беженцами и вынужденными переселенцами, в том числе более 250 тыс. азербайджанцев были изгнаны из Армении. Изменение демографических показателей Азербайджана за годы независимости отражено в табл. 1.

Таблица 1

**Динамика показателей рождаемости, смертности и естественного прироста населения
в Азербайджане за 1991–2009 гг.**

Год	Количество человек			На 1000 чел. населения, %		
	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1991	190353	44659	145694	26,6	6,3	20,3
1992	181364	51258	130106	25,0	7,1	17,9
1993	174618	52809	121809	23,7	7,2	16,5
1994	159761	54921	104840	21,4	7,3	14,1
1995	143315	50828	92487	18,9	6,7	12,2
1996	129247	48242	81005	16,9	6,3	10,6
1997	132052	46962	85090	17,1	6,1	11,0
1998	123996	46299	77697	15,9	5,9	10,0
1999	117539	46295	71244	14,9	5,9	9,0
2000	116994	46701	70293	14,8	5,9	8,9

* **Эфендиев Руфат Джахангир оглы** (Баку, Азербайджан) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела «Демография и проблемы воспроизводства рабочей силы», Институт Экономики, Национальная Академия Наук Азербайджана, rufik@hotmail.com.

Год	Количество человек			На 1000 чел. населения, %		
	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
2001	110356	45284	65072	13,8	5,7	8,1
2002	110715	46522	64193	13,8	5,8	8,0
2003	113467	49001	64466	14,0	6,0	8,0
2004	131609	49568	82041	16,1	6,1	10,0
2005	141901	51962	89939	17,2	6,3	10,9
2006	148946	52248	96698	17,8	6,2	11,6
2007	151963	53655	98308	18,0	6,3	11,7
2008	152086	52710	99376	17,8	6,2	11,6
2009	152139	52514	99625	17,2	5,9	11,3

Источник: *Population of Azerbaijan 2006 (statistical bulletin)*. P. 26–27; *Population of Azerbaijan 2008 (statistical bulletin)*. P. 25–26; *Azerbaijan in figures 2009 (brief statistical collection)*. P. 19; *Demographic indicators of Azerbaijan 2010 (statistical yearbook)*. P. 81.

Согласно статистическим данным, за период с 1991 по 2009 г. в Азербайджане численность родившихся снизилась на 38 214 чел., или на 20,1%; численность умерших увеличилась на 7 855 чел., или на 17,6%. Естественный прирост уменьшился на 46 069 чел., или на 31,6%. В расчете на 1000 человек населения в 1991 г. численность родившихся составила 26,6 чел., а в 2009 г. – 17,2 чел. Общий коэффициент смертности, претерпев незначительные колебания, составил в 2009 г. – 5,9 чел. против 6,3 чел. в 1991 г. Показатель естественного прироста снизился с 20,3 чел. в 1991 г. до 11,3 чел. в 2009 г.

Таким образом, можно сделать общий вывод, что в целом за 1991–2009 гг. при снижении рождаемости и естественного прироста населения в Азербайджане уровень смертности изменился незначительно.

Графически динамика уровня смертности в пересчете на 1000 человек населения выглядит следующим образом (рис. 1).

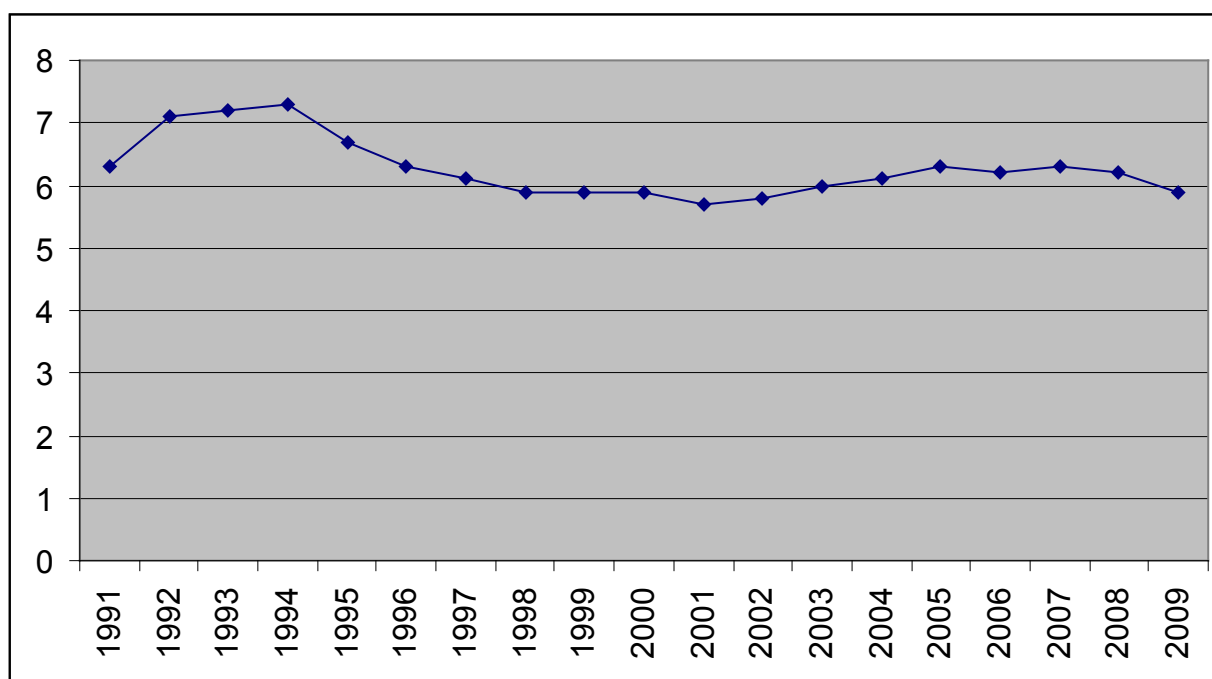

Рис. 1. Динамика уровня смертности населения в Азербайджане в расчете на 1000 человек населения за 1991–2009 гг.

Как показывает график, пик смертности приходился на 1994 г. и составил 7,3 чел. на 1000 чел. населения. Истребление мирного населения и гибель военных на полях сражений приводили к повышению уровня смертности населения в целом, и мужского в особенности. Как указывает В. Эрлихман, жертвами конфликта в Карабахе за 1988–1994 гг. стали 22 тыс. чел. Из них 19,5 тыс. азербайджанцев, из которых 12 тыс. азербайджанских

военных и 7,5 тыс. мирных граждан-азербайджанцев (в их числе около 600 чел. убито армянскими боевиками в Ходжалы и 300 чел. в Шуше). В результате Нагорно-Карабахского конфликта в Азербайджане проживает 850 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев [1]. Как показывает общемировая практика, уровень смертности и заболеваний среди данных категорий населения обычно выше, что объясняется перенесенным сильным эмоциональным шоком, связанным с невосполнимыми утратами родных и близких людей, а также с потерей родного места проживания и материальных средств.

В целом, после 1995 г. уровень смертности в Азербайджане снижался. Объяснение этого явления заключается в том, что начиная с 1995 г. в республике установился режим прекращения огня. Определенное положительное влияние, безусловно, также оказывают социально-экономические реформы, проводимые в Азербайджане за последние годы, направленные на улучшение качества жизни населения и его благосостояния [2].

Анализ динамики показателей смертности показывает, что удельный вес мужчин среди умерших как в 1991, так и в 2009 г. был выше, чем женщин, и составлял в 1991 г. – 54,2, а в 2009 г. – 52,8%. В то же время темп роста смертности женщин опережал темп роста смертности мужчин. За 1991–2009 гг. численность умерших женщин возросла на 21,2, а мужчин – на 14,5%. В результате этих изменений, удельный вес женщин среди общей численности умерших возрос с 45,8% в 1991 г. до 47,2% в 2009 г., а удельный вес умерших мужчин соответственно сократился с 54,2 до 52,8%. Однако, несмотря на то, что темп роста умерших женщин выше, чем мужчин, и их удельный вес среди умерших возрос по сравнению с 1991 г., в общей численности умерших доля мужчин за весь исследуемый период (1991–2009 гг.) неизменно была выше, чем доля женщин. Заслуживает внимания и тот факт, что, соответствуя общей тенденции, сложившейся в динамике смертности населения Азербайджана, удельный вес умерших мужчин, достигнув своего пика в 1994 г. и составив 56,8%, начиная с 1995 г. стал снижаться, что, как указывалось выше, связано с приостановлением военных действий [3].

Известно, что более высокая смертность мужской части населения по сравнению с женской является результатом как физиологических, так и биологических особенностей их организма. Однако статистические данные показывают, что в 1995 г. уровень смертности среди мужчин 45–49 лет был в 2,7 раза выше, чем у женщин той же возрастной группы; в возрастной группе от 40 до 44 лет – в 2,6 раза; в возрастной группе от 50 до 54 лет – в 2,5 раза. В целом, это состояние, наносящее огромный материальный и моральный ущерб обществу и отдельно взятой семье, в научной литературе получил название синдрома «высокой смертности населения мужского пола в трудоспособном возрасте». Этот процесс более ярко проявился на самом горячем этапе переходного периода в 1990-е гг.

Сравнение уровней смертности мужчин и женщин в Азербайджане за последние годы, позволяет выявить некоторое «выравнивание» в гендерных показателях населения. В свою очередь, этот факт свидетельствует о том, что кризисный этап переходного периода в нашей республике остался позади. Для проведения более детального анализа смертности населения проведем сравнение изменений в половозрастных показателях смертности населения (табл. 2).

Таблица 2

Динамика половозрастных показателей смертности населения в Азербайджане за 1990–2009 гг.

Показатели	Количество человек						На 1000 чел. населения (в соответствии с возрастом и полом)					
	Все население		Мужчины		Женщины		Все население		Мужчины		Женщины	
	1990 г.	2009 г.	1990 г.	2009 г.	1990 г.	2009 г.	1990 г.	2009 г.	1990 г.	2009 г.	1990 г.	2009 г.
Всего	42819	52514	22997	27710	19822	24804	6,1	5,9	6,7	6,4	5,5	5,5
В том числе:												
0	4193	1731	2369	950	1824	781	23,0	11,3	25,1	11,5	20,6	11,2
1-4	3210	470	1740	277	1470	193	4,7	0,8	5,0	0,9	4,5	0,7
5-9	393	239	223	133	170	106	0,5	0,4	0,5	0,4	0,4	0,4
10-14	240	222	148	135	92	87	0,3	0,3	0,4	0,4	0,3	0,3
15-19	407	452	280	305	127	147	0,6	0,5	0,8	0,7	0,4	0,3
20-24	613	582	425	396	188	186	0,9	0,6	1,2	0,8	0,5	0,4
25-29	871	624	573	400	298	224	1,2	0,8	1,8	1,0	0,8	0,6
30-34	958	750	659	510	299	240	1,6	1,1	2,2	1,6	0,9	0,7
35-39	913	949	641	631	272	318	2,1	1,5	3,1	2,2	1,2	1,0
40-44	1001	1557	713	1006	288	551	3,4	2,3	5,0	3,2	1,9	1,5
45-49	1068	2598	748	1748	320	850	5,2	3,7	7,6	5,3	3,0	2,3
50-54	2848	3360	1879	2201	969	1159	8,1	6,2	11,2	8,6	5,2	4,1

Показатели	Количество человек						На 1000 чел. населения (в соответствии с возрастом и полом)					
	Все население		Мужчины		Женщины		Все население		Мужчины		Женщины	
	1990 г.	2009 г.	1990 г.	2009 г.	1990 г.	2009 г.	1990 г.	2009 г.	1990 г.	2009 г.	1990 г.	2009 г.
55-59	3580	3434	2396	2211	1184	1223	13,1	10,1	18,2	13,9	8,3	6,8
60-64	4371	3090	2790	1913	1581	1177	18,7	16,0	25,9	21,6	12,5	11,2
65-69	3241	4449	1731	2551	1510	1898	26,1	26,8	36,1	35,4	19,8	20,3
70-74	2701	9028	1150	4607	1551	4421	36,2	43,0	47,1	52,7	30,8	36,0
75-79	3971	8572	1611	4052	2360	4520	60,0	68,0	73,9	77,6	53,2	61,2
80 и старше	8240	10407	2921	3684	5319	6723	105,4	111,2	129,8	109,0	95,5	112,4

Источник: *Demographic indicators of Azerbaijan 2010 (statistical yearbook). Baku, 2010. P. 225, 228.*

Прежде всего проанализируем динамику смертности в трех возрастных группах – младше трудоспособного возраста (дети и подростки до 14 лет), в трудоспособном возрасте и старше этого возраста. В Азербайджане к трудовым ресурсам относится трудоспособное население в трудоспособном возрасте, т.е. мужчины в возрасте от 16 до 62 лет и женщины в возрасте от 16 до 57 лет, за исключением инвалидов I и II групп и лиц, получающих пенсии на льготных условиях, а также занятое население, находящееся за пределами трудоспособного возраста (подростки 14-15 лет, мужчины старше 62 лет и женщины старше 57 лет).

Изучение динамики половозрастных показателей смертности показывает, что за 1990–2009 гг. в возрастной группе 0-14 лет произошло уменьшение смертных случаев на 5374 (от 8036 до 2662 чел.), или на 66,9%. Среди мужского населения сокращение составило 66,6% (от 4480 до 1495 чел.), а среди женского населения – 67,2% (от 3556 до 1167 чел.). В возрастной группе от 15 до 64 лет рост смертности составил 766 чел., или 4,6%, в том числе среди мужского населения – 2,0%, а среди женского населения – 9,9%. В возрастной группе 65 лет и старше также наблюдалось увеличение показателей смертности населения; оно составило 14303 чел., или на 78,8%, в том числе среди мужчин смертность увеличилась на 217 случаев, или на 29,3%, а среди женщин на 549 случаев, или на 63,5%.

Сравнение половозрастных показателей смертности в расчете на 1000 чел. населения за 1990–2009 гг. позволяет обнаружить положительную тенденцию снижения уровня смертности в каждой возрастной группе до 65 лет, при уменьшении общего коэффициента смертности населения за период 1990–2009 гг. на 0,2 промилльных пункта. Наибольшее уменьшение уровня смертности отмечалось в возрастной группе до одного года – 11,7 промилльных пункта (от 23,0 до 11,3‰). Среди населения в возрасте 1-4 лет смертность уменьшилась на 3,9 промилльных пункта (от 4,7 до 0,8‰), во возрастной группе 55-59 лет – на 3,0 (от 13,1 до 10,1‰). В целом, общие коэффициенты смертности не изменились в группе лиц 10-14 лет, а среди 5-9- и 15-19-летних общий коэффициент смертности уменьшился на 0,1 промилльных пункта. В целом, за исследуемый период снижение уровня показателей смертности по половозрастным группам до 65 лет колебалось в пределах 11,7 и 0,1 промилльных пункта, а среди населения старше 65 лет во всех возрастных группах отмечалось увеличение уровня смертности населения.

Таким образом, несмотря на увеличение абсолютных показателей смертности населения в целом за 1990–2009 гг., общий коэффициент смертности населения несколько уменьшился. В каждой возрастной группе до трудоспособного возраста, т.е. в возрасте до 1 года, 1-4, 5-9 и 10-14 лет имело место уменьшение численности умерших как среди мужчин, так и среди женщин. Положительная тенденция уменьшения абсолютных и относительных показателей смертности отмечается и среди лиц трудоспособного возраста. Увеличение смертности населения наблюдалось в возрасте старше 65 лет, что является естественным явлением и закономерным демографическим процессом.

При проведении анализа смертности населения по возрастному признаку особое внимание обращается на динамику смертности населения в возрасте до одного года, т.е. младенческой смертности.

Согласно данным табл. 2, в 2009 г. число младенцев, умерших до одного года, на 1000 живорожденных составило 11,3 чел., и по сравнению с 1990 г. снизилось на 11,3%. В целом, за период с 1990 по 2009 г. число младенцев, умерших до одного года, значительно снизилось (с 4193 до 1731 чел., т.е. на 2462 чел. или 58,7%). Несмотря на данную, несомненно, позитивную динамику, отметим, что уровень младенческой смертности в Азербайджанской Республике пока еще выше соответствующих показателей в развитых странах мира.

На протяжении долгих лет основными причинами младенческой смертности были болезни дыхательных органов, состояния, возникающие в перинатальном периоде, инфекционные и паразитарные болезни. Известно, что уровень случаев перинатальной смерти связан с общей культурой населения, соблюдением правил гигиены,

материальных возможностей семьи, условий жизни и труда, соблюдения экологических условий. Неправильное или плохое питание женщин во время беременности, их заболевания, плохие условия труда являются основными причинами, влияющими на уровень младенческой смертности. Международный опыт показывает, что основной путь снижения младенческой и детской смертности – повышение уровня жизни населения. С этой точки зрения, без улучшения уровня жизни населения ни одно мероприятие, связанное с деятельностью системы здравоохранения, не может оказать должного влияния на случаи младенческой смертности.

В нашей республике также высоки показатели материнской смертности. В 2009 г. число умерших матерей составило 37 чел., что в 1,8 раза больше, чем в 1991 г. В то же время, показатель материнской смертности, рассчитанный на каждые 100 тыс. живорожденных младенцев, вырос на 13,8 пунктов (с 10,5 до 24,3). В целом, за период с 1991 по 2009 г. материнская смертность (число женщин, умерших в послеродовой период, от осложнений во время родов и беременности) колебалась между 70 (1999 г.) и 22 чел., а показатель материнской смертности, рассчитанный на каждые 100 тыс. живорожденных, колебался между 10,5 и 44,1 чел. Самый высокий предел этого показателя пришелся на 1996 г. (44,1 чел.), а самый низкий – на 1991 г. (10,5 чел.) [4].

Рассмотрим изменение показателей основных причин смертности населения в Азербайджане за 1991–2009 гг. (табл. 3).

Таблица 3

**Динамика показателей основных причин смертности
в Азербайджанской Республике за 1991–2009 гг., чел.**

Показатели причин смертности	1991 г.	1994 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2009 г.	2009 г. в % к 1991 г.
Всего умерших	44659	54921	50828	46701	51962	52514	117,5
В том числе:							
От сердечно-сосудистых заболеваний	21978	24858	25767	26205	29392	32072	145,9
От злокачественных образований	4813	5017	4761	5081	6381	6910	143,6
От заболеваний верхних дыхательных путей	6316	7301	6527	4207	3069	2309	36,6
От заболеваний пищеварительных органов	1929	2338	2639	2624	3120	3007	155,9
От несчастных случаев, отравлений, ушибов	3321	7271	3524	2097	2698	2369	71,3
От инфекционных и паразитических заболеваний	1500	2131	2279	1574	1102	865	57,7
От неверно установленных диагнозов (симптомов)	1099	1607	1311	1278	2120	1082	99,1
От пищеварительных дисфункций, нарушений обмена веществ и иммунитета	778	1047	907	1082	1373	1076	138,3
От заболеваний мочеполовой системы	799	815	778	909	1147	1111	139,0
От заболеваний нервной систем и органов чувств	771	886	867	793	621	687	89,1
От заболеваний крови и кроветворных органов	188	244	251	163	144	104	55,3
От врожденных отклонений	479	422	309	129	318	480	100,2
От нарушений психики	3	295	249	115	61	30	1000,0
От скелетно-мышечных заболеваний (включая заболевания соединительных тканей)	6	29	52	55	55	44	733,3
От осложнений в период беременности, во время родов и послеродовой период	20	70	53	44	41	37	185,0
От заболеваний кожи и под-кожных тканей	2	5	4	–	19	12	600,0

Источник: *Demographic indicators of Azerbaijan 2010 (statistical yearbook). Baku, 2010. P. 247.*

Анализ данных табл. 3, свидетельствует о том, что за 1991–2009 гг. наблюдалось сокращение численности умерших по таким основным причинам, как:

- заболевания верхних дыхательных путей (численность умерших по данной причине уменьшилась на 63,4%);
- заболевания крови и кроветворных органов (на 44,7%);
- инфекционные и паразитические заболевания (на 42,3%);
- несчастные случаи, отравления и ушибы (на 28,7%);
- заболевания нервной системы и органов чувств (на 10,9%).

За исследуемые годы имело место и увеличение численности умерших по следующим причинам:

- нарушения психики (численность умерших по данной причине увеличилась в 10 раз);
- скелетно-мышечные заболевания (в 7,3 раза);
- заболевания кожи и подкожных тканей (в 6 раз);
- осложнения в период беременности, во время родов и послеродовой период (в 1,8 раза);
- заболевания пищеварительных органов (на 55,9%);
- сердечно-сосудистые заболевания (на 45,9%);
- злокачественные образования (на 43,6%);
- заболевания мочеполовой системы (на 39,0%);
- пищеварительные дисфункции, нарушения обмена веществ и иммунитета (на 38,3%).

По данным табл. 3, в 1991 и в 2009 гг. в Азербайджане среди причин смертности наибольший удельный вес приходился на болезни сердечно-сосудистой системы и составлял соответственно – 49,2% (1991 г.) и 61,1 (2009 г.). В 1991 г. второе место среди причин смертности занимали болезни верхних дыхательных путей – 14,1%; в 2009 г. их доля снизилась до 4,4% и заняла пятое место, уступив второе место злокачественным образованиям. Удельный вес умерших от данной группы болезней возрос с 10,8% в 1991 г. до 13,2% в 2009 г. Третье место по причинам смертности занимают заболевания пищеварительных органов – их удельный вес возрос с 4,3% в 1991 г., до 5,7% в 2009 г. Четвертое место среди причин смертности занимают несчастные случаи, отравления и ушибы. Удельный вес умерших от данной категории причин смертности снизился с 7,4% в 1991 г. до 4,5% в 2009 г.

Сравнение удельных весов основных причин смертности населения в Азербайджане в целом за 1991–2009 гг. показывает, что уменьшилась доля умерших, как было указано выше, не только от сердечно-сосудистых заболеваний и заболеваний верхних дыхательных путей, несчастных случаев и травм, но и от инфекционных и паразитических заболеваний – с 3,4 до 1,6%, неверно установленных диагнозов (симптомов) – от 2,5 до 2,1%, заболеваний нервной системы и органов чувств – от 1,7 до 1,3%, врожденных отклонений – от 1,1 до 0,9%.

Анализ изменений причин смертности позволяет сделать вывод о том, что в Азербайджане в настоящее время сложился тип смертности, характеризующийся преобладанием среди причин смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, злокачественных образований, заболеваний пищеварительных органов, болезней верхних дыхательных путей, а также несчастных случаев, отравлений, травм и ушибов.

Как указывает доктор философских наук И. Орлова, продолжительный стресс приводит к нарушениям функций головного мозга, в результате чего нарушается иммунный баланс и повышается риск сердечно-сосудистых заболеваний. Как отмечает автор, исследование, проведенное в Польше, подтвердило, что большинство из первых десяти факторов риска, с которыми сопряжена смерть от сердечно-сосудистых заболеваний, было связано со стрессом. Далее указывается, что такие факторы, как осложнения в семейной жизни (куда вошли недостаточный доход, семейные конфликты, одиночество) или на работе, а также сильное напряжение играют важную роль, чем такие традиционно признанные факторы, как повышение кровяного давления, курение табака, неправильное питание, ожирение, злоупотребление спиртными напитками и диабет [5].

Подобного рода исследования не оставляют сомнений в признании устойчивого влияния социально-экономических факторов на состояние здоровья населения, смертность и продолжительность жизни. Демографы и социологи давно установили, что образ жизни, характер деятельности, структура и объемы потребления, а также многие другие экономические, социальные, психологические, биологические и другие факторы по-разному влияют на продолжительность жизни отдельных социально-демографических групп населения, в том числе мужчин и женщин. В результате различного воздействия этих факторов складывается неодинаковая по величине средняя продолжительность жизни мужчин и женщин. Проанализируем динамику этого показателя за 1991–2009 гг. в Азербайджане (табл. 4).

Таблица 4
Динамика показателей ожидаемой продолжительности жизни населения в Азербайджане при рождении за 1991–2009 гг.

Год	Все население	Мужчины	Женщины
1991	70,5	66,3	74,5
1992	69,7	65,4	73,9
1993	69,5	65,2	73,9
1994	69,6	65,2	73,9
1995	69,1	65,2	72,9
1996	70,2	66,3	73,8
1997	71,2	67,4	74,6
1998	71,6	67,9	75,0
1999	71,6	68,1	75,1
2000	71,8	68,6	75,1
2001	71,9	68,6	75,2
2002	72,2	69,4	75,0
2003	72,3	69,5	75,1
2004	72,4	69,6	75,2
2005	72,4	69,6	75,1
2006	72,4	69,6	75,1
2007	73,0	70,1	75,8
2008	73,4	70,8	76,1
2009	73,5	70,9	76,1

Источник: *Demographic indicators of Azerbaijan 2010 (statistical yearbook)*. Baku, 2010. P. 93.

Согласно табл. 4, в 2009 г. при ожидаемой продолжительности жизни населения 73,5 года, для мужчин этот возраст составляет 70,9 лет, а для женщин – 76,1 года. Если в 1991 г. разница между продолжительностью жизни мужчин и женщин составляла 8,2 года в пользу женщин, то в 2009 г. эта разница существенно снизилась и составила 5,2 года, за счет увеличения продолжительности жизни мужчин.

Важно отметить, что увеличение ожидаемой продолжительности жизни мужчин является благоприятным фактором, свидетельствующим об улучшении качества жизни данной части населения. Однако изучение причинно-следственной связи улучшения демографических показателей продолжительности жизни населения при рождении с происходящими социально-экономическими реформами в Азербайджане требует отдельного исследования.

Одним из важных условий, определяющих уровень смертности, ее причины, а также заболеваемость населения, является место жительства. Проживание в городской или сельской местности определяет образ жизни, качество и структуру питания, экологические условия, характер трудовой деятельности и др.

Таблица 5
Динамика показателей смертности населения в Азербайджане в городской и сельской местности за 1991–2009 гг.

Год	Количество человек			На 1000 чел. населения		
	Все население	Городское население	Сельское население	Все население	Городское население	Сельское население
1991	44659	23192	21467	6,3	6,1	6,4
1992	51258	26179	25079	7,1	6,8	7,3
1993	52809	27185	25624	7,2	7,0	7,3
1994	54921	28372	26549	7,3	7,2	7,5
1995	50828	26353	24475	6,7	6,6	6,8
1996	48242	24688	23554	6,3	6,2	6,4
1997	46962	23928	23034	6,1	6,0	6,2
1998	46299	23463	22836	5,9	5,9	6,0
1999	46295	22828	23467	5,9	5,7	6,1
2000	46701	23530	23171	5,9	5,8	6,0
2001	45284	23382	21902	5,7	5,8	5,6
2002	46522	23605	22917	5,8	5,8	5,8
2003	49001	24999	24002	6,0	6,0	6,1
2004	49568	25867	23701	6,1	6,1	6,0
2005	51962	27347	24615	6,3	6,4	6,1
2006	52248	27581	24667	6,2	6,4	6,1
2007	53655	28162	25493	6,3	6,4	6,2
2008	52710	27817	24893	6,2	6,3	6,0
2009	52514	27690	24824	5,9	5,8	6,1

Источник: *Demographic indicators of Azerbaijan 2010 (statistical yearbook)*. Baku, 2010. P. 81, 83, 85.

По данным табл. 5, за период с 1991 по 2009 г. в Азербайджане число умерших среди городского населения возросло на 4498 чел., или на 19,4%, а среди сельских жителей – на 3357 чел., или на 15,6%. В расчете на 1000 чел.

населения в 1991 г. численность умерших городских жителей составила 6,1 чел., а к 2009 г. она уменьшилась до 5,8 чел. Соответствующий коэффициент для сельских жителей составил 6,4 чел. в 1991 г. и 6,1 чел. в 2009 г.

Таким образом, изучение динамики показателей смертности населения в Азербайджанской Республике позволило установить, что уровень смертности населения складывается при некотором превышении общего коэффициента смертности сельского населения над соответствующим коэффициентом по городскому населению. Однако в 2001, 2004–2008 гг. имело место превышение уровня смертности городского населения над уровнем смертности сельского населения, которое колебалось в пределах 0,1–0,3 промильных пункта.

Как свидетельствуют исследования, повышение уровня смертности среди городского населения нередко связано с процессом урбанизации. Влияние урбанизации на демографические процессы проявляется в значительной мере в зависимости от различия городов по величине и экономическому профилю. Уровень смертности на первых этапах развития урбанизации выше в городах, чем в сельской местности, что в значительной мере объясняется антисанитарными условиями жизнедеятельности концентрированных масс населения. При этом, сельские жители, переезжающие в города, обычно плохо приспособлены к условиям городской жизни. Однако общемировая практика свидетельствует, что различия в уровне смертности городского и сельского населения с течением времени сокращаются. В развитых странах эти различия практически отсутствуют [6].

Проследим различия в уровне смертности населения по экономическим районам республики за 2009 г. (табл. 6). Сравнение показателей смертности показывает, что при среднем уровне смертности населения 5,9 чел. на 1000 чел. населения величина этого показателя по экономическим районам колебалась в пределах 7,0 чел. (Шеки-Закатальский экономический район) и 4,4 чел. (Верхнее-Карабахский экономический район). Таким образом, размах вариации уровня смертности населения по экономическим районам составил 2,6 промильных пункта (7,0–4,4). Близко к максимальному уровню смертности по экономическим районам стоят Гянджа-Газахский экономический район (6,9 чел.), Губа-Хачмазский (6,9 чел.) и Нагорно-Ширванский (6,8 чел.). Отметим, что число умерших в Баку, Гянджа-Газахском и Аранском экономических районах в 2009 г. составило 30605 чел., или 58,9% от общей численности умерших в республике, а доля (среднегодовая численность) населения этих территорий в 2009 г. составляла 56,5%.

Таблица 6

Показатели смертности населения в Азербайджане по экономическим районам в 2009 г.

№ п/п	Экономический район	Численность умерших			Умерло на 1000 чел. населения		
		Все население	Городское население	Сельское население	Все население	Городское население	Сельское население
	Всего по стране	52514	27690	24824	5,9	5,8	6,1
1	Город Баку	11660	11660	–	5,7	5,7	–
2	Абшеронский	2358	2195	163	4,6	4,6	4,1
3	Гянджа-Газахский	8120	3585	4535	6,9	6,6	7,2
4	Шеки-Закатальский	3965	1190	2775	7,0	7,5	6,8
5	Ленкоранский	4312	1279	3033	5,2	6,2	4,2
6	Губа-Хачмазский	3366	1184	2182	6,2	7,1	6,8
7	Аранский	10824	4449	6376	6,0	6,4	5,8
8	Верхне Карабахский	2656	727	1929	4,4	2,9	5,4
9	Кельбаджар-Лачинский	1225	290	935	5,4	3,5	6,5
10	Нагорный Ширванский	1918	524	1394	6,8	5,9	7,2
11	Нахчыванский	2109	607	1502	5,3	5,2	5,3

Источник: *Demographic indicators of Azerbaijan 2010 (statistical yearbook). Baku, 2010. P. 66–73, 95–172.*

Сравнение уровня смертности сельского населения по экономическим районам показывает, что наибольшая величина показателя смертности была зарегистрирована в Гянджа-Газахском и Нагорно-Ширванском экономических районах (7,2 чел. на 1000 чел. населения), а наименьшая – в Абшеронском экономическом районе (4,1 чел. на 1000 чел. населения). Таким образом, размах вариации показателя смертности сельского населения по экономическим районам республики был несколько ниже, чем среди городского населения и составил 3,1 промильных пункта (7,2–4,1).

Существующие различия в смертности населения по регионам республики являются, прежде всего, следствием демографических, социально-экономических, регионально-поселенческих различий регионов Азербайджана. Сокращение этих различий между регионами требует расширения мер по стимуляции устойчивого социально-экономического и демографического развития всех регионов.

Начиная с 1991 г., с восстановлением независимости, Азербайджанская Республика вступила в новый этап своего развития. Страна с учетом мировых тенденций и национальных интересов определяет государственную социально-экономическую политику, в том числе демографическую. К приоритетным направлениям в области регулирования смертности населения, являющейся составной частью демографической политики, в обозримой перспективе можно отнести:

- дальнейшее снижение общего уровня смертности, в том числе в городской и сельской местности;
- сокращение уровня смертности, прежде всего по причине сердечно-сосудистых заболеваний;
- снижение уровня младенческой и материнской смертности;
- сглаживание различий в уровне смертности населения по всей территории республики.

Для реализации поставленных целей в области регулирования смертности населения необходимо проведение широкого спектра мер по улучшению здоровья населения и снижению заболеваемости: дальнейшее развитие системы здравоохранения и служб семьи; улучшение качества жизни населения; повышение общей культуры населения и его информированности о возможностях поддержания и улучшения здоровья и продления продолжительности жизни; развитие спорта и физической культуры; пропаганда здорового образа жизни; усиление адресной помощи малообеспеченным семьям, детям, престарелым, беженцам и вынужденным переселенцам; улучшение условий окружающей среды, качества воды, чистоты воздуха; обеспечение постоянного контроля качества потребляемых населением продовольственных и непродовольственных товаров.

В условиях происходящей глобализации в целом и ее различных аспектов (экономическая, политическая, культурная и др.) имеет место и демографическая глобализация. Она, как общий системный глобализационный процесс в демографической сфере, проявила себя не только в том, что создала новые этнические, культурно-цивилизационные общности и спровоцировала колоссальный демографический рост на всей планете, но и в том, что транслировала и продолжает транслировать в одни страны образ жизни, принятый в других. То, что мы наблюдаем в масштабе всего человечества, уже имело место в античном мире и Средневековье. Тогда точно так же совершенно свободно по земле перемещались огромные массы людей, и человеческий капитал спокойно перетекал из страны в страну. Люди совершенно разных этнических, расовых, сословных и иных общностей перенимали друг у друга как хорошие, так и плохие привычки, обычаи, особенности образа жизни. На протяжении целых исторических эпох люди рождались в одной стране, получали образование в другой, обзаводились семьей в третьей и т.д. Представляется, что состояние демографической глобализованности для человечества в каком-то смысле совершенно естественно и было бы правильнее говорить, что история человечества есть история приливов и отливов демографической глобализации.

В наши дни человечество переживает эпоху глобальной демографической революции: время, когда после взрывного роста, население мира внезапно переходит к ограниченному воспроизводству и круто меняет характер своего развития. Это величайшее по значимости событие в истории человечества с момента его появления в первую очередь проявляется в динамике народонаселения. Однако оно затрагивает все стороны жизни миллиардов людей, и именно поэтому демографические процессы стали важнейшей глобальной проблемой. От их фундаментального понимания зависит не только настоящее, но и будущее после текущей критической эпохи перемен, приоритеты развития и устойчивость роста.

На протяжении десятилетий демографы ограничивали свои исследования динамикой населения отдельных стран и видели свою задачу в том, чтобы объяснить происходящее через конкретные социальные и экономические условия. Такой подход давал возможность сформулировать рекомендации для демографической политики, однако таким образом исключалось понимание более широких, глобальных аспектов этой проблемы. Рассмотрение населения мира как целого, как системы долгое время отрицалось в демографии, поскольку при таком подходе нельзя было определить общие для человечества причины перехода. Только поднявшись на глобальный уровень анализа, изменив масштаб проблемы, рассматривая уже все население мира как единый объект, как систему, удалось описать глобальный демографический переход с более общих позиций.

Следует подчеркнуть, что большинство крупных историков, таких как Фернан Бродель, Карс Ясперс, Иммануил Валлерштейн, Николай Конрад, Игорь Дьяконов, утверждали, что понимание развития человечества возможно только на глобальном уровне. В нашу эпоху, когда глобализация стала знаком времени, такой подход открывает новые возможности в анализе как нынешнего состояния мирового сообщества, так и факторов роста населения в прошлом, и пути его развития в обозримом будущем. Достижения ученых отдельных стран, совместные разработки ученых, обмен информацией и высокая степень ее распространения, развитие и достижение новых областей науки, позволяющих коренным образом изменить методы лечения и борьбы с различными заболеваниями, вселяют уверенность, что дальнейшее развитие глобализации обеспечит высокую продолжительность жизни населения и сокращение уровня смертности за счет уменьшения числа безвременно умерших.

Источники и литература

1. Эрлихман В.В. Потери народонаселения в XX веке. М.: Русская панорама, 2004. С. 23–24.
2. Эфендиев Р.Дж. Влияние социально-экономических преобразований переходного периода на уровень смертности в Азербайджане // Смертность в странах бывшего СССР. Пятнадцать лет после распада: что изменилось? Материалы международного семинара. Киев, 2006. Т. 2. С. 283–302.
3. Demographic indicators of Azerbaijan 2010 (statistical yearbook). Baku, 2010. P. 87.
4. Demographic indicators of Azerbaijan 2010 (statistical yearbook). Baku, 2010. P. 235.
5. Орлова И. Смертность в современной России: характер и особенности // Наука – Политика – Предпринимательство. М., 2001.
6. Эфендиев Р.Дж. Влияние социально-экономических преобразований переходного периода на уровень смертности в Азербайджане // Смертность в странах бывшего СССР. Пятнадцать лет после распада: что изменилось? Материалы международного семинара. Киев, 2006. Т. 2. С. 283–302.

**Динамика русского населения Северного Кавказа в постсоветский период:
основные тенденции конца XX – начала XXI в.**

Анализ процессов, происходящих в сфере этнодемографии Северного Кавказа, приводит к выводу, что почти двухвековая этнокультурная интеграция этого национального макрорегиона в состав России через укоренение в нем русского (и шире – русскоязычного) населения, в целом оказалась неудачной. Устойчивого славяно-кавказского общежития в пределах национального макрорегиона не сложилось, и русские его интенсивно покидают. Уезжают из республик представители и других некоренных национальностей.

Определенные признаки «пробуксовки» процесса этнокультурной интеграции начинают просматриваться на Северном Кавказе уже в последние десятилетия советского периода. Демографическое «отступление» русских из данного макрорегиона начинается еще в 60-х гг. XX в. Уже в 1970-е гг. Северный Кавказ покинуло порядка 90-100 тыс. чел. Учитывая, что показатели естественного воспроизводства в это время у русских были положительными, речь идет о миграционном оттоке. Ранее всего он начинается в Дагестане. В 1960-е гг. республику покидает порядка 20-25 тыс. русских. В 1970-е гг. быстро набирает темп миграция из Чечено-Ингушетии. Несколько тысяч русских покидает Северную Осетию и Карачаево-Черкессию. В последнее советское десятилетие миграционный отток превысил уже 110 тыс. чел.

Невиданные масштабы миграция русских приобретает в 1990-е гг., когда республиканский Северный Кавказ покинуло 330 тыс. чел. В отдельных случаях этот отток принимал форму спешной «эвакуации», если не бегства. Трудно назвать иначе, например, происходившее в Чечне и Ингушетии в 1991–1993 гг., когда республики покинуло около 200 тыс. чел., основную массу которых составляли русские. Если по переписи 1989 г. в районах, составивших позднее территорию Ингушетии, их проживало около 25 тыс., то спустя три года (сентябрь 1992 г.) уже только 10 тыс. Еще интенсивнее происходил отток русского и русскоязычного населения из Чечни.

Устойчивой и достаточно масштабной была в 1990-е гг. миграция русских и из всех других республик Северного Кавказа за исключением Адыгеи. Политическая и социально-экономическая стабилизация России начала XXI в. позволила существенно сократить ее размеры. Однако русские продолжали покидать Северный Кавказ и в 2000-х гг. С 2002 по 2009 г. миграция составила около 32-41 тыс. чел.

Чем вызван уход русских из республик данного макрорегиона? Причины хорошо известны. Они многократно озвучивались в экспертной литературе. В общем виде все факторы миграции могут быть объединены в несколько групп:

экономические причины (деиндустриализация республиканских экономик; трудозбыточность местного рынка труда, общий низкий уровень развития экономики);

системная «этнизация» республиканской жизни («этнизация» административно-управленческой вертикали, престижных социальных иерархий, структур повседневности, культурно-языкового пространства);

межэтническая напряженность (национализм, этнофобии);

социально-правовая незащищенность (беззащитность перед местным криминалом и этнорадикалами);

слабая самоорганизация русского населения (разобщенность, слабая взаимоподдержка, низкая активность «русских» общественных организаций, отсутствие диалога с республиканской властью);

проблема образования (сложность получения высшего образования);

социальная бесперспективность (социопрофессиональная, образовательная, статусная «маргинализация», закрывающая путь к социальной карьере не только нынешнему, но и будущим поколениям республиканских русских).

Очевидно, что решение русского вопроса – не самостоятельная задача, а составная часть проекта *кардинальной этнополитической, социально-экономической, социокультурной трансформации Северного Кавказа*. Современная власть пока не продемонстрировала способности ставить и решать столь масштабные социальные проекты. Это значит, что динамика русских на Северном Кавказе будет и впредь формироваться «стихийно», как сложная производная множества факторов – этнополитических, экономических, социальных, социокультурных. Сочетание этих факторов существенно различается по республикам. А, следовательно, перспективы русского населения для каждой из них следует рассматривать отдельно.

Чеченская республика и Ингушетия. Перепись 2002 г. подтвердила практически завершившийся процесс «дерусификации» обеих республик – около 20 тыс. русского населения в Чечне (без учета федеральной груп-

* **Суций Сергей Яковлевич** (Ростов-на-Дону) – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН.

пировки) и 5-6 тыс. в Ингушетии (эта цифра может быть и заметно меньше). Среди них значительное число пожилых людей, не имеющих возможностей изменить место жительства. Едва ли они, перенеся тяготы двух военных кампаний, в современной, относительно стабильной ситуации «снимутся» с места. Но, несмотря на ограниченные миграционные потери, возрастная структура республиканских русских диаспор способствует их ускоренной естественной убыли.

Разрекламированные в СМИ программы по возвращению и обустройству русскоязычного населения, ранее проживавшего в этих республиках, дали крайне ограниченный результат. Так, из 17 тыс. русских, покинувших в 1990-е гг. Ингушетию, планировалось вернуть 1 тыс. (6%), но и эти весьма скромные цели достигнуты не были. Реальной альтернативы совершившейся в данных республиках этнодемографической трансформации нет. Как долго будут «таять» в них остатки русского и русскоязычного гражданского населения практического значения не имеет – никакой значимой роли в политической, социально-экономической и культурной жизни республик это население с середины 1990-х гг. не играет. А растянуться процесс окончательной дерусификации может на многие десятилетия.

Дагестан является третьей республикой Северного Кавказа, этнодемографические процессы в которой объективно ведут к почти полной дерусификации населения. Свою роль в этом играет как естественная убыль русских, так и их интенсивная миграция. Причем роль последней в постсоветский период была определяющей. Согласно А.Б. Дзадзиеву, из 45 тыс. чел. (убыль русских в Дагестане за период 1989–2002 гг.) только 10 тыс. пришлось на естественное сокращение, тогда как 35 тыс. – на миграционный отток [1].

Своего максимума миграция русских из республики достигла в 1995–1999 гг., когда Дагестан ежегодно покидало 4-6 тыс. чел. Ликвидация на рубеже веков сепаратистского режима в Чечне позволила определенным образом стабилизировать ситуацию и в сопредельном Дагестане. В первые годы XXI в. отток русских снижается до 1,5-2 тыс., а в 2003–2005 гг. до – 1,2-1,5 тыс. чел. Но и в последние годы миграция местных русских заметно превышает их естественную убыль. Как результат, за период 2002–2009 гг. их число в республике сократилось на 11-12 тыс. чел., и к 2010 г. по нашей экспертной оценке составляло порядка 105 тыс. без учета федеральной группировки.

Учитывая весьма ограниченные масштабы русского этнического присутствия в республике, его перспективы находятся в очень узком коридоре возможностей. Вариант миграционного пополнения республиканских русских (положительное сальдо миграции) можно не рассматривать как нереальный. В обозримой перспективе (10-20 лет) речь может идти только о минимизации оттока. Но даже если местной власти удастся полностью его остановить (что крайне маловероятно), доля русских в населении республики к 2030 г. все равно снизится до 3%. При сохранении же нынешних темпов оттока данный показатель может упасть до 2,2-2,5%. Иными словами, среднесрочные этнодемографические перспективы русских в республике заключены в узком (2-3%, т.е. 75-85 тыс. чел.) диапазоне возможностей.

Кабардино-Балкария. Русское население за период 1989–2002 гг. сократилось с 240,8 тыс. до 226,6 тыс. чел. Таким образом, общие потери составили всего 14 тыс. чел., из которых, согласно А.Б. Дзадзиеву, 12 тыс. пришлось на естественную убыль и только 2 тыс. на миграционный отток (т.е. в среднем 150 чел. ежегодно) [2]. Однако в другом источнике он же приводит иные цифры – 7,7 тыс. русских мигрантов только за 1989–1998 гг. (т.е. около 0,8 тыс. в год) [3].

В любом случае основная убыль русских в республике в это время была связана с их естественным сокращением. С середины 1990-х гг. до 2004–2005 гг. она держалась в республике на уровне ежегодных 0,4-0,5%, снизившись до 0,2-0,3% в последние годы (прежде всего, в связи с определенным ростом рождаемости). При сохранении данного уровня естественного воспроизводства в долговременной перспективе за десятилетие будет теряться 2-3% русского республиканского населения. Но если естественная убыль постепенно снижается, то миграция, как минимум, сохраняет свои масштабы (к примеру, в 2008 г. она составила около 1,1 тыс. чел.). В последние годы основные потери уже связаны с оттоком русского населения из республики (он ежегодно устойчиво составляет порядка 0,4-0,6%). Тем самым общие потери республиканских русских за два ближайших десятилетия могут составить 12-17% от современной их численности.

Высокая вероятность значительных этнодемографических потерь русского населения республики в ближайшие 10-20 лет фиксируется и методом передвижки возрастов. Уже в 2002 г. средний возраст местных русских составлял более 38 лет и был несколько выше среднероссийского показателя. А преимущественный отъезд из республики молодежи ведет к опережающему старению остающегося русского населения. Как результат, с определенного момента начнется более осязаемое и быстро нарастающее сокращение его численности. Однако данная перспектива отодвинута на вторую треть XXI в. На ближайшие два десятилетия (вплоть до 2025–2030 гг.) русские практически при любом этнодемографическом сценарии сохраняются в республике в качестве значимой этнокультурной компоненты – второй после кабардинцев.

**Динамика численности русского населения в республиках Северного Кавказа
в начале XXI в. (экспертная оценка автора)**

Республики СКФО	Численность русских в 2002 г.	Миграция русских в 2003–2009 гг., тыс. чел.	Естественная убыль русских в 2003– 2009 гг., тыс. чел.	Общая убыль русских в 2003– 2009 гг., тыс. чел.	Численность русских в 2009 г.
Дагестан	120,9 (115)*	8-8,5	3-3,5	11-12	109-110 (105)
Ингушетия	5,6 (2-3)	Несколько сот	Несколько сот	0,5-1,0	(1,5-2,5)
Кабардино-Балкария	226,6	6-8,5	6-8	12-16,5	210-214
Карачаево-Черкессия	148,9	8-11	4-5,5	12-16,5	132-136
Северная-Осетия Алания	164,7	8,5-10,5	4,5-6,5	13-17	148-152
Чечня	40,6 (20)	1-2	Около 1	2-3	(17-18)

* В скобках дана численность русских без учета федеральной силовой группировки.

Карачаево-Черкесия. В данной республике русские на протяжении почти полувека (50–80-е гг. XX в.) являлись наиболее многочисленной этнической группой. Даже в 2002 г. они составляли более трети жителей республики (по этому показателю она уступала на Северном Кавказе только Адыгее). Вместе с тем отток русских из Карачаево-Черкесии в постсоветский период был весьма значительным. В 1989–2002 гг. республику покинуло около 18 тыс. чел. (т.е. ежегодная убыль составляла в этот период около 1,5 тыс. чел.). Значительный отток сохранялся и в XXI в. Даже в последние годы по его масштабам Карачаево-Черкесия опережает большинство других республик Северного Кавказа. Тем самым только значительная концентрация русского населения в республике отодвигает сроки ее «глубокой» дерусификации (сопоставимые, например, с дагестанским сценарием) за пределы ряда ближайших десятилетий.

Впрочем, на столь продолжительной временной дистанции возможны существенные изменения миграционной активности, связанные с комплексом факторов, в том числе этнополитической и социально-экономической ситуаций в республике, уровнем межнациональной напряженности и т.д. Диапазон возможных сценариев количественной динамики русского населения включает как весьма пессимистические варианты (устойчивое и достаточно ощутимое сокращение за счет и естественной, и механической убыли), так и более оптимистические сценарии (постепенная «минимизация» оттока при параллельном снижении естественной убыли). Но в любом варианте доля русских в населении республики с 33,6% в 2002 г. снизится к 2030 г. до 21-25%.

Северная Осетия-Алания. Республика характеризовалась умеренной по меркам Северного Кавказа миграцией русских в 1990-е гг.: ежегодный отток в 1989–1998 гг. держался на уровне 0,8-1,0 тыс. чел., а в 1999–2002 гг. снизился до 0,7-0,8 тыс. В целом, сокращение русского населения в республике было в равной степени обусловлено естественной убылью и миграцией.

Сохранялся отток русского (и шире – нетитульного) населения из республики и в 2003–2009 гг. За этот период ее в общей сложности покинуло около 13 тыс. чел., из которых значительную часть составляли русские. Иными словами, в настоящее время республика может ежегодно терять в результате оттока 1,2-1,5 тыс. своих русских жителей. Таким образом, за период 2002–2009 гг. их число в республике могло сократиться со 165 тыс. до 148-152 тыс. чел. В любом случае их этническое присутствие в республике остается весьма значительным и будет оставаться таковым на перспективу 15-20 лет. Однако за пределами этого временного горизонта процесс «ужатия» русской этнической компоненты может существенно ускориться. Как и в случае с Кабардино-Балкарией и Карачаево-Черкесией, кумулятивный эффект существующих негативных этнодемографических трендов (устойчивой естественной убыли; миграционного оттока, наиболее интенсивного у местной русской молодежи; и, как следствие, неуклонного старения местного русского населения) в полной мере проявится только во второй трети века.

Адыгея. Единственная северокавказская республика, в которой русские являются ведущей этнической группой. Показательно, что даже в 1990-е гг. характеризующая всплеском местного национализма Адыгея оставалась привлекательной для русской миграции. С другой стороны, эксперименты республиканской власти по возвращению на историческую родину потомков мухаджиров XIX в. оказались крайне ограничены по своим результатам (реэмиграция составила несколько сот человек).

Территориальная «вписанность» республики в пределы Краснодарского края (центра миграционного притяжения) предполагает сохранение притока переселенцев из других регионов РФ и в Адыгею. Данный приток с большой долей вероятности компенсирует (если не «перекроет») естественную убыль местного русского населения, которое тем самым может даже увеличить свою численность в сравнении с уровнем начала XXI в., на самую долгосрочную перспективу сохраняясь в качестве ведущей этнической группы республики.

Итак, восток Северного Кавказа в настоящее время уже в полной мере дерусифицирован. Ближайшие десятилетия будут связаны с постепенным «ужатием» русских диаспор в Чеченской республике и Ингушетии; окончательным превращением в ограниченную (несколько десятков тысяч человек) диаспору современной русской этнокультурной компоненты Дагестана, с концентрацией этой диаспоры почти исключительно в Махачкале и двух северных (Кизлярский и Тарумовский) районах республики.

Продолжается сокращение русских и в центре макрорегиона. Однако во всех его трех республиках (Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия) русские вплоть до 2030–2040 гг. сохранятся в качестве второго по численности национального сообщества. Вместе с тем кумулятивный эффект негативных демографических трендов, идущих уже несколько десятилетий и продолженных в будущее, способен с определенного времени (середина XXI в.) **сделать убытие русских более стремительным процессом, с конечным превращением их в диаспору по дагестанскому сценарию.** Единственной республикой Северного Кавказа, которой в первой половине века подобный сценарий не угрожает, является Адыгея.

Источники и литература

1. Дзядиев А.Б. Русское население республик Северного Кавказа: современные миграционные установки // Северный Кавказ в национальной стратегии России. М., 2008. С. 131.
2. Там же.
3. Дзядиев А.Б. Современная этнографическая ситуация // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М., 2007. Июль-август. № 74. С. 63.

Социально-демографическая составляющая потребительских рынков Республики Татарстан**

В данной статье потребительские рынки рассматриваются как совокупность реальных и потенциальных продавцов и потребителей товаров определенного вида. Потребителями являются как отдельные лица, приобретающие товары для индивидуального потребления, так и домохозяйства, которые приобретают товары для коллективного, группового потребления. Предметом анализа является поведение потребителей на рынках продуктов питания и товаров длительного пользования. Основное внимание уделяется одному из последних этапов процесса принятия решения о покупке – потреблению. Среди факторов, в первую очередь определяющих поведение потребителей, следует выделить их социально-демографические характеристики, уровень доходов, ценности, стиль жизни и др. На основе данных официальной статистики возможно анализировать социально-демографический профиль индивидуального потребителя и домохозяйства.

Основным источником информации являются статистические данные о социально-экономическом положении Республики Татарстан в 2008 г. в сравнении с предыдущими годами. Это – период положительной экономической динамики и растущих доходов населения, что в целом определяет покупательскую способность.

За период с 2002 по 2008 г. отмечается тенденция роста денежных доходов населения (в % к предыдущему году). Пиковое значение приходится на 2005 г. и составляет 123,3%. В 2008 г. денежные доходы татарстанцев выросли по сравнению с 2007 г. лишь на 108,4%. Это самый низкий показатель за анализируемый период, однако темпы роста денежных доходов в Татарстане выше средне российского показателя (исключение составляет 2003 г.) [1].

Потребительские расходы домашних хозяйств являются частью денежных расходов. Они направлены на приобретение потребительских товаров (продуктов питания, питания вне дома, непродовольственных товаров, алкогольных напитков) и оплату услуг. По уровню потребительских расходов в среднем на душу населения Республика Татарстан в 2006 г. занимала 23-е место в Российской Федерации [2].

По величине среднедушевых денежных доходов выделяют восемь групп населения. Первая группа – с доходом до 1500 руб. в месяц и восьмая группа – свыше 12000 руб. Характер распределения численности населения Республики Татарстан по этому показателю в 2006 г. может свидетельствовать о хорошей покупательской способности жителей республики и, следовательно, об относительно высокой покупательской активности. В Республике Татарстан в сравнении с ситуацией в других национальных республиках Поволжского федерального округа самая низкая доля первых шести групп и самая высокая доля трех групп населения с доходом от 6001 руб. в месяц [3].

Покупательская способность среднедушевых денежных доходов населения рассчитывается официальной статистикой по балансу денежных доходов и расходов в среднем за месяц. С 2004 г. отмечается устойчивая тенденция роста количества продуктов питания и непродовольственных товаров, которое можно приобрести на величину денежных доходов на душу населения [4]. Об уровне покупательской активности на рынках продуктов питания можно судить на основе данных о реальном потреблении различных продуктов домохозяйством в перерасчете на одного члена в месяц. Данные, опубликованные в статистическом сборнике, позволяют провести сравнительный анализ по таким товарным группам, как хлебные продукты, картофель, овощи и бахчевые, фрукты и ягоды, молоко и молочные продукты, яйца, рыба и рыбопродукты, мясо и мясопродукты, сахар и кондитерские изделия, масло растительное.

В период экономической стабильности первого десятилетия XXI в. как в городских, так и в сельских домохозяйствах стали меньше потреблять, а, следовательно, и меньше покупать хлебные продукты и яйца. В 2008 г. по сравнению с 2001 г. потребление этих продуктов в среднем на одного члена домохозяйства уменьшилось соответственно на 75 и 62%, 69 и 94%. В структуре питания увеличилось потребление фруктов и овощей (196% – село и 150% – город), овощей и бахчевых (156% – село), мяса и мясопродуктов (140% – город), рыбы и рыбопродуктов (около 160%). При этом для горожан характерно уменьшение потребления молока и молочных продуктов (в 2008 г. 88% к уровню 2001 г.), а для сельчан – увеличение [5].

Ресурсы потребителей рассматриваются как один из важнейших факторов, определяющих в сочетании с другими внутренними факторами, направленность и интенсивность потребительского поведения. Традиционно

* **Рычкова Надежда Васильевна** (Казань) – кандидат исторических наук, доцент Казанского государственного технического университета.

** Подготовлено при финансовой поддержке РГНФ, проект 10-01-18054е.

выделяют экономические, временные, информационные ресурсы. На формирование определенной структуры внутренних ресурсов потребителей оказывают влияние экономическая, социально-демографическая, культурная среды, в которых происходит взаимодействие рыночных субъектов. Официальная статистика на основе располагаемых экономических ресурсов группирует домохозяйства по 10 группам. Первая группа – это домохозяйства с наименьшими располагаемыми ресурсами и 10-я группа – с наибольшими располагаемыми ресурсами.

Анализ объемов потребления разных продуктов питания в расчете на одного человека в месяц позволил выделить среди городских домохозяйств две противоположные группы. Первая группа – домохозяйства с наименьшими ресурсами, для потребительского поведения которых характерно увеличение потребления в 2008 г. по сравнению с 2006 г. всех вышеперечисленных продуктов, кроме яиц. Для седьмой группы домохозяйств характерно снижение норм потребления всех продуктов питания.

Десять процентов домохозяйств с наименьшими располагаемыми ресурсами потребляют хлебные продукты на уровне домохозяйств седьмой, восьмой и девятой групп. Десять процентов домохозяйств с наибольшими располагаемыми ресурсами лидируют по нормам потребления картофеля, мяса и мясопродуктов, рыбы и рыбопродуктов.

Исходя из уровня потребления основных продуктов питания в период 2006–2008 гг. можно с определенной долей условности следующим образом охарактеризовать поведение потребителей с разными экономическими ресурсами на рынке продуктов питания:

- увеличение потребления хлебных продуктов в первых трех группах домохозяйств; уменьшение норм потребления в остальных с более высоким покупательским потенциалом;
- относительная стабильность в потреблении яиц в первых шести группах и снижение их потребления начиная с седьмой группы;
- рост потребления мяса и мясопродуктов почти во всех группах кроме седьмой и восьмой, которые условно можно назвать следующим образом: «домохозяйства с располагаемыми ресурсами выше среднего уровня»;
- рост потребления молока и молочных продуктов в домохозяйствах с низким уровнем ресурсного обеспечения (1-3 группы) и снижение во всех остальных со средним и высоким уровнем; исключение составляет 8-я группа, где отмечается самый высокий уровень потребления этих продуктов;
- увеличилось потребление всех основных продуктов питания (кроме яиц, потребление которых уменьшилось) в домохозяйствах с двумя и тремя детьми в возрасте до 16 лет;
- в домохозяйствах с одним ребенком отмечается незначительное уменьшение потребления этих продуктов [6].

Структуру потребления продуктов питания и динамику ее изменения в бюджете сельских домохозяйств за тот же период можно представить следующим образом:

- увеличение потребления почти всех основных продуктов питания в первых четырех группах, причем наибольший рост характерен для молока и молочных продуктов, овощей;
- значительное снижение потребления хлебных продуктов, начиная с пятой группы домохозяйств;
- снижение норм потребления всех продуктов питания (кроме картофеля) в группе домохозяйств с наибольшими располагаемыми ресурсами (десятая группа);
- снижение норм потребления на селе сахара и кондитерских изделий, растительного масла начиная с пятой группы;
- на основе только статистических данных трудно найти логику в динамике изменения потребления молока и молочных продуктов в сельских домохозяйствах со средним, выше среднего и высоким уровнем ресурсного обеспечения [7].

В структуре потребительских расходов падает доля расходов на покупку продуктов для домашнего питания с 34,8 до 29,5%. При этом возрастает почти в 2 раза потребительская активность на рынке услуг «питание вне дома» [8].

Снижение потребления определенных продуктов питания можно рассматривать как следствие снижения покупательской активности на этих рынках и связывать с показателем насыщения спроса в условиях экономической стабильности. В домохозяйствах со средним и высоким уровнем ресурсного обеспечения этот процесс может быть связан увеличением покупательской способности с ростом покупательской активности на рынках товаров длительного пользования, услуг, в том числе и банковских. Результаты этой активности могут быть представлены через показатель обеспеченности домохозяйств предметами длительного пользования. Так, например, как свидетельствуют материалы выборочного обследования бюджетов домохозяйств в период 2005–2008 гг., у горожан и сельчан практически одинаковый уровень обеспеченности холодильниками; падает обеспеченность швейными машинами на 32-35%.

На селе наблюдается устойчивый рост количества радиоприемников на 100 домохозяйств: с 17 в 2005 г. до 37 в 2008 г.; микроволновых печей (с 1 до 20 соответственно); стиральных машин (с 92 до 110). В городе сни-

жается спрос домохозяйств на радиоприемники, магнитофоны, видеомагнитофоны, музыкальные центры, в то время как на селе эти товары имеют тенденцию роста или стабильного спроса [9].

Активизируется поведение потребителей на рынке услуг: число реализованных туристических путевок увеличилось и в 2008 г., составило 288,5% к уровню 2004 г.; в 2 раза увеличилась в структуре потребительских расходов доля на оплату услуг учреждений культуры; в два раза увеличилось число посещений киносеансов. Однако для села характерно постепенное падение числа посещений киносеансов на одного жителя. Можно предположить, что у сельчан и горожан не только разная структура временного бюджета (это очевидно), но и место организации свободного времени: у сельчан – это связано с домохозяйством, а у горожан – с учреждениями досуга, торгово-развлекательными комплексами. Это отчасти и объясняет снижение или повышение потребительской активности тех и других на рынках товаров длительного пользования.

По данным федеральной службы государственной статистики можно проследить некоторые изменения в потребительском профиле населения Республики Татарстан:

- устойчивая тенденция роста городского населения; соотношение городского и сельского населения в 2006 г. составило 74,6 и 25,4%;
- увеличивается количество женщин на 1000 мужчин (с 1161 в 2002 г. до 1171 в 2006 г.);
- увеличение населения трудоспособного возраста (с 60,3 до 63,1%);
- уменьшение населения нетрудоспособного возраста;
- 57-е место в Российской Федерации по коэффициенту рождаемости;
- рост коэффициента брачности (с 6,7 до 7,4 промиллей);
- уменьшение коэффициента разводимости (с 5,6 до 4,1 промиллей) [10].

Все эти изменения не могли не отразиться на состоянии потребительских рынков. Гендерные аспекты потребительского поведения, половозрастная специфика структуры спроса, влияние процессов брачности-разводимости на спрос на товары длительного пользования, этнокультурные аспекты поведения потребителей и многие другие вопросы могут быть проанализированы только с привлечением полевых материалов.

Источники и литература

1. Республика Татарстан, статистический ежегодник. 2008: Татарстанстат. Казань, 2009. С. 493.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007: Стат. сб. / Росстат. М., 2007. С. 181.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007: Стат. сб. / Росстат. М., 2007. С. 175.
4. Республика Татарстан, статистический ежегодник. 2008: Татарстанстат. Казань, 2009. С. 131.
5. Там же. С. 133.
6. Там же. С. 137–139.
7. Там же. С. 140–142.
8. Там же. С. 129.
9. Там же. С. 144.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007: Стат. сб. / Росстат. М., 2007. С. 61-89.

Особенности и тенденции демографического развития России в постсоветский период

В течение прошедшего столетия в России последовательно сменили друг друга расширенный, простой и суженный типы воспроизводства населения, которые соответствуют трем различным режимам естественного движения населения. До 1960 г. в РСФСР наблюдался режим опережающего естественного прироста населения по сравнению со средним приростом развитых стран, с 1961 по 1988 г. – режим умеренного естественного прироста населения, приближающего к его приросту в развитых странах, с 1989 по 1992 г. – режим пониженного естественного прироста. С ноября 1992 г. по настоящее время в Российской Федерации сформировался режим отрицательного естественного прироста населения, не имеющий аналогов в развитых странах мира [4, с. 226].

Распад СССР вызвал четвертый за последнее столетие демографический кризис в России, который усугубили во многом непродуманные рыночные преобразования 1990-х гг. Нынешний кризис воспроизводства населения страны, как и три предыдущих, проявился главным образом в естественной убыли населения вследствие беспрецедентно низкой рождаемости и высокого уровня смертности, значительно превышающего уровень рождаемости. В результате демографического перехода рождаемость в России соответствует уровню развитых стран, а смертность – уровню развивающихся стран. При этом коэффициент фертильности на протяжении большей части постсоветского времени был намного ниже критического уровня (1,6-2,1), обеспечивающего условия простого воспроизводства населения.

К началу 1993 г. численность населения Российской Федерации достигла исторического максимума в 148,6 млн. чел., заняв по этому показателю 6-е место в мире. Однако последовавшая за этим устойчивая депопуляция населения вызвала непрерывное сокращение демографического потенциала страны. С 1992 по 2010 г. численность россиян уменьшилась на 6,4 млн. чел., или на 4,3%. В результате этого Россия опустилась на 9-е место в мировом рейтинге наиболее населенных стран, последовательно пропустив вперед динамично растущие в демографическом отношении Пакистан, Бангладеш и Нигерию. К началу 2010 г. в стране проживало 141,9 млн. чел., что составило 2,1% мирового населения. Между тем этот демографический рубеж уже был однажды преодолен РСФСР в 1984 г. (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности населения России в 1992–2010 гг. (в современных границах Российской Федерации)

Годы	Всё население, млн. чел.	В том числе		Удельный вес в общей численности населения, %	
		Городское	Сельское	Городское	Сельское
1990	147,7	108,8	38,9	73,7	26,3
1991	147,9	109,3	38,6	73,9	26,1
1992	148,3	109,2	39,1	73,6	26,4
1993	148,6	108,7	39,9	73,1	26,9
1994	148,0	108,0	40,0	73,0	27,0
1995	147,9	107,9	40,0	73,0	27,0
1996	147,6	107,7	39,9	73,0	27,0
1997	147,1	107,3	39,8	72,9	27,1
1998	146,7	107,1	39,6	73,0	27,0
1999	146,3	106,8	39,5	73,0	27,0
2000	145,6	106,1	39,5	72,9	27,1
2001	144,8	105,6	39,2	72,9	27,1
2002	145,2	106,4	38,7	73,3	26,7
2003	145,0	106,3	38,7	73,3	26,7
2004	144,2	105,8	38,4	73,4	26,6
2005	143,5	104,7	38,8	73,0	27,0
2006	142,7	103,7	39,0	72,7	27,3
2007	142,2	103,8	38,4	73,0	27,0
2008	142,0	103,8	38,2	73,1	26,9
2009	141,9	103,7	38,2	73,1	26,9
2010	141,9	103,8	38,1	73,2	26,8

Составлена: По данным Росстата [1, 3, 7, 10]. Данные по численности населения приведены: за 2002 г. – по переписи на 9 октября; за последующие годы – текущая оценка на 1 января соответствующего года.

* Обедков Анатолий Павлович (Сыктывкар) – кандидат географических наук, доцент Сыктывкарского филиала Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики; Обедкова Нина Павловна (Сыктывкар) – начальник Отдела гидрологии Центра по гидрометеорологии и охране окружающей среды Республики Коми. E-mail: obedkovap@gmail.com.

Главная причина сокращения численности населения в постсоветской России связана с устойчивой естественной убылью населения, которая впервые проявилась в ноябре 1992 г. По итогам 1992 г. впервые за послевоенный период была зафиксирована естественная убыль населения в 219,8 тыс. чел. Однако уже два года спустя она увеличилась в 4,1 раза и достигла 893,0 тыс. чел. После некоторого снижения в 1995–1998 гг. естественная убыль населения вновь стала расти с конца 1990-х гг. При этом с 1999 по 2002 г. ежегодный показатель естественной убыли населения превышал 900 тыс. чел., а в 2000 г. был зарегистрирован максимум естественной убыли населения в постсоветское время – 958,5 тыс. чел. Вслед за этим вновь началось сокращение естественной убыли населения. В 2008 г. естественная убыль населения составила 362,0 тыс. чел., а в 2009 г. – на 249,4 тыс. чел. Всего же за весь период с 1992 по 2009 г. численность населения России сократилась за счет естественной убыли на 12,9 млн. чел., или на 8,7%.

По данным текущего статистического учета, в 2009 г. численность постоянного населения продолжала сокращаться в большинстве федеральных округов и субъектов РФ. Как и в предыдущие два года, в 2009 г. был зафиксирован рост численности всего населения Южного, Уральского и Сибирского федеральных округов. Одновременно с этим наметилась тенденция к расширению группы регионов, в которых произошло увеличение населения. В 2007 г. в стране насчитывалось 22 региона с растущим населением, в 2008 г. их стало 24, а в 2009 г. их число достигло 30. В 2009 г. свои места в рейтинге российских регионов с наибольшим приростом населения сохранили Москва (53,1 тыс. чел.), Московская область (40,1 тыс. чел.), Чеченская Республика (29,3 тыс. чел.), Республика Дагестан (25,9 тыс. чел.), Краснодарский край (19,2 тыс. чел.), Санкт-Петербург (18,5 тыс. чел.), Ханты-Мансийский – Югра – автономный округ (18,5 тыс. чел.), Тюменская область и Ямало-Ненецкий автономный округ (12,8 тыс. чел.), Новосибирская область (11,0 тыс. чел.) и Республика Татарстан (10,6 тыс. чел.). В остальных 14 субъектах РФ с растущим населением прирост его численности был менее 10 тыс. чел. Среди 59 российских регионов, в которых в 2009 г. произошло сокращение населения, наибольшие потери в абсолютном выражении понесли субъекты с преимущественно русским населением, среди которых выделяются Нижегородская (16,6 тыс. чел.), Тульская (12,3 тыс. чел.), Ростовская (11,5 тыс. чел.), а также Владимирская, Воронежская и Волгоградская области. В остальных 53 регионах с падающим населением демографические потери были менее 10 тыс. чел. Более объективную картину о вкладе прироста населения в динамику демографических процессов в российских регионах дают статистические данные, представленные в относительном выражении. В этом случае в числе лидеров регионов с растущим населением находятся, прежде всего, автономные республики юга и нефтедобывающие регионы Западной Сибири, а среди регионов с сокращающимся демографическим потенциалом – главным образом северные и северо-западные регионы страны (табл. 2).

Таблица 2

Десятка ведущих и отстающих регионов Российской Федерации по показателям общего коэффициента прироста населения в 2009 г.

Место в РФ	Субъекты Российской Федерации	ОКП, %	Место в РФ	Субъекты Российской Федерации	ОКП, %
1	2	3	1	2	3
1	Чеченская Республика	23,4	74	Мурманская область	-7,2
2	Республика Ингушетия	16,6	75	Тамбовская область	-7,5
3	Ханты-Мансийский АО – Югра	12,1	76	Республика Мордовия	-7,7
4	Республика Тыва	9,6	77	Республика Коми	-7,8
5	Республика Дагестан	9,5	78	Тульская область	-7,9
6	Тюменская область	9,2	79	Смоленская область	-8,1
7	Ненецкий автономный округ	7,6	80	Новгородская область	-8,3
8	Республика Алтай	7,5	81	Магаданская область	-10,8
9	Московская область	6,0	82	Псковская область	-11,2
10	Томская область	5,3	83	Чукотский автономный округ	-19,3

Составлена: По данным Росстата.

В 2009 г. по сравнению с предшествующим 2008 г. убыль населения сократилась в 51 субъекте РФ. При этом в Забайкальском крае и Оренбургской области убыль сменилась приростом населения, а в Карачаево-Черкесской Республике, Самарской, Свердловской и Челябинской областях – нулевым приростом. В 17 субъектах РФ прирост населения ускорился и наиболее значительно – в Ненецком, Ханты-Мансийском – Югра и Ямало-Ненецком автономных округах, Республике Тыва и Новосибирской области. В то же время в семи субъектах РФ прирост населения замедлился и особенно значительно – в Астраханской области, республиках Адыгея и Алтай.

По данным текущего статистического учета, в период с 1995 по 2003 г. в демографическом развитии России доминировали негативные тенденции. Вначале ежегодная убыль населения не превышала 0,3 млн. чел., а в относительном выражении – 0,2%. Постепенно нарастая, с конца 1990-х гг. она стала ежегодно превышать

0,5 млн. чел. (до 0,5%) и в 2003 г. достигла максимальной величины – около 0,8 млн. чел. (-5,5%). С этого времени наметилась тенденция к сокращению ежегодной убыли населения. В 2008 г. была зафиксирована наименьшая за последние 14 лет величина убыли населения – 104,8 тыс. чел. (-0,7%), которая была в 7,6 раз меньше уровня 2003 г. Всего же за весь период с 1995 по 2008 г. суммарная убыль населения достигла почти 6,6 млн. чел. В 2009 г. впервые с середины 1990-х гг. был отмечен незначительный прирост населения России, составивший 23,3 тыс. чел. или +0,02% (табл. 3).

Таблица 3

Показатели естественного движения населения Российской Федерации в 1990–2009 гг.

Годы	Всего, тыс. чел.			На 1000 чел. населения		
	Родившиеся	Умершие	Естественный прирост	Родившиеся	Умершие	Естественный прирост
1990	1988,9	1656,0	332,9	13,4	11,2	2,2
1991	1794,6	1690,7	103,9	12,1	11,4	0,7
1992	1587,6	1807,4	-219,8	10,7	12,2	-1,5
1993	1379,0	2129,3	-750,3	9,4	14,5	-5,1
1994	1408,1	2301,1	-893,0	9,5	15,7	-6,2
1995	1363,8	2203,8	-840,0	9,3	15,0	-5,7
1996	1304,6	2082,2	-777,6	8,9	14,2	-5,3
1997	1259,9	2015,8	-755,9	8,6	13,8	-5,2
1998	1283,3	1988,7	-705,4	8,8	13,6	-4,8
1999	1214,7	2144,3	-929,6	8,3	14,7	-6,4
2000	1266,8	2225,3	-958,5	8,7	15,4	-6,7
2001	1311,6	2254,9	-943,3	9,1	15,6	-6,5
2002	1397,0	2332,3	-935,3	9,7	16,2	-6,5
2003	1477,3	2365,8	-888,5	10,2	16,4	-6,2
2004	1502,5	2295,4	-792,9	10,4	16,0	-5,6
2005	1457,4	2303,9	-846,5	10,2	16,1	-5,9
2006	1479,6	2166,7	-687,1	10,4	15,2	-4,8
2007	1610,1	2080,4	-470,3	11,3	14,6	-3,3
2008	1713,9	2075,9	-362,0	12,1	14,7	-2,6
2009	1764,2	2013,6	-249,4	12,4	14,2	-1,8

Составлена: По данным Росстата [1, 2, 3, 6, 7].

Негативные тенденции в естественном воспроизводстве населения РСФСР обозначились во второй половине 1980-х гг., когда вслед за достижением локального максимума рождаемости в 1987 г. (около 2,5 млн. новорожденных) начался продолжительный период спада в естественном движении населения. С 1987 по 1999 г. число родившихся сократилось вдвое до 1214,7 тыс. чел., после чего начался период умеренного роста рождаемости. В 2009 г. в России было зарегистрировано 1764,2 тыс. новорожденных, что позволило приблизиться к уровню 1991 г., когда на свет появилось 1794,6 тыс. чел. В период с 1993 по 2003 г. уровень рождаемости в России был ниже 10‰. При этом наименьшее значение общего коэффициента рождаемости было зафиксировано в 1999 г. – 8,3‰. Постепенно нарастая с 2000 г., он достиг в 2008 г. уровня 1991 г., а 2009 г. немного превысил его (12,4‰).

В 2009 г. наблюдалось увеличение числа родившихся по всем федеральным округам в целом и 70 субъектах РФ, но уровень рождаемости в большинстве из них оставался крайне низким. В абсолютном выражении наибольший прирост числа рождений был зафиксирован в г. Москве, где с 2008 по 2009 г. число родившихся живыми возросло с 107,8 тыс. до 115,8 тыс., или на 7,4%. При этом в Санкт-Петербурге число новорожденных увеличилось на 4,5 тыс., а в Московской области – на 3,8 тыс. чел. Между тем общий коэффициент рождаемости в 2009 г. наиболее существенно увеличился в Республике Тыва и Чувашской Республике, Магаданской области и Санкт-Петербурге.

В 2009 г. в четырех федеральных округах (Дальневосточный, Сибирский, Уральский, Южный) и 39 субъектах РФ было зафиксировано превышение средней по России величины общего коэффициента рождаемости. В трех федеральных округах (Приволжский, Центральный, Северо-Западный) и 40 субъектах РФ он был ниже среднероссийского уровня, в четырех из них – менее 10‰. В четырех российских регионах уровень рождаемости соответствовал среднему показателю по России, который в 2009 г. составил 12,4‰ (табл. 4).

В федеральном разрезе общий коэффициент рождаемости варьировался от 10,8‰ в Центральном федеральном округе до 14‰ – в Сибирском и Южном федеральных округах, а в региональном – от 9,3‰ в Ленинградской области до 29,1‰ – в Чеченской Республике. В 2009 г. в десятке ведущих российских регионов, лидирующих по величине общего коэффициента рождаемости, представлены преимущественно созданные по национальному

принципу автономные республики и округа, а среди отстающих – главным образом регионы Центральной России, Северо-Запада и Поволжья с преобладанием русского населения.

Таблица 4

Десятка ведущих и отстающих регионов Российской Федерации по показателям общего коэффициента рождаемости в 2009 г.

Место в РФ	Субъекты Российской Федерации	ОКП, ‰	Место в РФ	Субъекты Российской Федерации	ОКП, ‰
1	Чеченская Республика	29,1	74	Ульяновская область	10,5
2	Республика Тыва	26,1	75	Орловская область	10,4
3	Республика Алтай	20,5	76	Псковская область	10,4
4	Республика Ингушетия	18,7	77	Воронежская область	10,4
5	Республика Дагестан	18,5	78	Пензенская область	10,3
6	Республика Бурятия	17,5	79	Рязанская область	10,1
7	Республика Саха (Якутия)	16,7	80	Республика Мордовия	9,8
8	Ненецкий автономный округ	16,3	81	Тульская область	9,6
9	Забайкальский край	16,0	82	Тамбовская область	9,3
10	Ханты-Мансийский АО - Югра	15,7	83	Ленинградская область	9,3

Составлена: По данным Росстата.

В последние годы наметились положительные изменения в соотношении числа зарегистрированных рождений и аборт. В 2007 г. на 100 зарегистрированных родов приходилось 92 аборта, в 2008 г. – 81. При этом следует отметить более быстрое снижение распространенности абортов среди женщин 20-34 лет, находящихся в возрасте наибольшей репродуктивной активности. Однако, несмотря на позитивные изменения последних лет, проблема широкого распространения абортов в нашей стране по-прежнему не утратила своей остроты.

Наметившийся в последние годы рост рождаемости обусловлен как структурными факторами, связанными со вступлением в детородный возраст более многочисленных поколений родившихся в конце 1970-х – начале 1980-х гг., так и с повышением самой интенсивности рождаемости. Для устранения влияния возрастной структуры на рождаемость обычно используют показатель суммарной рождаемости. В конце 1950-х гг., когда рождаемость еще обеспечивала расширенное естественное воспроизводство населения, коэффициент суммарной рождаемости составлял в среднем 2,6 рождения на одну женщину детородного возраста. Переход к умеренному режиму воспроизводства населения, состоявшийся в начале 1960-х гг., сопровождался постепенным понижением показателя коэффициента суммарной рождаемости. После достижения локального максимума рождаемости в 1987–1988 гг. он вновь снизился к концу 1980-х гг. до 2,1, а с начала 1990-х гг. непрерывно сокращался, опустившись к концу 1990-х гг. до уровня ниже 1,2. При этом в 1999 г. был зафиксирован исторический минимум, составивший 1,157, после чего коэффициент суммарной рождаемости стал непрерывно возрастать с небольшими отклонениями от наметившейся тенденции в 2005–2006 гг. Однако уже в 2007 г. коэффициент суммарной рождаемости увеличился до 1,406, в 2008 г. – до 1,494, а в 2009 г. превысил 1,5, что соответствовало уровню 1992 г., когда начался продолжающийся и поныне демографический кризис.

В последние годы, несмотря на небольшой рост, в подавляющем большинстве российских регионов рождаемость остается на низком уровне. В 2008 г. наиболее низкое значение коэффициента суммарной рождаемости (1,126) было отмечено в Ленинградской области, что почти вдвое ниже уровня, необходимого для простого замещения поколений. В том же году наиболее высокие в РФ показатели суммарной рождаемости были зарегистрированы в Чеченской Республике (3,4), республиках Тыва (2,7) и Алтай (2,5), а в Республике Ингушетия, Чукотском и Ненецком автономных округах рождаемость находилась на уровне простого воспроизводства.

Вклад матерей младшей, средней и старшей возрастных групп изменялся волнообразно в соответствии с изменением возрастной структуры контингента женщин репродуктивного возраста, деформированной рядом демографическим волн, порожденных социальными катаклизмами XX в. и, прежде всего, демографическими последствиями Великой Отечественной войны. В середине 1980-х гг. повышение рождаемости происходило главным образом за счет матерей самых молодых возрастов. В настоящее время рождаемость растет в основном за счет матерей средней возрастной группы. Если в 1980 г. женщины в возрасте от 20 до 29 лет обеспечивали почти 3/4 рождений (73%), то в настоящее время около 2/3 (64%).

Позитивным явлением последних лет становится также более динамичный рост числа браков на фоне снижения уровня разводов. С 2002 г. прослеживается устойчивая тенденция роста показателей брачности на фоне некоторого сокращения показателей разводимости. В 2009 г. было зарегистрировано больше заключенных и меньше расторгнутых браков. Однако все эти положительные изменения в характере естественного воспроиз-

водства населения пока не позволяют переломить негативную демографическую ситуацию, сложившуюся в постсоветское время (табл. 5).

Таблица 5

**Показатели брачности и разводимости населения Российской Федерации в 2002–2008 гг.
(на 1000 чел. населения)**

Демографические показатели	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Браки	7,1	7,6	6,8	7,5	7,8	8,9	8,3
Разводы	6,0	5,5	4,4	4,2	4,5	4,8	5,0

Составлена: По данным Росстата [6, 7].

Дифференциация российских регионов по уровню общей рождаемости связана не только с различиями в истинной интенсивности рождаемости, но и с особенностями возрастной структуры населения. На протяжении последних более 40 лет основной тенденцией эволюции возрастной структуры населения РФ было старение, отразившееся в увеличении числа и доли лиц 65 лет и старше в общей численности населения. На начало 2009 г. доля населения этих возрастных групп превысила 14%, что вдвое превышает критерий определения старого населения, предложенный Комиссией ООН по народонаселению и развитию.

Тенденцию к старению населения подтверждает продолжающийся рост среднего возраста россиян. С 2002 по 2008 г. средний возраст россиян увеличился с 37,1 до 38,7 лет, мужчин – с 34,1 до 36 лет, женщин – с 39,8 до 41 года. Во многом благодаря этому районы старого промышленного освоения европейской части страны характеризуются более старым населением и самыми низкими показателями общей рождаемости, а в районы нового освоения Сибири и Дальнего Востока – повышенной долей молодого населения и более высоким уровнем рождаемости. Среди российских регионов с самым высоким средним возрастом населения выделяются жители центральных (Воронежская, Рязанская, Тамбовская, Тверская, Тульская области, г. Москва) и северо-западных (Псковская область, г. Санкт-Петербург) регионов европейской части страны, средний возраст которых варьируется в пределах 41–42 лет.

К началу 2000 г. численность лиц старше трудоспособного возраста впервые превысила число детей и подростков до 16 лет, а с 2006 г. началось снижение общей численности населения трудоспособного возраста. С этого времени в России наблюдается постоянная тенденция к росту как численности, так и доли населения старше трудоспособного возраста. На начало 2008 г. число лиц старше трудоспособного возраста превысило численность детей и подростков до 16 лет почти на 1/3. При этом перевес старших возрастных групп над лицами моложе трудоспособного возраста зафиксирован уже в более чем в 60 субъектах РФ, большинство из которых находятся в районах старого освоения европейской части страны. Нарастание неблагоприятных тенденций в возрастной структуре населения обострило проблему дефицита рабочей силы на рынке труда.

Одновременно с ухудшением возрастной структуры населения России в ней сохраняются гендерные диспропорции, связанные с преобладанием женского населения. Спустя шесть лет после переписи населения 2002 г. перевес женщин над мужчинами увеличился на 0,6 млн. чел. и к настоящему времени достиг 10,6 млн. чел., что привело к превышению числа женщин над мужчинами на 13,9%. При этом численность женщин на начало 2008 г. достигла 76,3 млн. чел., что составило 53,7% всего населения России. Ныне женское население преобладает в 81 субъекте РФ и только в двух (Камчатский край и Чукотский АО) имеется небольшой перевес мужчин.

Главной причиной продолжающейся депопуляции населения в постсоветской России остается высокий уровень смертности, не имеющий аналогов среди развитых стран мира. В период с ноября 1992 г. по июль 2009 г. число умерших неизменно превышало число родившихся, определив суженный тип воспроизводства населения. Между тем в динамике изменения абсолютного числа умерших в постсоветский период можно выделить по три локальных максимума и минимума. Локальные максимумы пришлись на 1994, 2003 и 2005 гг., а локальные минимумы – на 1998, 2004 и 2009 гг.

Несмотря на устойчивый тренд роста абсолютного числа умерших в постсоветский период, в последние годы происходит снижение смертности по всем основным классам причин смерти, за исключением новообразований. В результате этого в первой тройке классов причин смертности произошли некоторые изменения. С 2006 г. на второе место в структуре смертности после болезней системы кровообращения вышли новообразования, уверенно потеснившие на третье место внешние причины смерти. В общем числе умерших в среднем до 30% приходится на лица трудоспособных возрастов, из которых 4/5 составляют мужчины. Среди основных причин смерти трудоспособного населения в целом и мужчин первом месте находятся внешние причины. При этом более половины смертей от этих причин вызывают отравления алкоголем, транспортные травмы, убийства и самоубийства. В отличие от мужчин, смертность женщин трудоспособного возраста, как и всех умерших, связана главным образом с болезнями систем кровообращения (табл. 6).

**Показатели смертности населения Российской Федерации
по основным классам причин смерти в 1990–2008 гг.**

Основные причины смерти	Население, тыс. чел.				Удельный вес в общем числе умерших, %			
	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.
Всего умерших	1656,0	2225,3	2303,9	2075,9	100	100	100	100
В том числе:								
болезни системы кровообращения	915,5	1231,4	1299,5	1186,0	55,3	55,3	56,4	57,1
новообразования	287,7	297,9	287,9	289,3	17,4	13,4	12,5	13,9
внешние причины смерти	198,3	318,7	315,9	244,5	12,0	14,3	13,7	11,8
болезни органов дыхания	88,0	102,1	94,7	79,5	5,3	4,6	4,1	3,8
болезни органов пищеварения	42,5	64,7	93,8	90,4	2,6	2,9	4,1	4,4
некоторые инфекционные и паразитарные болезни	17,9	36,2	39,0	34,5	1,1	1,6	1,7	1,7
прочие болезни	106,1	174,3	173,1	151,7	6,3	7,9	7,5	7,3

Составлена: По данным Росстата [1, 2, 3].

Вследствие снижения смертности населения показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении за 2006–2007 гг. вырос у мужчин на 2,5 года, а у женщин – на 1,5 года. Несмотря на то, что сокращение числа умерших в 2008 г. по сравнению с 2007 г. составило только 4,5 тыс. чел., ожидаемая продолжительность жизни возросла у мужчин до 61,7 лет, у женщин – до 74,2 лет (в 2007 г. – 61,4 и 73,9 лет соответственно). Это объясняется существенным снижением показателей младенческой смертности. В 2008 г. он составил 8,5 умерших детей в возрасте до одного года на 1000 родившихся живыми (в 2007 г. – 9,4). При этом в региональном разрезе наиболее высокие показатели ожидаемой продолжительности жизни были в северо-кавказских республиках и Москве (у мужчин свыше 66 лет, у женщин – 76 лет), а наименьшие – в Республике Тыва и Чукотском АО (у мужчин – менее 55 лет, у женщин – 66 лет).

На протяжении последних 20 лет нарастание кризисных явлений в воспроизводстве населения РФ сопровождалось непрерывным ростом числа регионов с естественной убылью населения, которые обозначили обширные ареалы демографического неблагополучия. В 1987 г. в России было всего три региона с превышением уровня смертности над рождаемостью, в 1989 г. – 11, в 1991 г. – 29, а уже с 1992 г. и в последующие годы – более половины. Резкий скачок числа регионов с естественной убылью населения пришелся на 1993–1994 гг., когда в течение года число неблагополучных в демографическом отношении субъектов РФ увеличилось с 48 до 69, или в 1,4 раза. В последующее десятилетие число российских регионов с естественной убылью населения варьировалось в пределах 70–75 из 89 существовавших в то время субъектов РФ.

Доминирующим компонентом в миграционных процессах российских регионов являются внутренние миграции населения. С распадом СССР произошла смена характера и направлений внутренних миграций на фоне общего снижения миграционной подвижности населения. Начался массовый отток трудоспособного населения из регионов нового освоения (Север, Сибирь и Дальний Восток) в обжитые районы старого освоения (Центральная Россия, Поволжье и Северный Кавказ). Основными причинами перемещения мигрантов стали экономические факторы, связанные со спадом производства, ростом безработицы и снижением уровня жизни в ранее благополучных районах нового освоения. Объемы и направления миграционных потоков оказывают заметное влияние на перераспределение численности населения субъектов РФ [5]. В 2008 г. передвижения внутри страны, связанные со сменой места жительства, составили 86% от общего миграционного оборота. При этом на переселения из одного субъекта РФ в другой приходилось 45% внутрироссийских миграций.

После роста миграционной активности, наметившегося в 2006–2007 гг., в 2008 г. произошло ее снижение до уровня 2007 г. Если в 2007 г. во внутренних миграциях участвовало на 62,3 тыс. чел. (или на 3,2%) больше, чем в 2006 г., то в 2008 г. – на 63,7 тыс. чел. (или на 3,2%) меньше, чем в 2007 г. В 2008 г. сохранилась направленность потоков межрегиональных миграций, сложившихся в первой половине 1990-х гг. Во внутренних миграционных потоках сохранилась устойчивая ориентация с севера и востока в центр и на юго-запад. При этом европейская и азиатская части России образовали миграционные полюса, противоположные по характеру и структуре миграционного обмена. При этом европейская часть России, ядром которой выступают Центральный федеральный округ, притягивает население практически со всей территории страны, а сибирские и дальневосточные регионы отдают население главным образом в европейские регионы. Около 3/4 всего миграционного прироста, получаемого Центральным федеральным округом в межрегиональных миграциях, аккумулируют Москва и Московская область.

В общем миграционном обороте России с зарубежными странами роль внешней миграции сравнительно невелика, но она оказывает влияние на изменение численности населения России в целом. Превышение числа въезжающих в РСФСР на постоянное место жительства над выезжающими из неё наблюдается с середины 1970-х гг., обеспечивая стабильный миграционный прирост населения. На протяжении всего постсоветского периода в РФ наблюдалось уменьшение учтенной эмиграции, сопровождавшееся изменением ее структуры по странам предполагаемого проживания. Если в первой половине 1990-х гг. число выбывших в страны СНГ превышало число выбывших в страны дальнего зарубежья в 3-5 раз, то уже в 2001–2005 гг. их численность была практически одинаковой, а начиная с 2006 г. эмигрантов в страны СНГ стало в 2 раза больше, чем в другие зарубежные страны.

Особенно значительным миграционный прирост РФ был в середине 1990-х гг., но даже в те годы он не в полной мере компенсировал естественную убыль населения. Исключением стал 1994 г., когда миграционный прирост достиг максимальной величины в 978 тыс. чел., перекрыв столь же значительную в тот год естественную убыль в 874 тыс. чел. К концу 1990-х гг. объем учтенной чистой миграции сократился почти втрое, в 2003–2004 гг. не достигал и 100 тыс. чел. в год. Опустившись в 2003 г. до наименьшего значения в 93 тыс. чел., сальдо миграции начиная с 2004 г. стало постепенно увеличиваться, достигнув в 2007 г. 258 тыс. чел. В 2008 г. величина миграционного прироста немного снизилась до 257 тыс., а в 2009 г. возросла до 273 тыс. чел. В результате совокупный миграционный прирост за 1992–2009 гг. составил около 6,3 млн. чел., или на 4,2%, восполнив половину совокупных потерь населения России в результате естественной убыли.

Интенсивность естественной убыли населения усилилась в конце 1990-х гг., опустившись в 2000 г. до -6,5%. Затем она стала сокращаться, составив в 2008 г. -2,5%, а в 2009 г. -1,8%. Менее интенсивной естественная убыль была только в 1992 г. Интенсивность миграционного прироста населения России после одиннадцатикратного снижения с 6,6% в 1994 г. до 0,6% в 2003 г. стала понемногу возрастать со второй половины 2004 г. В 2005 г. он составил 0,9%, в 2006 г. - 1,1, в 2007–2008 гг. - 1,8, в 2009 г. - 1,9%. Однако при этом даже увеличившийся миграционный прирост компенсировал в 2007 г. лишь чуть более половины численных потерь населения в результате естественной убыли (в 2003 г. - 10%). По мере сокращения естественной убыли возрастала степень ее возмещения миграционным приростом. В 2008 г. она составила около 71%, а за 2009 г. миграционный прирост не только полностью компенсировал численные потери населения в результате естественной убыли, но и немного их превысил.

На динамику и величину регистрируемой миграции существенно повлияли законодательные изменения правил и практики регистрации, которые во многом определяют увеличение темпа миграционного прироста. В частности, главной причиной резкого сокращения числа прибывших РФ в 2001 г. стали ограничения приема граждан стран СНГ и Балтии. Такая ситуация привела к минимизации учитываемых потоков иммигрантов, в результате чего в 2004 г. их численность была наименьшей за последние полвека. С начала 2007 г. правила и практика регистрации в России вновь изменились. Вследствие этих изменений в статистический учет стали попадать граждане РФ, прибывшие на постоянное жительство из-за пределов страны, а также иностранные граждане и лица без гражданства, впервые получившие разрешение на временное проживание (вид на жительство) в России. Поэтому значительное увеличение миграционного прироста в 2007 г. на 100 тыс. чел., или на 54%, произошло в результате роста числа зарегистрированных по месту жительства. При этом в 1,5 раза возросли как потоки из стран СНГ, так и из стран дальнего зарубежья. В 2008 г. на долю иммигрантов из стран СНГ приходилось около 96% всех прибывших в Россию, из которых 52,8% составили выходцы из Узбекистана (19,3%), Украины (18,8%) и Казахстана (14,7%). Большинство иммигрантов из этих стран выбрало местом своего постоянного проживания Приволжский федеральный округ, в то время как для иммигрантов из дальнего зарубежья более привлекательным оказался Дальневосточный федеральный округ.

К настоящему времени демографический кризис в той или иной степени охватывает абсолютное большинство субъектов РФ. В 2008 г. в 59 из 83 субъектов РФ по разным причинам произошло сокращение населения, из них в 21 – за счет естественной убыли и миграционного оттока населения, в 31 – за счет превышения естественной убыли над миграционным приростом, в 7 – за счет превышения миграционного оттока над естественным приростом. В обширный ареал демографического неблагополучия в России входят 16 северных регионов с непрерывно сокращающимся населением, имеющие в своем составе районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности. На их долю приходится 27,1% от общего количества субъектов РФ с убылью населения (табл. 7).

Тенденции изменения численности населения российских регионов в зависимости от соотношения естественного и миграционного прироста по-прежнему отличается разнообразием. В 2009 г. в четырех из семи федеральных округов продолжался, хотя и с меньшей интенсивностью, процесс естественной убыли населения. Особенно заметным он был в Центральном (-4,7%) и Северо-Западном (-3,9%) федеральных округах. В 2009 г. естественный прирост населения в Уральском федеральном округе составил +0,1%, а в Сибирском округе - +0,7%. Еще ранее на положительную динамику вышел Южный федеральный округ. В 2007 г. естественный прирост населения в этом федеральном округе составил +0,8%, в 2008 г. - +1,8%, в 2010 г. - +2,0%.

Миграционный прирост наблюдался во всех федеральных округах, кроме Дальневосточного, население которого продолжает убывать в результате миграционного оттока. Интенсивность этого процесса в 2008 г. увеличилась до -3,1‰ (-19,8 тыс. чел.), а в 2009 г. наметилась тенденция к понижению (-2,7‰, или -19,5 тыс. чел.). Незначительный миграционный отток из Сибирского федерального округа в 2007 г. также сменился небольшим приростом в 2008 (+0,3‰) и 2009 гг. (+1,0‰). В 2009 г. несколько снизилась интенсивность миграционного прироста в Центральном и Южном федеральных округах, а Приволжском, Уральском и Сибирском – немного возросла. Между тем по-прежнему Центральный федеральный округ продолжает поглощать значительную часть общего миграционного прироста населения России. В 2008 г. на его долю приходилось 72% от общего прироста населения страны, в том числе на Москву и Московскую область – 54%, а в 2009 г. – соответственно 63 и 54%.

Таблица 7

Группировка субъектов Российской Федерации по степени влияния показателей естественного движения и миграции на изменение численности населения в 2008 г.

Источники формирования населения	Число субъектов в группе	Субъекты Российской Федерации, входящие в группу
Число субъектов Российской Федерации, в которых население сократилось:		
Всего в том числе за счет:	59	
естественной убыли и миграционного оттока населения	21	Республики Коми, Марий Эл, Мордовия и Удмуртская; Алтайский, Пермский и Приморский края; Амурская, Архангельская, Волгоградская, Иркутская, Кировская, Костромская, Курганская, Магаданская, Мурманская, Омская, Оренбургская, Псковская, Сахалинская и Ульяновская области
превышения естественной убыли над миграционным приростом	31	Республики Карелия и Чувашская; Красноярский и Хабаровский края; Брянская, Владимирская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Калининградская, Калужская, Кемеровская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Нижегородская, Новгородская, Орловская, Пензенская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Свердловская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Челябинская и Ярославская области; Еврейская автономная область
превышения миграционного оттока над естественным приростом	7	Республики Калмыкия, Карачаево-Черкесская, Саха (Якутия) и Северная Осетия-Алания; Забайкальский и Камчатский края; Чукотский автономный округ
Число субъектов Российской Федерации, в которых население увеличилось:		
Всего в том числе за счет:	24	
естественного и миграционного прироста	6	Республики Алтай, Ингушетия и Хакасия; Астраханская и Тюменская области; Ханты-Мансийский автономный округ – Югра
превышения естественного прироста над миграционным оттоком	7	Республики Бурятия, Дагестан, Кабардино-Балкарская, Тыва и Чеченская; Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа
превышения миграционного прироста над естественной убылью	11	Республики Адыгея, Башкортостан и Татарстан; Краснодарский и Ставропольский края; Белгородская, Московская, Новосибирская и Томская области; города федерального значения Москва и Санкт-Петербург

Составлена: По данным Росстата [6. С. 42–43].

В разрезе субъектов РФ также нашли продолжение тенденции демографического развития, наметившиеся в последние годы. В 2009 г. в 58 субъектах РФ сохранялась естественная убыль населения. При этом в 40 из них она превышала среднероссийский уровень, хотя и в них интенсивность процесса депопуляции несколько снизилась по сравнению с предыдущим годом. Если в 2005–2006 гг. в России было всего четыре региона, в которых население росло как за счет естественного, так и миграционного прироста, то в 2007–2008 гг. их число увеличилось до шести, а в 2009 г. – до восьми (республики Башкортостан, Ингушетия, Хакасия; Красноярский край; Астраханская, Томская и Тюменская области; Ненецкий и Ханты-Мансийский – Югра автономные округа). В 21 субъекте РФ численность населения сократилась как за счет естественной убыли, так и миграционного оттока. Для большинства республик Северного Кавказа (за исключением Адыгеи) и ряда регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока, в которых наблюдается естественный прирост, по-прежнему характерен миграционный отток населения. В то же время в большинстве регионов европейской части России миграционный приток в той или иной степени компенсирует естественную убыль населения. Постепенно растет число субъектов РФ с по-

ложительным естественным приростом населения. В 2007 г. их было 20, в 2008 – 21, а в 2009 г. стало 25. Как и в прежние годы, в относительном выражении наибольший естественный прирост наблюдается в горных республиках юга страны. При этом в Чеченской Республике он превышает 2%, в республиках Дагестан, Ингушетия и Тыва – более 1% (табл. 8).

Таблица 8

**Десятка ведущих и отстающих регионов Российской Федерации
по показателям коэффициента естественного прироста населения в 2009 г.**

Место в РФ	Субъекты Российской Федерации	КЕП, ‰	Место в РФ	Субъекты Российской Федерации	КЕП, ‰
1	Чеченская Республика	23,8	74	Владимирская область	-7,6
2	Республика Ингушетия	15,0	75	Ленинградская область	-7,8
3	Республика Тыва	14,5	76	Рязанская область	-7,8
4	Республика Дагестан	12,4	77	Тамбовская область	-8,0
5	Ямало-Ненецкий АО	9,6	78	Ивановская область	-8,0
6	Ханты-Мансийский АО – Югра	9,1	79	Смоленская область	-8,5
7	Республика Алтай	8,5	80	Тверская область	-8,9
8	Республика Саха (Якутия)	6,8	81	Новгородская область	-9,3
9	Тюменская область	6,7	82	Тульская область	-9,9
10	Ненецкий автономный округ	4,7	83	Псковская область	-10,5

Составлена: По данным Росстата.

По сравнению с 2008 г., интенсивность естественной убыли сократилась в 56 регионах, в четырех (республики Башкортостан и Удмуртская; Красноярский край и Томская область) – сменилась естественным приростом, в двух (Сахалинская область и Еврейская автономная область) – немного усилилась. Из 21 региона, в которых в 2008 г. наблюдался естественный прирост, в 2009 г. только в двух он остался неизменным, в 11 регионах его интенсивность увеличилась, а в восьми – немного снизилась. При этом наиболее заметно естественный прирост увеличился в Республике Бурятия и Ненецком АО.

За последние три года число регионов с миграционным приростом существенно не изменилось. В 2007 г. их насчитывалось 45, а в 2008 г. увеличилось до 48. Из 48 регионов, в которых в 2008 г. был зафиксирован миграционный прирост населения, наиболее значительно его интенсивность увеличилась в Новосибирской и Томской областях. В четырех регионах миграционный прирост сменился незначительным миграционным оттоком, а в остальных он снизился, особенно значительно в Республике Адыгея и Астраханской области. В 2009 г. число регионов с миграционным приростом сократилось до 46. При этом в половине из них показатели миграционного прироста были выше среднероссийского уровня. В 2009 г. в абсолютном выражении лидирующие позиции заняла Московская область (73,2 тыс. чел.), впервые опередившая по величине миграционного прироста Москву (57,5 тыс. чел.), которая в 2006–2008 гг. занимала первое место по этому показателю. Вслед за Московской областью и Москвой с большим отрывом следуют Санкт-Петербург (31,4 тыс. чел.) и Краснодарский край (26,0 тыс. чел.), а также Новосибирская область (13,9 тыс. чел.), Республика Татарстан (12,0 тыс. чел.), Ленинградская и Белгородская области. В остальных 38 регионах с положительным миграционным приростом этот показатель был ниже 10 тыс. чел.

За последние три года число регионов с миграционным оттоком также существенно не изменилось. В 2007 г. их насчитывалось 38, в 2008 г. – уменьшилось до 35, а в 2009 г. – вновь выросло до 37. В десятку субъектов РФ с наиболее низкими показателями коэффициента миграционного прироста входят восемь северных субъектов РФ во главе с Чукотским АО, который занимает лидирующие позиции в стране по интенсивности миграционной убыли населения (-20,5‰). Наиболее обширные регионы устойчивого миграционного оттока в последние годы сформировались на Европейском Севере (Республика Коми, Архангельская и Мурманская области) и на Севере Дальнего Востока (Республика Саха (Якутия), Магаданская и Сахалинская области, Чукотский АО). В большинстве остальных регионов с миграционной убылью этот показатель не достигал 1% от численности постоянного населения (табл. 9).

В абсолютном выражении наиболее значительные потери населения в миграционном обмене в 2009 г. понесли республики Дагестан (около 8 тыс. чел.), Коми (7,8 тыс. чел.), Саха (Якутия) (6,8 тыс. чел.), а также Иркутская (5,7 тыс. чел.) и Мурманская области (5,1 тыс.). Среди 35 регионов с миграционной убылью населения, зафиксированной в 2008 г., в двух (Оренбургская область и Ненецкий АО) в 2009 г. отмечен миграционный прирост, в четырех (Республика Северная Осетия-Алания, Приморский край, Оренбургская область и Чукотский АО) миграционная убыль усилилась, а в остальных 29 – снизилась.

**Десятка ведущих и отстающих регионов Российской Федерации
по показателям коэффициента миграционного прироста населения в 2009 г.**

Место в РФ	Субъекты Российской Федерации	КМП, ‰	Место в РФ	Субъекты Российской Федерации	КМП, ‰
1	Московская область	10,9	74	Республика Северная Осетия-Алания	-4,5
2	Санкт-Петербург	6,8	75	Сахалинская область	-4,7
3	Белгородская область	6,8	76	Ямало-Ненецкий АО	-5,0
4	Ленинградская область	6,3	77	Республика Тыва	-5,0
5	Москва	5,5	78	Мурманская область	-6,0
6	Новосибирская область	5,3	79	Республика Калмыкия	-6,9
7	Краснодарский край	5,0	80	Республика Саха (Якутия)	-7,1
8	Томская область	5,0	81	Республика Коми	-7,5
9	Калужская область	4,8	82	Магаданская область	-9,6
10	Калининградская область	3,6	83	Чукотский автономный округ	-20,5

Составлена: По данным Росстата.

На рубеже 1980–1990-х гг. общее число эмигрантов, выехавших из РФ по разным причинам, превысило 1 млн. чел. В межпереписной период с 1989 по 2002 г. в Россию прибыло 11 млн. иммигрантов, а выбыло – 5,4 млн. чел. Миграционный прирост России за этот период составил 5,6 млн. чел. Между тем в странах ближнего и дальнего зарубежья в настоящее время проживают более 31 млн. соотечественников – граждан бывшего СССР, из них в странах СНГ и Балтии – около 22 млн., в странах дальнего зарубежья – более 9 млн. чел. Потенциально бывшие граждане СССР являются наиболее крупным и перспективным источником миграционного притока населения. В странах СНГ и Балтии наиболее значительное число соотечественников проживает на Украине (11 млн. чел.), в Казахстане (4,5 млн.), Узбекистане (1,8 млн.) и Беларуси (1,1 млн. чел.). Наиболее многочисленные диаспоры россиян в странах дальнего зарубежья сложились в США (3 млн. чел.), Германии (2,3 млн.), Канаде (1,4 млн.) и Израиле (1,3 млн. чел.).

Согласно опубликованному в 2002 г. докладу ООН, Россия находится на втором месте (после США) по числу законных и нелегальных иммигрантов, проживающих на территории страны. По оценкам экспертов Комиссии по народонаселению и развитию ООН, в России их численность превышает 13 млн. чел. Между тем, по данным Федеральной иммиграционной службы, ежегодно в Россию на заработки приезжает до 20 млн. трудовых мигрантов, среди которых 10 млн. трудится нелегально. Для внешних миграций между Россией и странами ближнего зарубежья, возникшими в результате распада СССР, характерно увеличение потоков миграций в первой половине 1990-х гг. и постепенное снижение интенсивности миграционных потоков с конца 1990-х гг. Внешняя миграция представлена, прежде всего, трудовой миграцией и такими ее разновидностями, как «утечка умов» и нелегальная миграция.

Наиболее тесные внешние миграционные связи сложились у России со странами СНГ, на долю которых приходится свыше 90% миграционного обмена РФ с зарубежными странами. При этом преобладает въездной поток мигрантов в Россию. В общем потоке иммигрантов преобладают выходцы из Казахстана, Украины и Узбекистана, на долю которых приходится до 70% иммигрантов. В этническом составе мигрантов в Россию из стран ближнего зарубежья преобладают русские, хотя их доля постепенно сокращается с 80% в начале 1990-х гг. до 55% в настоящее время. Из государств Закавказья, Молдовы и Таджикистана в Россию приезжают преимущественно представители коренных этносов этих стран. Прибытие мигрантов из ближнего зарубежья обусловлено чаще всего наличием родственников, отсутствием языкового барьера и относительной социально-экономической стабильностью в России. На территории России мигранты концентрируются в регионах с развитой инфраструктурой, высоким уровнем развития частного сектора экономик и в приграничных районах. В географии выезда мигрантов из России выделяются три основных направления – Украина, Казахстан и Беларусь. На их долю приходится около 80% всех выезжающих из России на постоянное место жительства в страны ближнего зарубежья.

В последние годы для миграционного обмена России вновь стал характерен миграционный прирост. В период с 2003 по 2008 г. он увеличился в 6,9 раза. Основной вклад в миграционный прирост населения России вносят наши соотечественники из стран СНГ. С 2003 по 2008 г. удельный вес выходцев из стран СНГ в структуре прибывших в Россию возрос с 92,7 до 95,9% (табл. 11).

Международная миграция Российской Федерации в 2002–2008 гг., чел.

Показатели	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Прибыло в РФ – всего:	184612	129144	119157	177230	186380	286956	281615
В том числе:							
из стран СНГ	175068	119661	110374	168598	177657	273872	269977
из стран вне СНГ	9544	9483	8783	8630	8723	13084	11638
Выбыло из РФ – всего:	106685	94018	79795	69798	54061	47013	39508
В том числе:							
в страны СНГ	52099	46081	37017	36109	35262	31329	26114
в страны вне СНГ	54586	47937	42778	33689	18799	15684	13394
Миграционный прирост, всего:	77927	35126	39362	107432	132319	239943	242107
В том числе в результате миграционного обмена:							
со странами СНГ	122969	73580	73357	132489	142395	242543	243863
со странами вне СНГ	-45042	-38454	-33994	-25057	-10076	-2600	-1756

Составлена: По данным Росстата [6, 7].

Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья за последние 15 лет сократилась с 88 тыс. чел. в 1991 г. до 11,6 тыс. чел. в 2008 г., или в 7,9 раза. При этом максимум был достигнут в 1993 г., когда страну покинуло 114 тыс. чел. Среди государств, принимающих российских граждан на постоянное жительство, выделяются Германия, Израиль и США, на долю которых приходится до 90% всех эмигрантов. Постепенно растет доля других стран дальнего зарубежья, принимающих мигрантов из России. В их числе выделяются Финляндия, Канада и Австралия. Между тем по-прежнему сохраняется миграционная убыль со странами вне СНГ. В 2008 г. в структуре прибывших в Россию на постоянное жительство выходцы из стран дальнего зарубежья составили всего 4,1%.

В ближайшем будущем трудовая миграция будет приобретать всё большее значение для экономики России, поскольку, согласно прогнозу Росстата, трудоспособное население страны сократится почти на 7,5 млн. чел. В связи с этим одним из приоритетных направлений миграционной политики становится содействие привлечению иностранной рабочей силы в российские регионы для восполнения ожидаемого дефицита трудовых ресурсов. Одновременно с увеличением импорта рабочей силы в страну в начале 1990-х гг. Россия вышла на мировой рынок рабочей силы. Потери, которые несет Россия из-за «утечки умов» за рубеж, оцениваются миллиардами долларов. Продолжающееся ухудшение демографической ситуации в стране и стихийный характер миграционных процессов диктуют необходимость осуществления в РФ целенаправленной и долгосрочной миграционной политики, подкреплённой соответствующей законодательной базой.

Проведенный анализ особенностей и тенденций демографического развития России в постсоветский период позволил сделать следующие выводы:

- распад СССР вызвал четвертый за последнее столетие демографический кризис в Российской Федерации, который проявился в депопуляции населения вследствие беспрецедентно низкой рождаемости и высокого уровня смертности, значительно превышающего показатели рождаемости;
- начавшийся в 1990-е гг. процесс убыли населения носит устойчивый и долговременный характер;
- наметившийся в последние годы небольшой рост рождаемости обусловлен как структурными факторами, связанными со вступлением в детородный возраст более многочисленных поколений родившихся в конце 1970-х – начале 1980-х гг., так и с повышением самой интенсивности рождаемости;
- положительные изменения в характере естественного воспроизводства населения пока не позволяют переломить негативную демографическую ситуацию, сложившуюся в постсоветское время;
- естественный прирост населения РФ в ближайшие годы начнет падать, несмотря на некоторый всплеск рождаемости в последние годы, вызванный реализацией Программы материнского капитала, повышением детских пособий и других социальных выплат;
- низкий уровень рождаемости в 1990-е гг. позволяет предположить о снижении рождаемости в ближайшее время по мере вступления в детородный возраст демографической когорты женщин, родившихся в эти неблагоприятные годы;
- уровень смертности в России начинает постепенно снижаться во многом благодаря реализации приоритетных направлений национального проекта «Здоровье», связанных с борьбой с болезнями сердечно-сосудистой системы, злокачественными новообразованиями, туберкулезом и внешними причинами смерти;

- в условиях отсутствия объективных предпосылок для увеличения рождаемости демографическая политика в России должна быть направлена главным образом на снижение уровня смертности;
- закрепление наметившихся в последние годы положительных тенденций в демографическом развитии в решающей мере связано с реализацией масштабного проекта модернизации здравоохранения за счет повышения страховых взносов и направления полученных средств на ремонт больниц и поликлиник, обеспечение лекарствами и оборудованием, а также повышение зарплат медицинским работникам;
- продолжающееся ухудшение демографической ситуации в стране и во многом стихийный характер миграционных процессов диктуют необходимость осуществления в РФ целенаправленной и долгосрочной миграционной политики, подкрепленной соответствующей законодательной базой;
- одним из приоритетных направлений миграционной политики России должно стать содействие миграционной политике по привлечению иностранной рабочей силы в российские регионы для восполнения ожидаемого дефицита трудовых ресурсов.

Стратегическая цель правительства России в решении задач демографического развития связана со стабилизацией к 2015 г. численности населения на уровне не ниже 140-142 млн. чел. и началом роста населения после 2030 г. Для достижения этой цели необходимо снизить смертность так, чтобы ежегодная убыль населения была не более 270-275 тыс. чел. При этом коэффициент фертильности следует повысить до уровня 1,65-1,70, ожидаемую продолжительность предстоящей жизни увеличить до 70 лет. Важным дополнением эффективной демографической политики должна стать хорошо продуманная государственная миграционная политика.

Источники и литература

1. Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. М: Госкомстат России, 1994.
2. Демографический ежегодник Российской Федерации. 2008. М: Росстат, 2008.
3. Демографический ежегодник Российской Федерации. 2009. М: Росстат, 2009.
4. Обедков А.П. Демографический кризис и государственное регулирование демографических процессов в северных регионах России // Национальная идентичность России и демографический кризис / Материалы II Всероссийской конференции (15 ноября 2007 г.). М.: Научный эксперт, 2008. С. 226-234.
5. Обедков А.П. Региональная экономика субъектов Российской Федерации: Северо-Западный федеральный округ. Сыктывкар: СФ СПбГУСЭ, 2009.
6. Россия 2009: Статистический справочник / Росстат. М., 2009.
7. Россия 2010: Статистический справочник / Росстат. М., 2010.
8. Численность и размещение населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. (Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 т. / Федеральная служба гос. статистики; Т. 1).
9. Численность населения Российской Федерации по городам, посёлкам городского типа и районам на 1 января 2009 года. Москва: Росстат, 2009.
10. Численность населения Российской Федерации по городам, посёлкам городского типа и районам на 1 января 2010 года. Москва: Росстат, 2010.

Демографический потенциал развития мусульманской общины Индии

Индию в настоящее время с полным правом называют крупной исламской державой: в ее границах проживают около 170 млн мусульман, или примерно 14% населения страны. Данный показатель на протяжении всей истории независимой Индии неуклонно возрастал. Подобная тенденция характерна лишь для мусульман и сикхов, однако численность последних слишком мала, чтобы оказывать достаточно серьезное влияние на политическую ситуацию в стране (табл. 1).

Таблица 1

Численность крупнейших конфессий и их доля в населении Индии за период с 1951 по 2001 гг.

Конфессии	Численность и доля в населении страны (млн человек, %)											
	1951 г.		1961 г.		1971 г.		1981 г.		1991 г.		2001 г.	
Индуизм	306,9	85,0	366,8	84,4	455,0	83,5	564,4	82,6	687,6	82,0	827,6	80,5
Ислам	35,8	9,9	47,0	10,7	61,4	11,2	77,5	11,4	103,6	12,1	138,2	13,4
Христианство	8,4	2,3	10,7	2,4	14,2	2,6	16,6	2,4	19,6	2,3	24,1	2,3
Сикхизм	6,3	1,7	7,8	1,8	10,6	1,9	13,4	2,0	16,7	1,9	19,2	1,9
Буддизм	0,2	0,05	3,2	0,7	3,9	0,7	4,8	0,7	6,4	0,8	8,0	0,8
Джайнизм	1,6	0,5	2,0	0,5	2,6	0,5	3,3	0,5	3,4	0,4	4,2	0,4
Все население Индии	361,1	100	439,2	100	548,2	100	683,3	100	838,6	100	1028,6	100

Источники: [1, 2].

Существует несколько причин различного прироста населения в конфессиональных группах Индии.

Во-первых, необходимо отметить, что для представителей мусульманского религиозного меньшинства страны характерны повышенные темпы естественного прироста. Демографическое поведение населения определяется как уровнем социально-экономического развития различных регионов страны, так и культурными традициями каждой из религиозных общин Индии. Для мусульманской общины характерна самая высокая рождаемость. По подсчетам индийских демографов, до 80% опережающего прироста мусульманского населения страны по сравнению с индуистским обусловлено действием фактора более высокой рождаемости в мусульманских семьях [3].

В штатах Уттар-Прадеш, Бихар и Махараштра, где сконцентрировано почти 1/3 мусульман страны, суммарный коэффициент рождаемости колеблется в пределах от 4,1 до 4,7, в то время как в среднем по Индии он составляет лишь 2,8. Возрастная структура мусульманской общины характеризуется самой высокой долей детей (от 0 до 6 лет) – почти 19% от ее состава (а в сельской местности и более 20%), при среднем значении для всего населения страны – 16% (табл. 2). В результате мусульманская община за период 1991–2001 гг. увеличилась в Уттар-Прадеше на 31%, Бихаре и Махараштре – на 35%, в то время как индуистская выросла лишь на 24, 27 и 21% соответственно (табл. 3).

Таблица 2

Доля детей в возрасте 0–6 лет в возрастной структуре населения Индии по конфессиональным группам, %

Конфессии	Всего	Сельское население	Городское население
Индуизм	15,6	16,7	12,5
Ислам	18,7	20,2	16,1
Христианство	13,5	14,6	11,2
Сикхизм	12,8	13,4	11,2
Буддизм	14,4	15,2	13,2
Джайнизм	10,6	11,5	10,3
Все население Индии	15,9	17,0	13,1

Источник: [4].

Статистический анализ свидетельствует о тесной связи уровня экономического развития и демографических показателей. Социально-экономическое развитие регионов «мусульманского пояса» Индии – среднего и нижнего течения Ганга и Брахмапутры (штаты Уттар-Прадеш, Бихар, Ассам) – существенно отстаёт от среднего по стране. Так, среднедушевые показатели ВВП в Уттар-Прадеше и Бихаре в 1,5–2 раза ниже, чем в целом по Индии.

Организация семьи в северных штатах Индии носит патрилокальный характер: женщина проживает в семье своего мужа, часто изолированно от родителей, ее социальный статус принижен. Единственный способ укреп-

* Горохов Станислав Анатольевич (Москва) – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии Московского педагогического государственного университета, e-mail: stgorohov@yandex.ru; Дмитриев Руслан Васильевич (Москва) – преподаватель кафедры мировой экономики и социально-экономических дисциплин Восточного университета (учредитель – Институт востоковедения РАН), e-mail: dmitrievrv@yandex.ru.

ления своего положения в семье для женщины является рождение как можно большего числа детей, прежде всего мальчиков. Данная ситуация особенно характерна для мусульманской общины, где религиозная традиция ограничивает жизнь женщины преимущественно домашним кругом. Кроме того, в исламе, в отличие от индуизма, не существует ни запретов на повторное замужество вдов, ни требования длительного сексуального воздержания после рождения ребенка. Консервации архаичных традиций способствует низкий образовательный уровень общины в целом и особенно женщин в частности, отличающий мусульман Индии (табл. 4). В городах 60% мусульман никогда не учились в школе и только 4% окончили ее. Производительной деятельностью заняты 31% мусульман (16% мусульманок), 40% индусов (31% индусок), 40% христиан (37% христианок).

**Прирост индуистского и мусульманского населения
Индии за период с 1991 по 2001 г.**

Штаты, союзные территории	Прирост индуистов, %	Прирост мусульман, %
Пенджаб	28,65	59,58
Химачал-Прадеш	6,97	34,08
Джамму и Кашмир	19,90	29,30
Дели	44,10	82,49
Харьяна	27,03	60,11
Керала	7,29	15,84
Гоа	17,17	50,04
Карнатака	15,32	23,48
Андхра-Прадеш	14,43	17,94
Махараштра	21,59	34,63
Гуджарат	22,13	27,33
Мадхья-Прадеш	23,34	28,77
Уттар-Прадеш	24,53	31,34
Уттаракханд	17,76	43,51
Бихар	27,12	35,48
Джаркханд	9,63	40,28
Аруначал-Прадеш	18,65	73,42
Нагаленд	25,06	69,58
Манипур	-5,91	42,99
Мизорам	-9,27	122,54
Мегхалая	18,25	61,35
Ассам	12,26	29,30
Западная Бенгалия	14,23	25,91
Орисса	15,86	25,91
Индия	20,36	33,39

Источник: [5].

востока активно «подпитывается» мусульманскими мигрантами из Бангладеш, имея тенденцию к расширению в основном за счет высокого прироста мусульманского населения в Ассаме и горных штатах Северо-Восточной Индии. Другим важным районом размещения мусульман Индии является Малабарское побережье, прежде всего, штат Керала, в котором сосредоточено 5,7% адептов ислама страны (почти 25% населения штата).

Отставание в уровне образованности к тому же делает мусульман неконкурентоспособными на современном рынке труда, оставляя им лишь низкооплачиваемую работу. Всё это понижает социальные показатели средней мусульманской семьи, для которой основным «капиталом» становятся дети. С другой стороны, высокая рождаемость еще больше снижает среднедушевые показатели ВВП в мусульманских регионах Индии и грозит, в конечном счете, социальным взрывом.

В современной Индии мусульмане территориально как бы растворены в индуистском населении, составляя к настоящему моменту большинство лишь в двух из 35 административно-территориальных единиц страны первого порядка: Джамму и Кашмире и Лакшадвипе. Однако в этих двух регионах проживают лишь около 5% мусульман Индии [7]. Главным районом расселения адептов ислама является долины Ганга и Брахмапутры, на которые приходится более половины мусульман страны. Это штаты Уттар-Прадеш (22,2% мусульман), Бихар (10,0%), Западная Бенгалия (14,6%), Ассам (5,9%). Однако на этой территории мусульмане остаются в меньшинстве, правда, их удельный вес заметно выше, чем в среднем по Индии. В настоящее время «мусульманский пояс» с

Доля грамотного населения Индии по конфессиональным группам, %

Конфессии	Всего (в том числе женщины)	Сельское население (в том числе женщины)	Городское население (в том числе женщины)
Индуизм	65,1 (53,2)	59,1 (45,7)	81,3 (73,9)
Ислам	59,1 (50,1)	52,7 (42,7)	70,1 (63,2)
Христианство	80,3 (76,2)	74,5 (69,7)	90,9 (88,3)
Сикхизм	69,4 (63,1)	64,2 (57,2)	83,6 (79,2)
Буддизм	72,7 (61,7)	66,9 (54,6)	81,6 (72,9)
Джайнизм	94,1 (90,6)	87,5 (80,3)	96,1 (93,8)
Всё население Индии	64,8 (53,7)	58,7 (46,1)	79,9 (72,9)

Источник: [6].

Таблица 4

Географическая неравномерность в размещении мусульман Индии проявляется и в их большей урбанизированности по сравнению с индуистами: в городах доля мусульман повышается по сравнению со средней для страны до 17%, параллельно снижаясь в сельской местности до 12%. Для индуистов наблюдается обратная закономерность (табл. 5). В Индии со времен средневековья мусульмане тяготеют к городам, особенно крупным, таким, как Дели, Колката, Мумбаи, Лакхнау, Хайдарабад, где занимаются торговлей и кустарным производством.

Таблица 5

**Уровень урбанизации в Индии
по конфессиональным группам, %**

Конфессии	Всего	Сельское население	Городское население
Индуизм	80,5	82,3	75,6
Ислам	13,4	12,0	17,3
Христианство	2,3	2,1	2,9
Сикхизм	1,9	1,9	1,8
Буддизм	0,8	0,7	1,1
Джайнизм	0,4	0,1	1,1
Всё население Индии	100	100	100

Источник: [8].

Это неизменно накладывает свой отпечаток на структуру занятости адептов двух основных религий страны: большая часть мусульман занята во вторичном секторе хозяйства, на транспорте и торговле, в то время как первичный сектор и остальная часть сферы обслуживания остаются за индуистами. Однако зачастую исламские товары и услуги остаются менее востребованными не столько по причине более низкого качества по сравнению с таковым у индуистов (хотя уровень образования у мусульман ниже), сколько вследствие конфессиональной предубежденности большей части индийского общества. Испытанное веками, оно сохраняет свою структуру, прежде всего, благодаря сохраняющей свое значение системе варн и каст, в которую мусульмане вписываются с трудом. Результатом этого являются самые высокие показатели бедности исламского населения Индии, поддерживаемые большими по сравнению с индуистами безработицей (из-за большого количества женщин, которые не могут составить конкуренцию мужчинам на рынке труда) и демографической нагрузкой на лиц в трудоспособном возрасте. Последняя находится на протяжении десятилетий на значительном уровне вследствие высокой доли лиц в возрасте до 15 лет в возрастной структуре мусульман. Основными причинами этого являются самые высокие среди всех конфессиональных групп страны показатели рождаемости, а также крайне низкие значения младенческой смертности и уровня использования методов контрацепции. Это позволит мусульманской общине увеличиться, по некоторым прогнозам, до 300 млн. чел. к XXII в. (около 20% населения страны).

Данные, характеризующие уровень социально-экономического развития мусульман, говорят о том, что они находятся на нижних ступенях индийского общества. 60,2% мусульман, живущих в сельской местности, не имеют земли (средний показатель по стране 43%). Только 2,1% мусульман-фермеров имеют трактор и 1% – водяные насосы. Лишь у 10% мусульманских семей в деревнях есть возможность пользоваться проточной водой, в том числе водопроводом (средний показатель по Индии – 25%). Так же плохо обстоит дело с электрификацией мусульманских сел. Более того, число деревень, не имеющих электроснабжения, не только не уменьшается, но даже растет. Одним из важнейших социально-экономических показателей отсталости мусульман является высокий показатель их бедности. При среднем показателе бедности по Индии в 26% (2001 г.) у мусульман он равен 31% – выше, чем у всех других социальных и конфессиональных групп, за исключением зарегистрированных каст и племен (35%). При этом среди городских мусульман бедность достигает 38,4% (больше, чем у зарегистрированных каст и племен). В современной Индии мусульмане составляют лишь 2,3% от общего количества выпускников вузов страны (3,1% в городах и 0,8% в деревнях), а среди занятых в государственном секторе их лишь 3% [9].

Важнейшим результатом увеличения доли мусульман в конфессиональной структуре Индии станет усиление наблюдаемых с момента обретения страной независимости острых религиозных противоречий между индуистским большинством и поддерживаемым Пакистаном исламским меньшинством. Это подводит весь южноазиатский субконтинент к опасной черте – применению ядерного оружия, от которого странам удавалось воздерживаться до сих пор.

Источники и литература

1. The First Report on Religion Data. Census of India 2001. New Delhi, 2004. P. xxvii.
2. Joshi A.P., Srinivas M.D., Bajaj J.K. Religious Demography of India. New Delhi: Centre for Policy Studies, 2003. P. 26.
3. Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. Индия – Россия: стратегия партнёрства в XXI в. М.: Институт экономических стратегий, 2009. С. 211.
4. Сайт переписей населения Индии. URL: <http://www.censusindia.gov.in/> (дата обращения: 14.12.2010).
5. Malhotra V.K. Hindus in the net of innumerable problems. URL: <http://www.organiser.org/dynamic/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=65&page=48> (дата обращения: 22.02.2011).
6. Сайт переписей населения Индии (дата обращения: 14.12.2010).
7. Горохов С.А. Конфессиональная структура населения Индии // География в школе. 2008. № 3. С. 26.
8. Сайт переписей населения Индии (дата обращения: 14.12.2010).
9. Юрлова Е. Индия: мусульмане и мусульманки // Азия и Африка сегодня. 2007. № 10. С. 15.

*А.Е. Сакало (Полтава, Украина)**

Документы церковного происхождения XVIII в. как источники историко-демографических исследований: исповедные ведомости

В последние годы все большее внимание со стороны украинских ученых привлекают исследования в областях социальной истории, исторической демографии и исторической антропологии. К этой же сфере научных изысканий относится и проблема изучения эволюции структуры семьи (форм семейной организации) и брачно-семейных отношений. Отметим, что основными показателями семейного устройства являются численный и структурно-поколенческий состав семьи. Он характеризуется следующими показателями: населенность, число брачных пар, количество поколений и детей, степень и характер родства внутри домохозяйства. Именно эти параметры определяют требования к формированию базы источников исследований историко-демографических процессов на микроуровне. Каждый документ, используемый в ходе разработки данного вопроса, должен, в первую очередь, содержать подробное описание состава семей. Добавим, что основу базы источников подобных исследований составляют, прежде всего, данные статистических документов. К ним относятся документы как светского деловодства (церковного происхождения): описи, ревизии и т.п., так и церковного: приходские книги, метрические книги, исповедные ведомости. Привлечение источников такого рода дает возможность получить достаточно подробные данные, касающиеся структуры и состава как одной конкретной семьи (домохозяйства), так и всех домовых сообществ, расположенных в пределах того или иного населенного пункта. Проанализировав подобную информацию, например, по нескольким селам (городам), мы получаем возможность исследовать различные историко-демографические процессы (характеристики, показатели) на более широком уровне – в пределах определенной местности или региона. Отметим, что документы светского деловодства являются гораздо чаще используемыми исследователями, чем документы церковного происхождения (подобная ситуация более характерна для отечественной историографии, в отличие от этого, западноевропейские историки и демографы уже довольно давно широко используют документы церковного деловодства, в частности, материалы церковно-приходских книг).

Главная цель нашей работы заключается в определении особенностей исповедных ведомостей как источника исторической демографии и раскрытии информативного потенциала подобных документов для исследования форм семейной организации.

Сразу отметим, что исповедная ведомость, по сути, была учетным документом церковного деловодства, который фиксировал прохождение исповеди прихожанами или факты избегания ими этой процедуры.

Согласно данным Б. Миронова, исповедный учет на территории России впервые был введен в 1690 г. новгородским митрополитом Корнилием, который по собственной инициативе начал требовать от приходских священников подобную отчетность [1]. Украинский исследователь Л. Гисцова датой введения исповедных книг считает 1697 г. [2]. Вместе с тем большинство историков придерживаются точки зрения, что главной целью данного учета (по крайней мере, на начальном этапе) было выявление среди населения старообрядцев, которые не ходили исповедоваться в никонианские церкви. По мнению О. Романовой, в XVIII в. в условиях раскола Русской Православной Церкви таинство исповеди приобрело первостепенное значение как способ церковного и государственного контроля за благочестивой жизнью населения [3]. На всей территории Московского государства исповедный учет был введен указами 1716 и 1718 гг. Теперь уже это мероприятие преследовало не только политическую, но и фискальную цель, поскольку те прихожане, которые пропускали исповедь, платили штраф (штрафы были отменены только в 1800 г.). На территорию Гетманщины данная практика распространилась с 20-х гг. XVIII в. Согласно указу Синода от 7 марта 1722 г., все прихожане (особы, достигнувшие семилетнего возраста и старше) должны были исповедоваться и причащаться у своего священника. На протяжении 1737–1742 гг. исповедные ведомости приобрели устоявшуюся и унифицированную форму (определена указом 1737 г.), которая

* Сакало Александр Евгеньевич (Полтава, Украина) – ассистент кафедры политэкономии Полтавского национального педагогического университета им. В.Г. Короленко, alex-s79@mail.ru, asakalo@ukr.net.

с незначительными изменениями просуществовала до 1917 г. Священники должны были составлять исповедные описи (ведомости, книги) единого образца. Временем их составления был Великий пост. Тем, кто не успел исповедаться в этот период, разрешалось сделать это в любой другой срок. Как правило, это были Петровский, Успенский и Рождественский посты [4]. Также была налажена четкая система сбора этих документов. Исповедные ведомости церковью сначала отправлялись в духовные правления. Там они сводились в единую ведомость в виде таблицы и направлялись в духовную консисторию, где создавались сведенные экстракты по уездам, а оттуда в начале следующего года в Синод посылался общий отчет по епархии о пропустивших исповедь за год [5].

Рассмотрим структуру типичной исповедной ведомости начального уровня – документа, который составлялся священником (или дьяконом) каждого прихода. В нашем случае в качестве примера используем исповедную ведомость с. Митченки Пирятинской первой сотни Лубенского полка за 1770 г. Этот документ хранится в фонде Пирятинского духовного правления Государственного архива Полтавской области [6].

Итак, каждая исповедная ведомость имела три обязательные составляющие: преамбулу, непосредственно саму опись и итоговую таблицу. Завершался документ подтверждением достоверности представленных данных, скрепленных подписью священника, который его составил. В преамбуле назывались церковь, за которой был закреплён приход, священник, который его возглавлял и, соответственно, составлял ведомость, а также указывался год описи. В нашем документе присутствует такая запись: «*Роспись епархии Киевской протопопии Пирятинской уезда Пирятинского села Митченко церкви Святого пророка Ильи священника Михаила Васильева...*» [7]. Основная часть ведомости представляла собой большую таблицу, состоящую из описи отдельных хозяйственных единиц (дворов). Она имела стандартную форму и состояла из девяти колонок. В первой колонке таблицы фиксировался порядковый номер домохозяйства. Во второй – шла нумерация в порядке возрастания всех жителей села мужского пола. Третья колонка была аналогичной второй с той лишь разницей, что отражала женскую часть населения. Четвертая и самая большая графа перечисляла всех жителей села. Следует подчеркнуть, что подворная опись домохозяйств проводилась в строго установленном порядке, в зависимости от того, к какой социальной группе принадлежал его хозяин. Таким образом, сначала описывались дворы духовных особ (священников, дьяконов, пономарей), потом – военных (козачков), а в конце – посполитых (крестьян). Соответственно, и название этой колонки было разным: «Духовные и их домашние», «Военные и их домашние», «Посполитые и их домашние». Опись каждого домохозяйства имела свою структуру. Первым обязательно записывался хозяин двора (его имя, отчество и фамилия). Для женатых отмечалось имя, отчество жены. Далее указывались имена детей, причем, согласно тогдашней традиции, сначала по принципу старшинства подавались имена мальчиков и лишь потом – имена девочек. После неженатых детей записывались женатые дети хозяина, если они проживали в данном домохозяйстве, также подавались (аналогично представленной выше формуле) имена их детей (внуков хозяина). Наконец, по тому же самому принципу расписывались семьи других родственников хозяина (это могли быть семьи братьев, сестер, племянников, зятьев, невесток хозяина и т.д.), а если в домохозяйстве проживали «дворовые люди» – они также переписывались. Следующие две колонки фиксировали возраст каждого жителя домохозяйства (первая – мужчин, вторая – женщин). В последней графе отдельно указывались те особы, которые прошли исповедь и причастие, те, кто исповедались, но не причастились, и те, кто не исповедались (дети младше семи лет). Последнюю часть ведомости составляла таблица, в которой фиксировались показатели общего числа людей, которые были на исповеди и причастии, а также особ, которые избежали этой процедуры. Заканчивалась ведомость завершающей записью и подписью священника. Запись эта была такой: «*Сверх выше писанного в том моём Митченском приходе прописных и утаенных ничьих дворов не имеется и в означенных дворах кроме вышеявленных чинов никого тутюшних жителей и пришлых никакого чина и возраста людей под укрывательством не обретається, и противящихся святой церкви раскольников нет и которые в сей же росписи показаны исповедавшимися и причастившимися те все подлино исповедались и святым тайнам сообщались. Исповедавшихся токмо а не причастившихся також не исповедавшихся и не причастившихся в сем приходе не имеется...*» (цитируется языком оригинала – А.С.) [8].

По мнению российского историка Б. Миронова, одним из главных достоинств исповедных ведомостей является регистрация в них одних и тех же групп (категорий) населения, что, в свою очередь, даёт возможность сопоставить данные церковного учета для большого временного интервала. Говоря об источниковой базе историко-демографических исследований, украинский ученый Ю. Волошин отмечает, что документы светского деловодства необходимо использовать с рядом предосторожностей «относительно достоверности приведенных в них данных про численность и половозрастной состав населения» [9]. Эти источники не могут абсолютно точно отображать реальное состояние вещей, поскольку цель их составления – фиксирование налогоплательщиков, которыми в большинстве своем были мужчины. Таким образом, часть женщин и детей могла оказаться вне переписи, или ревизии. Кроме того, отношение чиновников к своей работе не всегда было на высоком уровне, а поэтому иногда, сознательно или нет, ими допускались ошибки, которые существенно искажали действительное состояние вещей. В отличие от названной выше группы источников документы церковного происхождения, на

наш взгляд, предоставляют более полную информацию о численности населения, его половозрастном составе и брачно-семейных связях. Однако, безусловно, следует сказать, что и подобные документы имели некоторые недостатки (та же невнимательность или формальный подход к составлению в отдельных случаях, возможные пропуски малолетних детей). Но, по нашему мнению, исповедные ведомости не являются существенными с точки зрения их возможного использования в качестве источников историко-демографических исследований. Хотя, безусловно, рассматривая проблемы такого рода, нужно стремиться к комплексному изучению источников как церковного, так и светского происхождения.

Итак, продемонстрируем информационный потенциал исповедных ведомостей, осуществив анализ избранного в качестве примера документа.

В первую очередь, мы можем определить общее число жителей данного села – 819 чел. Половое деление было следующим: 414 мужчин и 405 женщин [10]. Здесь нужно принять во внимание коэффициент полового соотношения, который определяют делением числа мужчин на число женщин и умножением полученного результата на 100. В исторической демографии считается, что выход данного показателя за пределы 100,0–110,0 свидетельствует о возможной недорегистрации населения одного пола (как праивло, женщин) [11]. В нашем случае он равняется 102,2. Поскольку исповедоваться начинали с 7-летнего возраста, то младшие дети включались в категорию «малолетние» и записывались отдельно. Источник свидетельствует, что в исследуемых семьях насчитывалось 152 малолетних ребенка (83 мальчика и 69 девочек).

Важным признаком, который характеризовал дальнейшие перспективы развития любого села, было соотношение работников (людей трудоспособного возраста) и едоков (людей нетрудоспособного возраста). Отметим, что, согласно тогдашних критериев, к числу первых относили людей в возрасте от 15 до 60 лет. Соответственно, ко второй группе принадлежали дети младше 15 лет и пожилые люди старше 60 лет [12]. В нашем случае к категории работников относились 438 людей (53,5% от общего числа жителей села). Детей насчитывалось 362 чел. (44,2%), людей пожилого возраста – 19 (2,3%). Таким образом, соотношение работников и едоков – 1,15 – было в пользу первых. На наш взгляд, беря во внимание значительное число детей, Митченки имели хорошие перспективы дальнейшего развития.

Всё население было представлено тремя социальными группами. Так, к категории духовных особ принадлежали 12, военных (козаков) – 327, посполитых (крестьян) – 480 чел.

Общее число домохозяйств Митченков составляло 79 дворов (термины «домохозяйство», «двор», «семья» используются нами как синонимы). Таким образом, средняя населенность одного домохозяйства равнялась 10,4 чел. Единственной семьей представителей духовенства была семья 68-летнего священника Михаила Васильева, которая насчитывала 12 чел. [13]. Казакам принадлежало 25 домохозяйств, а их средняя населенность составляла 13,1 osoby. Крестьянских дворов было зафиксировано 53. Показатель их средней населенности равнялся 9,1 чел. Наиболее населенным было домохозяйство 44-летнего казака Фёдора Белого – оно объединяло 36 чел. Самыми небольшими были семьи крестьян Василия Кобыленко (28 лет) и вдовы Ирины (51 года) – они состояли только из двух человек [14].

Еще одной важной составляющей исследований, подобных нашему, является анализ поколенного состава домохозяйств. Так, единственная семья духовенства состояла из представителей трех поколений. Семьи казаков распределились так: однопоколенные – 1 (4,0%), двухпоколенные – 13 (52,0%), трехпоколенные – 11 (44,0%). Среди крестьянских домохозяйств преимущество было на стороне двухпоколенных, которых насчитывалось 30 (56,6%). Второе место занимали трехпоколенные семьи – их было 21 (39,6%). Одна семья (1,9%) относилась к однопоколенным. Четырехпоколенных было зафиксировано столько же. Общее распределение домохозяйств по селу было следующим: однопоколенные – две (2,5%), двухпоколенные – 43 (54,4%), трехпоколенные – 33 (41,8%) и, наконец, четырехпоколенные – одна семья (1,3%).

Используя данные исповедных ведомостей, также можно определить типологию домохозяйств. В своем исследовании мы использовали наиболее распространенную в исторической демографии классификацию семейных домохозяйств П. Ласлетта [15]. В соответствии с ней все домохозяйства, в зависимости от их структуры, делятся на три основные группы: нуклеарные, расширенные и мультифокальные. Семьи, принадлежащие к первому типу также называются простыми, ко второму и третьему – сложными. В нашем случае единственная семья священника была мультифокальной. Большинство домохозяйств казаков – 20 (80,0%) – также принадлежало к этой же группе. Еще четыре (16,0%) – были нуклеарными, одно (4,0%) – расширенным. Таким образом, сложных семей всего насчитывалось 21 (84,0%). Домохозяйства крестьян разделились следующим образом: нуклеарные – 18 (34,0%), расширенные – 4 (7,5%) и мультифокальные – 31 (58,5%). Как видим, в целом по селу большинство было за мультифокальными домохозяйствами – их насчитывалось 52 (65,8%). Далее шли нуклеарные семьи, которых было 22 (27,8%). Меньше всего было зафиксировано расширенных семей – 5 (6,4%). Таким образом, доля сложных домохозяйств составляла 72,2%, свидетельствуя тем самым об их существенном преобладании над простыми.

Подводя итоги, следует отметить, что анализ нескольких исповедных ведомостей одного и того же населенного пункта за разные годы дает возможность проследить динамику изменений структуры семьи (каждой отдельно и по селу в целом), выделить определенные тенденции, исследовать истории отдельных семей. Сопоставление полученных данных с результатами аналогичных разработок других исследователей (например, иностранных) предоставляет возможность сравнить историю и особенности эволюции украинской семьи с аналогичными процессами, которые происходили в Европе и мире в целом как в глобальном, так и локальном измерениях. Таким образом, можем утверждать, что информационный потенциал исповедных ведомостей как источника исследования историко-демографических процессов является достаточно большим и нуждающимся в дальнейших проработке и изучении.

Источники и литература

1. Миронов Б.Н. Исповедный и метрический учет в имперской России // URL: <http://www.bmironov.spb.ru/sochist.php?mn=2&lm=1&lc=art10> (дата обращения 11.04.2011).
2. Гісцова Л.З. Сповідна книга Старокодацької запорозької хрестової наміснії 1766 року як джерело до вивчення історії поселень вольностей військових // URL: http://www.ukrtterra.com.ua/researches/23/giscova_spovidna.htm. (дата обращения 9.03.2011).
3. Романова О.О. Сповідальні книги Київської метрополії XVIII ст. як спосіб церковного контролю за мораллю парафіян // Український історичний журнал. 2008. № 4. С. 122.
4. Петренко І.М. Шлюбно-сімейні відносини українців у другій половині XVIII ст. Полтава: Монографія. РВВ ПУСКУ, 2009. С. 37.
5. Романова О.О. Указ. сочинение. С. 125.
6. Государственный архив Полтавской области (далее – ГАПО). Ф. 801. Оп. 1. Д. 255. Л. 1–13.
7. Там же. Л. 1.
8. Там же. Л. 12.
9. Волошин Ю.В. Розкольніцькі слободи на території Північної Гетьманщини у XVIII столітті (історико-демографічний аспект). Полтава: АСМІ, 2005. С. 43–44.
10. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 255. Л. 12.
11. Волошин Ю.В. Структура сім'ї в поселеннях росіян-старообрядців Малоросії XVIII століття (на прикладі слободи Деменки Топальської сотні Стародубського полку) // Історична пам'ять. 2005. № 1–2. С. 68.
12. Там же. С. 69.
13. ГАПО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 255. Л. 1.
14. Там же. Л. 4, 6.
15. Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века: Сб. статей / Под ред. А.Г. Вишневого и И.С. Кона. М.: Статистика, 1979. С. 136–139.

Всесоюзные переписи населения как источник по изучению этнодемографического состава населения (на примере Республики Коми)**

Одним из первоочередных этапов этнодемографического исследования является определение круга необходимых источников информации, позволяющих решить поставленные задачи. Базовым источником, к которому в первую очередь обращаются исследователи, являются переписи населения. Цель данной статьи: показать информационные возможности материалов советских переписей по изучению этнического состава населения, обозначить трудности работы с ними, а также охарактеризовать качество публикации их материалов и степень сохранности документов переписей в государственных архивохранилищах Республики Коми.

В распоряжении исследователя в том или ином виде имеются материалы Всесоюзных переписей населения 1926, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. На получение этнической информации о населении были направлены два вопроса, содержащиеся в переписных бланках – вопрос о национальности и родном языке.

В отличие от Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., которая в основу этнической классификации положила языковую принадлежность, и организаторы переписи ограничились включением в переписной бланк только вопроса о родном языке, во время проведения первой Всесоюзной переписи населения 1926 г. в переписном бланке появляется вопрос о народности опрашиваемого. Таким образом, в основу определения этнического состава страны кладется этническое самоопределение (этническая самоидентификация) человека, что свидетельствует о серьезном продвижении в развитии этнологической науки. Применение термина «народность» подчеркивало, что речь идет «о принадлежности к той или иной этнической группе населения» [1]. Однако уже в следующей переписи 1937 г. вопрос о народности был заменен вопросом о национальности, который сохранялся во всех последующих советских переписях. По всей видимости, при замене руководствовались тем, что в такой редакции вопрос становился более доступным и понятным для массового сознания. При ответе на вопрос о родном языке в 1926 г., как и в дальнейших переписях, было положено мнение самого опрашиваемого, причем в инструкции по заполнению бланков уточнялось, что родной язык опрашиваемого может не совпадать с народностью. Тем самым еще в 1920-е гг. признавалось существование такого явления как несовпадение родного языка и этнического самоопределения человека.

Особенность материалов переписей состоит в том, что качество этнической информации, заложенной в них, можно значительно улучшить или, напротив, резко снизить за счет характера и качества публикации документов и таблиц, а точнее, за счет выбора тех показателей, которые будут соединены в публикации с этническими данными.

По уровню научного профессионализма организаторов и разработчиков переписи, подготовки инструментария, глубине анализа этнической ситуации в стране и качеству публикации полученных материалов в советской истории перепись 1926 г. осталась непревзойденной. Ее материалы опубликованы ЦСУ СССР в 56 томах и представляют собой уникальное издание с колоссальным объемом информации по этническому составу населения и расселению народностей на территории СССР. Информация по Коми автономной области была включена в первый том, содержащий сведения по Северному району [2]. Местными органами статистики были подготовлены и в 1928 г. изданы два статистических сборника с итогами переписи 1926 г. по Коми области [3]. Данные этих сборников полностью совпадают с вышеупомянутым изданием ЦСУ СССР.

Опубликованные материалы переписи 1926 г. выгодно отличаются от последующих советских переписей тем, что в них приводятся сведения о проживании в области всех этнических общностей, включенных в список народностей, с делением по полу и указанием владения языком своей народности, а также языком не своей народности (русским и прочими) и со сведениями о грамотности (в том числе на языке своей народности). В переписи был отражен этнический состав на уровне волостей и сельских населенных пунктов, т.е. на уровне максимально дробного территориального деления, возможного для такого рода публикаций. Таким образом, исследователь имеет возможность работать с достаточно дифференцированной по этническому и расселенческому признакам информацией.

При источниковедческом анализе материалов переписей серьезным вопросом является качество публикаций, которое напрямую связано с полнотой, достоверностью и сопоставимостью информации. И в данном случае

* **Безносова Наталья Павловна** (Сыктывкар) – научный сотрудник группы исторической демографии и исторической географии отдела истории и этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

исследователь сталкивается с тем, что сравнение результатов переписей по этническому составу населения за разные годы по опубликованным материалам оказывается достаточно затруднительным. Это связано с постоянными модификациями в словаре народностей и с изменениями в административно-территориальном делении. Так, итоги переписи 1926 г. по Коми области пересчитывались дважды: в 1929–1930 гг. – при вхождении области в состав Северного края и в 1938 г. – при подготовке переписи 1939 г. В дальнейшем именно цифры пересчета 1938 г. публиковались в сравнительных таблицах Всесоюзных переписей населения как итоговые данные переписи 1926 г.

Достоверность опубликованных материалов, как, впрочем, и первичных переписных массивов, во многом определяется характером научной методологии и методики, заложенной в основу переписи. При проведении некоторых советских переписей произошла подмена научной методологии государственной идеологией, что не могло не сказаться на их результатах. По существу они должны были служить и служили подтверждением идеологических и политических требований, выдвигаемых руководством страны. Особенно ярко это проявилось при подготовке и проведении переписей 1937 и 1939 гг. Если перепись 1926 г. проходила в условиях гласности и деловитости, то переписи 1930-х гг. – в совершенно иной общественно-политической атмосфере. Так, в качестве целевой установки перед организаторами переписи 1937 г. была поставлена задача – языком цифр подтвердить успехи и достижения страны, о которых говорилось в докладе Сталина на VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. А при подготовке переписи 1939 г. заявлялось, что «перепись даст нам картину возрождения и блестящего расцвета национальностей, населяющих наш великий Советский Союз, как результат осуществления ленинско-сталинской национальной политики, выраженной в Сталинской Конституции» [4]. То есть в программу переписей закладывались в качестве основных научных принципов заведомо обозначенные результаты. Анализ таких источников требует особой тщательности. Таким образом, для определения исторических источников крайне важным оказывается учет политической ситуации в стране в конкретный период времени.

Итоги переписей 1930-х гг., не удовлетворившие тогдашнее руководство страны, стали засекреченными практически сразу после их проведения. Материалы их не были опубликованы. До недавнего времени документы переписи 1937 г. полностью, а переписи 1939 г. в основной массе, за исключением сжатых сведений о численности населения, оставались недоступными для исследователей. Только в начале 1990-х гг., т.е. более чем полвека спустя после их проведения, совместными усилиями Института российской истории РАН и Российского государственного архива экономики были подготовлены к печати и опубликованы «Краткие итоги переписи 1937 г.» и «Основные итоги переписи 1939 г. по СССР», а в 1999 г. – отдельный том материалов переписи 1939 г. по РСФСР [5].

В публикациях переписей населения послевоенного периода прослеживается тенденция упрощения подачи их материалов в опубликованном виде. В первой послевоенной переписи 1959 г. проблемам национального состава уделялось значительно меньше внимания. Число разработанных «этнических» показателей в опубликованных материалах переписи снизилось, что было вызвано отношением государства к национальному вопросу, как решенному [6]. В государственном статистическом учете явно прослеживалась тенденция к сокращению числа этнических общностей, что не отражало реальную этническую ситуацию, сложившуюся, к примеру, в нашей республике. За исторически короткий промежуток времени между переписями 1939 и 1959 гг. в численности и этническом составе населения Коми АССР произошли кардинальные перемены и определяющим фактором этих процессов были внешние миграции. За двадцать лет республика превратилась в регион с многонациональным составом населения. Русские стали самой многочисленной национальной группой республики, в то время как удельный вес титульного этноса в составе населения упал с 72,5 до 30,4%.

Тенденции к нивелировке этнической действительности получили свое продолжение и в переписи 1970 г. Ее программа отражала характерный для официальной советской этнографии и демографии подход, согласно которому основными видами этнических процессов в стране являлись консолидация и ассимиляция. Именно по этой причине количество народов, зафиксированных переписями, снизилось со 194 в 1926 г. (а вместе с эндоэтнонимами их насчитывалось 724) до 104 этнических единиц в 1970 г. Например, по Коми АССР публиковались данные только по пяти-семи наиболее многочисленным этническим общностям, в то время как перепись 1970 г. показала, что в республике проживали представители 70 наций и народностей СССР и 30 национальностей, проживающих в основном за пределами СССР.

Итоги переписи 1970 г. изданы в семи томах [7]. Этническая информация была выделена в отдельный четвертый том, вышедший в 1973 г. Он был призван проиллюстрировать успехи государства в области национальной политики. Как отмечалось во вводной статье к этому тому, показателями успехов выступали: во-первых, увеличение численности большинства этнических общностей; во-вторых, процесс консолидации наций, при котором небольшие по численности этнографические группы объединяются с родственными, более крупными народами [8].

В 1972 г. на XIV съезде КПСС Л. И. Брежнев сделал заявление о возникновении в СССР новой исторической общности людей – советского народа. В конце того же 1972 г. в период празднования 50-летнего юбилея образования СССР этот тезис был многократно растиражирован. Советский народ был объявлен новой социально-классовой общностью, общностью многонациональной, олицетворяющей братскую дружбу народов страны. Этот вывод базировался в основном на итогах переписи 1970 г. по вопросам о владении родным языком и вторым языком народов СССР. Дело в том, что в опросном листе переписи 1970 г. впервые помимо указания родного языка гражданам предлагалось назвать и другой язык народов СССР, которым они свободно владеют (вопрос этот сохранился и при проведении последующих переписей). Перепись 1970 г. показала, что русский язык стал в СССР языком межнационального общения: почти половина из числа лиц нерусской национальности назвали его в качестве родного или второго языка, которым владеют свободно. Другим этническим процессом, служившим для подтверждения основных теоретических постулатов о создании новой исторической общности людей, назывался процесс ассимиляции. В качестве основных источников этого процесса указывались совместный труд в общественном производстве, масштабные миграции населения, рост числа межэтнических браков [9].

Однако за общими по стране цифрами скрывались существенные региональные различия. Так, для Коми АССР были характерны значительно более высокие, чем в среднем по стране и России, показатели числа межнациональных браков, а также этнической и языковой ассимиляции, в которую были вовлечены не только представители титульного этноса республики, но и другие народы, и более всех – украинцы, белорусы, немцы.

Установка к ограничению распространения этнической информации переписей особо проявилась при публикации итогов переписи 1979 г., которые содержат данные о распределении отдельных национальностей СССР по полу, возрасту, языку, состоянию в браке и уровню образования только по союзным республикам без деления их на отдельные области и автономные образования [10].

Несколько особняком стоят материалы последней советской переписи 1989 г., проводившейся на фоне начавшегося процесса роста этнического и национального самосознания. Публикация их началась на следующий год после ее проведения. Причем этнической составляющей было уделено особое внимание. Достаточно отметить изданный в 1991 г. четырехтомник под названием «Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения РСФСР», содержащий количественные и социально-демографические характеристики различных национальностей, включая малые народы и этнографические группы [11].

По итогам переписи 1989 г. Коми управление статистики выпустило в 1990–1991 гг. несколько тематических сборников, в том числе сборник «Национальный состав Коми АССР» [12]. Это весьма знаменательное событие стало возможным в условиях гласности и демократических преобразований, происходивших в стране в тот период. Отметим, что публикация итоговых документов переписи отдельным изданием произошла в республике впервые с 1926 г.

Таким образом, недостаточность информации в опубликованных материалах переписей советского периода затрудняет ее использование при анализе ситуации в полиэтнических регионах, к которым относилась и территория Республики Коми. В данном случае ответы на вопросы можно получить, привлекая первичные материалы переписей, отложившиеся в фондах Национального архива Республики Коми.

Прежде всего, следует отметить различную степень сохранности переписей. Если материалы переписи 1926 г. сохранились в фондах Исполкома Коми АО (ф. р. 3) и Коми облстатотдела (ф. р. 140) достаточно хорошо, то от переписи 1937 г. до нас дошли лишь несколько общих таблиц по численности, половому и национальному составу населения, отложившиеся в фонде Представительства Коми АССР при Президиуме Верховного Совета РСФСР (ф. р. 870). Документы содержат многочисленные разночтения и правки, что объясняется незавершенностью обработки данных переписи, носивших предварительный характер. Наиболее полно представлены сведения о численности и расселении титульной национальности – коми. Другие народности, в том числе и русские, объединены в одну группу, поэтому дифференцировать население по национальному составу крайне затруднительно. Перепись спецпереселенцев, которые появляются в республике в начале 1930-х гг., была проведена в 1937 г. органами НКВД. Ее данные не были включены в общие итоги. Однако документы спецпереписи НКВД дают нам по ряду параметров даже более развернутую информацию, чем перепись коренного населения. В частности, они содержат сведения о размещении спецпереселенцев по районам с указанием их численности, национального состава, числа хозяйств и национальности глав хозяйств.

Материалы переписи 1939 г. сохранились значительно полнее. Они отложились в фондах Совета Министров Коми АССР (ф. р. 605) и республиканского Статистического управления (ф. р. 140) и содержат сведения по национальному составу населения с разбивкой по месту проживания, уровню грамотности и образования.

Что касается послевоенных переписей, то здесь отмечается следующая тенденция: при всё более сокращающихся объемах публикаций материалов переписей (о чем уже было сказано выше) объемы обработанных переписных материалов, напротив, возрастали. Так, в 140-м фонде Статистического управления Коми АССР отложились полностью разработанные документы переписи 1959 г. в количестве 39 томов; 67 томов переписи

1970 г. (13 из которых содержат таблицы с данными по национальному составу населения); 173 тома переписи 1979 г., из которых 22 содержат информацию этнического характера; 339 томов переписи 1989 г. и в 29 из них сохранилась этническая информация. Документы переписей включают в себя сведения о распределении населения республики по национальности и родному языку и второму языку народов СССР по городам и районам, данные по наиболее многочисленным национальностям с разбивкой их по возрасту и полу, месту рождения, уровню образования, занятости, источникам средств существования, а также состоянию в браке, распределению семей по их размеру и национальности членов семей.

Статистиками были составлены сравнительные таблицы итогов всех советских переписей по наиболее многочисленным национальным группам, разработанные как в абсолютных, так и относительных показателях. Разработанные таблицы результатов послевоенных переписей, и особенно переписи 1989 г., строились на совокупности максимально возможного числа параметров. В итоге исследователь получает в свое распоряжение информацию высокой степени интенсивности. Так, только одна таблица может объединять сведения о распределении населения отдельных городов и районов республики по национальности, по родному языку и второму языку народов СССР. В другой таблице находим сведения о распределении населения по родному языку, полу и возрастным группам по разным типам поселений (город-село) и т.д. Исследователь получает возможность сопоставления данных по национальному составу с одновременным выделением таких показателей как пол, возраст, тип поселения, семейное состояние, уровень образования, занятость.

Итак, качество и количество этнической информации, которую предоставляют исследователю Всесоюзные переписи населения, определяется уровнем научной методологии и методического инструментария, а также способом обработки полученных в ходе переписи данных и объемами публикаций их итогов. От переписи к переписи прослеживается тенденция упрощения подачи материалов в опубликованном виде. За исключением переписей 1926 и 1989 гг. они не содержат информации о малочисленных народах. Таким образом, помимо опубликованных итогов переписей для дальнейших исследований этнодемографических процессов в республике в 1920–1980-е гг. требуется привлечение такого богатейшего и до настоящего времени далеко не полностью изученного массива информации, как первичные документы Всесоюзных переписей населения по Республике Коми, хранящиеся в нашем Национальном архиве.

Источники и литература

1. Михайловский В.Г. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1926.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Северный район. Отдел 1. Народность, родной язык, возраст, грамотность. Т. 1. Северный район. Ленинградско-Карельский район. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1928. VIII+303 с.
3. Итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г.: население по возрасту, полу, народности и грамотности Автономной области Коми. Усть-Сысольск: Коми обл. отдел статистики, 1928; Всесоюзная перепись населения 1926 г.: население по полу и народности Автономной области Коми. Сведения о количестве населения и хозяйств на 1925–1927 гг. Усть-Сысольск, 1928.
4. Всесоюзная перепись населения 1939 г. М., 1938. С. 32.
5. Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги / Под ред. Ю.А. Полякова. М., 1991; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги / Под ред. Ю.А. Полякова. М.: Наука, 1992. 254 с.; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. Россия. СПб., 1999. 207 с.
6. Численность, состав и распределение населения СССР. Краткие итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1961. 64 с.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. (Сводный том). М., 1962. 284 с.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. Т. 1–16. М.: Госстатиздат, 1962–1963.
7. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М.: Статистика, 1972–1974. Т. I–VII.
8. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. Т. IV. С. 5.
9. Болдырев В.А. Итоги переписи населения СССР. М., 1974. С. 46.
10. Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М.: Финансы и статистика, 1984. 336 с.
11. Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991. Т. 1–4.
12. Национальный состав населения Коми АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Сыктывкар, 1990; Социально-демографическая характеристика населения Коми АССР. Сыктывкар, 1990. Ч. 1. 61 с.; Городские поселения Коми АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Сыктывкар, 1991. 97 с.; Сельские населенные пункты Коми АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Сыктывкар, 1990. 65 с. и др.

Историко-географические справочники по Среднему Уралу в контексте исследовательских практик**

История заселения и освоения Уральского региона, а также изучение особенностей его развития в условиях модернизации относятся к фундаментальным проблемам исторической науки и регионоведения. Свердловская область представляет собой крупнейший индустриальный регион страны, относящийся к категории старопромышленных. Опыт его модернизации позволяет говорить о реализации определенной региональной модели, специфика которой определяется во многом характеристиками расселения. На протяжении пяти веков активного освоения территории здесь сложилась развернутая городская сеть (по плотности городского расселения регион занимает одно из первых мест в стране, уступая только Московской и Ленинградской областям), а также система сельского расселения, представленная по состоянию на 2002 г. 1796 населенными пунктами. Всего на протяжении XX в. на территории области насчитывалось более 3000 постоянных сельских поселений, судьба которых была различной: часть (около трети) прекратили свое существование, около 10% получили городской статус, другие вошли в состав более крупных населенных мест. Память об исчезнувших селах и деревнях постепенно стирается. Их место занимают новые поселения, постепенно меняя карту области. В результате возникают проблемы с ретроспективным анализом развития территории.

Проблемы историко-географического исследования связаны в значительной степени с рассеянностью источников, особенностями представленной в них информации, использованием различных методов учета и систематизации информации о поселенческой сети региона. К основным комплексам исторических источников можно отнести Писцовые книги, Материалы Генерального межевания, Списки населенных мест по губерниям Российской империи, справочники по административно-территориальному делению, а также первичные материалы переписей населения России в XX в. Интересным, но своеобразным с точки зрения полноты и достоверности источником по истории расселения выступают труды краеведов, оформленные в виде монографических работ, либо краеведческих словарей и энциклопедий [1].

Таким образом, источниковая база изучения поселенческой сети отличается видовым разнообразием, массовым характером представленной информации и моментной привязкой данных к определенным временным точкам. Для комплексного анализа все эти сведения необходимо «привести» к единой структуре, систематизировать и оформить в виде вторичного источника – это может быть база данных, каталог, либо словарь-справочник, в основе которого будет лежать описание конкретного населенного пункта в его исторической ретроспективе. Причем создание справочника следует рассматривать как самостоятельную научную задачу, поскольку в результате подобной работы формируется общезначимый информационный ресурс многоцелевого использования.

Подготовка историко-географических словарей и энциклопедий является не только результатом научного исследования, но и отражает определенный уровень развития науки, связанный с накоплением обширного фактографического материала. Поскольку целью справочных изданий является удовлетворение потребностей в информации широкого круга пользователей – ученых, краеведов, школьников и пр., к нему предъявляются определенные требования, обеспечивающие достоверность, полноту, структурирование информации, возможности эффективного поиска данных. Особую значимость приобретает прозрачность источниковой базы описаний и наличие научно-справочного аппарата.

Научная практика дает нам сотни примеров (удачных и не очень) создания исторических справочников, которые еще нуждаются в обобщении и анализе. Следует отметить, что теоретические и методические вопросы подготовки справочных и энциклопедических изданий разработаны до сих пор достаточно слабо. Имеются лишь общие рекомендации по организации и проведению соответствующих работ, так и не оформленные в виде нормативно-методической базы.

К наиболее интересным работам, где дан обзор и общие рекомендации по созданию и использованию справочного исторического инструментария, можно отнести монографию Я.Н. Шапова, изданную в 2007 г. [2]. Значительный интерес представляют его замечания об информационной природе справочников как вторичного документа, сочетающего в себе черты научного и информационного продукта, что позволяет охарактеризовать их как разновидность информационных систем, предназначенных для реализации функций информационного обеспечения научного исследования.

* Мазур Людмила Николаевна (Екатеринбург) – доктор исторических наук, заведующий кафедрой документационного и информационного обеспечения управления Уральского государственного университета, lmaz@mail.ru.

** Тема поддержана грантом РГНФ 11-01-12044 «Историко-географический справочник «Населенные пункты Свердловской области».

Я.Н. Шапов подразделяет все используемые в исторической науке справочники на практические и исторические. Первые создаются для повседневных нужд общества и являются по своему характеру оперативными изданиями, содержащими различную информацию – географическую, адресно-справочную, библиографическую, биографическую и т.д. Они готовятся административными или статистическими органами и дают единовременный информационный срез, полезный историкам в их исследовательской практике. Второй вариант справочника составлен историками на основе собранной ими ретроспективной информации и представляет собой вторичный документ, предназначенный для быстрого поиска теоретической или фактографической исторической информации.

В зависимости от объема и характера представляемого материала, принципов его систематизации справочники подразделяются на следующие виды: энциклопедии и энциклопедические словари, тематические справочники, словари. Особенностью *энциклопедий* является то, что в ней представлен большой объем разнородной информации (фактов, понятий, имен и пр.) по одной или нескольким областям знания, систематизированный по алфавиту. Энциклопедии могут быть универсальными (например, Большая советская энциклопедия или Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона) и отраслевыми. Последние представлены, например, историческими энциклопедиями.

Справочник – это система, в которой дано структурированное описание однородных объектов, например, государственных учреждений, персоналий, библиографии, культурных явлений, памятников, поселений и пр. Справочник может иметь систематическую структуру или построен по алфавиту заглавий статей. В зависимости от географических рамок справочники могут быть центральными или региональными. Центральные охватывают объекты в границах государства, региональные – отдельных административно-территориальных образований. С учетом объекта описания исторические справочники подразделяются на подвиды: библиографические, биографические, хронологические, архивные, военные и политические, терминологические, географические и пр. *Словарь* – это разновидность справочника, в основе которого лежит упорядоченный перечень языковых единиц (слов, словосочетаний, фраз, терминов, имен, знаков), снабженных относящимися к ним справочными данными.

Историко-географические справочники занимают особое место среди справочных изданий и ориентированы на системное описание различных географических объектов – рек, гор, холмов и других природно-географических явлений, в том числе населенных пунктов. Они впервые появляются в XVIII в. и имеют сложившуюся традицию презентации фактографического материала с обязательным использованием карт в качестве иллюстраций.

Первым опытом такого рода можно считать энциклопедический словарь В.Н. Татищева «Российский исторический, географический и политический лексикон». В начале XIX в. появляется справочник А.М. Щекатова [3], который вышел под названием «Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком географически, топографически, политически все губернии, города и уезды, крепости, форпосты, редуты, слободы, сибирские остроги, ясашные зимовья, пограничные заставы, казачьи станицы, погосты, ямы, прежние и новые, иностранные поселения, достопамятные урочища» и представлял собой первое систематизированное описание основных географических поселенческих объектов Российской империи.

В конце XIX в. готовится **новый справочник, имеющий чрезвычайное значение для изучения истории России** этого периода. Речь идет о «Географическо-статистическом словаре Российской империи», составленном П.П. Семеновым-Тянь-Шанским [4]. Словарь разрабатывался по поручению Русского императорского географического общества и был издан в 5 томах в 1863–1885 гг. В словарь включены все населенные пункты России, имеющие население более 3000 жителей. Он содержит сведения о посадах, городах, монастырях, реках, народах и племенах, населявших Россию. Ценность представляет обширная библиография, которая дается к каждой статье.

Другой справочник, получивший широкую известность, был составлен сыном П.П. Семенова-Тянь-Шанского и опубликован в начале XX в. под названием **«Россия: Полное географическое описание нашего Отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей»**, 5-й том которого посвящен Уралу и Приуралью [5]. В справочнике был реализован комплексный подход к описанию регионов, в том числе приводится развернутая слабо-структурированная информация не только о природе, климате, природных ресурсах, почвах, но и о населении, экономике, истории заселения и освоения края, его культуре и этнографии.

Вслед за всероссийскими проектами на местах начинается создание региональных справочников. Формат словаря оказался особенно удобным для краеведческого движения. Наиболее заметными работами справочного характера, в которых нашла отражение информация о поселенческой сети Урала, стали статистико-географические словари Н.К. Чупина [6] и И.Я. Кривошекова [7]. Структура «Географического и статистического словаря Пермской губернии» построена по алфавитному принципу. Значительная часть статей посвящена сельским населенным пунктам: географическая и статистическая информации выступают как обязательные элементы описания поселений, в некоторых случаях в дополнение к ним приводится историческая справка, указываются время создания населенного пункта, внутреннее устройство, занятия населения.

Словарь Н.К. Чупина стал образцом для последующих справочных изданий, среди которых особое место занимают словари по Верхотурскому и Чердынскому уездам, подготовленные И.Я. Кривошековым. Принци-

пальное отличие его справочников состоит в том, что они имеют более четкую и формализованную структуру описания. Оно начинается с указания типа населенного пункта, характеристики географического положения и административной принадлежности, расстояния до волостного и уездного центра. При наличии информации приводятся краткая историческая справка, численность населения и его занятия. В заключительной части статьи обязательно указываются источники информации. В словаре представлены статьи не только о наиболее крупных и значимых населенных пунктах, но и о дворах, переселенческих участках, т.е. недавно возникших, небольших поселениях. Такой подход, ориентированный на сплошное описание поселенческой сети, позволил автору создать исключительно полную картину расселения, основанную на официальных данных и дополненную личными наблюдениями и архивными материалами. Учитывая полноту охвата географических объектов, отраженных в словаре, а также уровень систематизации и удостоверения информации, справочники, составленные И.Я. Кривошековым по Верхотурскому и Чердынскому уездам, можно рассматривать как уникальные издания, отличающиеся высоким уровнем полноты и достоверности информации.

В советский период наибольшее внимание к подготовке справочников отмечается в 1920-е гг., что было связано с расцветом краеведческого движения. В результате в этот период появляется несколько региональных энциклопедических изданий, систематизировавших историко-культурную, географическую, экономическую и прочую информацию о регионах: к их числу относятся Сибирская советская энциклопедия, Уральская советская энциклопедия, Энциклопедический словарь Центральной Черноземной области» [8]. В 1930–1940-е гг. подготовка подобных изданий была приостановлена и органами власти выпускались лишь оперативные справочники по административно-территориальному делению и то не всегда с соблюдением периодичности обновления.

Возрождение практики подготовки справочных историко-географических изданий относится к 1960-м гг., когда в различных регионах, в том числе в Свердловской области, начинаются работы по сбору и систематизации краеведческой информации.

В 1990-е гг. наблюдается заметный прорыв в области создания справочников и энциклопедий. Среди уральских изданий, прежде всего, необходимо отметить энциклопедии, подготовленные Институтом истории и археологии УрО РАН, – это Уральская историческая энциклопедия и энциклопедический словарь «Металлургические заводы Урала. XVII–XX вв.», выпущенный к 300-летию российской металлургии [9]. В указанных изданиях приведена информация по заводам, городским и отдельным сельским населенным пунктам. Тематика и характер энциклопедических изданий предопределили принципы отбора и презентации исторической информации. В частности, в Уральскую историческую энциклопедию вошли статьи, посвященные городам и наиболее значимым с исторической точки зрения сельским поселениям, что сужает возможность ее использования для изучения сельской поселенческой сети. Кроме того, ограниченность размеров энциклопедической статьи обусловили краткость и сжатость приведенной информации.

В 1990-е гг. широкое распространение получила практика подготовки «местных» энциклопедий, посвященных отдельным городам, административным районам. Так, например, в 1993 г. в г. Каменск-Уральском выходит энциклопедия Каменского района, составленная краеведом А.Ф. Коровиным [10]. В справочнике приведены сведения по всем деревням и селам района, упорядоченным в алфавитном порядке. Справочник основан на архивных материалах, которые в течение 45 лет изучал автор, а также на личных наблюдениях. Однако научно-справочный аппарат в издании отсутствует. Подобные описания сельских поселений были составлены по Тавдинскому, Артемовскому районам, окрестностям г. Первоуральска [11]. Появляются справочные издания и по другим областям Урала [12].

Одной из последних работ, изданных в жанре краеведческих энциклопедий, по материалам Свердловской области стала Иллюстрированная краеведческая энциклопедия Н.А. Рундквиста, О.В. Задориной «Свердловская область», в которой представлено около 6000 статей по населенным пунктам (с населением свыше 2000 чел.), географическим объектам (рекам, озерам, болотам, горам и пр.) и природным памятникам. Энциклопедия иллюстрирована картами и фотографиями и представляет несомненный интерес, однако уровень описания поселений в ней не соответствует требованиям полноты и комплексности и охватывает в основном информацию об административной принадлежности и географической привязке современных поселений [13].

Аналогичный подход реализован в энциклопедическом словаре «Населенные пункты Брянского края», подготовленном О.Р. Вязьмитиным [14]. Словарный список поселений с информацией о преимущественно административном положении поселений дополнен отдельной таблицей с показателями динамики численности населения в конце XIX – XX вв., однако без указания источников информации, не говоря об их оценке. К сожалению, подобный пример презентации сведений о поселенческой сети пока продолжает преобладать, отражая существующие недостатки краеведческого подхода, характерного для историков-непрофессионалов. В результате страдают полнота и качество приведенной информации, поскольку ее удостоверение практически невозможно, что ограничивает возможность использования энциклопедии.

С точки зрения методики создания историко-географических справочников наибольший интерес представляет историко-демографический справочник «Населенные пункты Республики Коми», опубликованный при поддержке фонда РГНФ И.Л. Жеребцовым в 2001 г. [15]. Справочник построен по алфавитному принципу и охватывает все существующие на территории республики населенные пункты, а также те, которые исчезли в XX в. Описание содержит административные, географические аспекты расположения, а также демографическую характеристику поселения на протяжении XX в. Фундаментальность изданию придает список литературы и источников, привлеченных к созданию справочных материалов.

Рост числа публикаций справочного характера, с одной стороны, отражает имеющийся в обществе интерес к истории и природе регионов, в том числе Среднего Урала, а с другой – выступает как определенный итог исследовательской работы. Вместе с тем анализ структуры и содержания краеведческих справочников позволяет сделать вывод о необходимости серьезных методологических разработок в этом направлении. Составление справочников и энциклопедий должно осуществляться с соблюдением определенных базовых принципов, обеспечивающих достоверность и полноту информации. Кроме того, любой справочник ориентирован на удовлетворение потребностей в информации, и, соответственно, должен обеспечивать возможности поиска, в том числе включать не только алфавитно-предметные указатели, но и развернутый научно-справочный аппарат и т. д.

Источники и литература

1. См., подробнее: Мазур Л.Н. Труды краеведов как источник по истории сельского расселения на Урале // Запад, Восток и Россия: проблема исторического и историографического источника. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2005. Вып. 7. С. 53–68; Она же. Сельское расселение на Урале в 1930–1980-е гг. в зеркале статистики: источниковедческое исследование // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. Вып. 4. С. 277–299; Она же. Сельское расселение на Урале: особенности учета и регистрации поселенческой сети в документах 1930–1980-х гг. // Известия Уральского университета. Сер. Гуманитарные науки. Вып. 7. 2004. № 31. С. 116–132.
2. Шапов Я.Н. Справочный инструмент историка России. М., 2007.
3. Щекатов А.М. Словарь географический Российского государства. М., 1801–1809. Т. 1–7.
4. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1863–1885. Т. 1–5.
5. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1914. Т. V: Урал и Приуралье.
6. Чупин Н.К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь, 1876. Т. 1; Чупин Н.К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь, 1878. Т. 2; Чупин Н.К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь, 1886. Т. 6.
7. Кривошеков И.Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии с общим историко-географическим очерком и приложением карты уезда в границах по административному делению России в 1734 г. Пермь, 1910; Кривошеков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии с приложениями карты бассейна реки Камы и иллюстрациями. Пермь, 1914.
8. Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929–1932. Т. 1–3; Уральская советская энциклопедия. Свердловск, 1933. Т. 1; Энциклопедический словарь Центральной Черноземной области. Воронеж, 1934. Т. 1.
9. Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд. Екатеринбург, 2000; Металлургические заводы Урала. XVII–XX вв. Энциклопедия. Екатеринбург, 2001.
10. Коровин А.Ф. Энциклопедия Каменского района. (Словарь-справочник по истории сел и деревень). Каменск-Уральский, 1993.
11. Ермолаев В. Тавдинское местописание. Екатеринбург, 1999; Дунаев Ю. Топонимы окрестностей Первоуральска, Первоуральск, 1992; Брылин А. И. Коверда П.Т. Артемовский краеведческий словарь. Артемовский, 1998.
12. Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкирской АССР. Уфа, 1990; Гаев И.М. и др. Шадринские села. Шадринск, 1997; Златоустовская энциклопедия. Т. 1–2. Златоуст, 1994–1997; Коровин А.Ф. Энциклопедия Каменского района (Словарь-справочник по истории сел и деревень). Каменск-Уральский, 1993.
13. См.: Рундквист Н.А., Задорина О.В. Свердловская область. Иллюстрированная краеведческая энциклопедия. Екатеринбург, 2009.
14. Населенные пункты Брянского края. Энциклопедический словарь / Сост. О.Р. Вязьмитин. Брянск, 2010.
15. Жеребцов И.Л. Населенные пункты Республики Коми. Историко-демографический справочник М., 2001.

«Этнодемографические процессы на Севере Евразии». Содержание сборников статей за 2004–2007 гг.

В 2004 г. Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН начал выпуск серии сборников трудов, посвященных этническому, демографическому, этнолингвистическому, этнокультурному и этнополитическому процессам, происходившим в различные исторические эпохи на Крайнем Севере Евразии.

Основное внимание уделялось историко-демографической и этнодемографической проблематике, поскольку общеизвестно, что изучение этих процессов играет существенную роль для исследования всех аспектов истории каждого народа, каждой страны, поскольку движение и состав населения оказывают огромное воздействие на экономическое, социальное, политическое и культурное развитие. В историографии неоднократно отмечалось, что чрезвычайно важным является, в частности, выявление общности и своеобразия историко-демографического развития различных российских регионов, в особенности национальных, истории их заселения и хозяйственного освоения. Среди малоизученных и требующих внимания проблем историко-демографических исследований стоит назвать изучение динамики общей численности населения за длительные промежутки времени по современным административно-территориальным единицам; к числу важнейших вопросов относятся взаимосвязи демографических, социальных и этнических процессов. Исследования миграций населения, его численности, состава, расселения и освоения территории, влияния экономических, природных и социальных факторов на демографические процессы, подготовка обобщающих работ по этим проблемам по-прежнему являются актуальными задачами региональной истории, но, к сожалению, количество историко-демографических исследований локального характера остается недостаточным.

Как отмечал в предисловии к первому сборнику директор ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, председатель Коми отделения Российского комитета историков-финно-угроведов А.Ф. Сметанин (1949–2010), чрезвычайно много сделавший для реализации идеи издания серии таких трудов, «научным коллективом ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН накоплен достаточный опыт для выполнения дальнейших изысканий по проблемам историко- и этнодемографического и этнокультурного развития Крайнего Севера Евразии. Как представляется, институт имеет возможность выступить в роли своего рода координатора или даже центра этнодемографических исследований на Европейском Севере России и в Приуралье». Время показало, что А.Ф. Сметанин был прав: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН в течение восьми последующих лет провел семь научных конференций и симпозиумов по исторической демографии, выпустил 10 сборников научных статей и серию монографий, посвященных этнодемографическому процессам, а с 2008 г. начал выпуск журнала «Историческая демография».

В этом номере журнала публикуется перечень работ, изданных в сборниках, посвященных этнодемографическим процессам на Севере Евразии. Отметим, что «пилотный» сборник вышел под несколько иным названием («Этнодемографические и этнокультурные процессы на Крайнем Севере Евразии»), еще один из самых первых сборников был издан вне серии под названием «Север Евразии: этносоциокультурные и социально-экономические процессы». В следующем номере журнала будет опубликовано содержание двух научных сборников «Историческая демография», изданных в 2007 г., и журнала «Историческая демография» за 2008–2011 гг. Количество статей, разнообразие тематики и впечатляющая география авторов (среди которых историки, демографы, археологи, этнографы, лингвисты, социологи, представители других специальностей) убедительно свидетельствуют как о значительном интересе исследователей из разных стран и регионов России к историко-демографической проблематике, так и о том, что Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН сделал серьезную заявку на роль одного из координаторов историко-демографических исследований в России.

*И.Л. Жеребцов, директор ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН,
главный редактор журнала «Историческая демография»*

Этнодемографические и этнокультурные процессы на Крайнем Севере Евразии. Сборник научных трудов. Сыктывкар, 2004. Вып. 1. 232 с.

Сметанин А.Ф. Введение. С. 3–4.

Жеребцов И.Л. (Сыктывкар). К вопросу о роли климатического фактора в истории финно-угорских народов. С. 5–43.

Волокитин А.В. (Сыктывкар). Древние поселения Северного Приуралья. С. 44–51.

Селезнева О.М., Васкул И.О. (Сыктывкар). Новые данные об этнокультурных связях населения Европейского Северо-Востока и Зауралья в эпоху железа. С. 52–57.

Королев К.С. (Сыктывкар). Климатический фактор в этногенезе коми-зырян (по археологическим материалам средней Вычегды). С. 58–62.

Кленов М.В. (Сыктывкар). Европейский Северо-Восток в XI–XIV веках (к вопросу о системе расселения). С. 63–76.

Мацук М.А. (Сыктывкар). Миграции населения Коми края в XVII веке: причины явления (теория и историография). С. 77–84.

Семенова Д.В. (Сыктывкар). Брачное поведение коми крестьян во второй половине XIX века. С. 85–90.

Хайдунов М.В. (Сыктывкар). Численность и структура духовного сословия в Коми крае в пореформенный период (конец 1860-х – 1890-е гг.). С. 91–102.

Батырбаева Ш.Д. (Бишкек, Киргизия). К вопросу о достоверности материалов переписи населения 1926 года. С. 103–110.

Безносова Н.П. (Сыктывкар). Естественное движение населения Республики Коми в 1926–1940-х годах. С. 111–125.

Якоб В.В. (Сыктывкар). Численность и социальная структура крестьянства Коми области в 1930-е гг. С. 126–135.

Игнатова Н.М. (Сыктывкар). Численность спецпереселенцев в Коми АССР в 1930–1950-е годы. С. 136–156.

Шабаетов Ю.П. (Сыктывкар). Новые явления в этнодемографических, этнокультурных и этнополитических процессах на Европейском Севере России. С. 157–179.

Цыпанов Е.А. (Сыктывкар). Языковые данные как материал для изучения миграционных процессов. С. 180–188.

Мусанов А.Г. (Сыктывкар). Топонимия и исторические исследования в Республике Коми. Краткий очерк. С. 189–198.

Игнатов М.Д. (Сыктывкар). Собственное имя «ЗОЛОТОЙ БАБЫ» и этимология гидронима «ОБЬ». С. 199–219.

Уляшев О.И. (Сыктывкар). Предания о возникновении некоторых поселений на территории Коми края. С. 220–230.

Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сборник научных трудов. Сыктывкар, 2005. Вып. 2. 172 с. (Материалы к Всероссийской научной конференции по исторической демографии «Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)» (Сыктывкар, 28–30 сентября 2005 г.)).

Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. (Сыктывкар). Влияние миграций русского крестьянства на формирование населения Коми края (конец XV – XVI в.). С. 3–13.

Прокопенко С.А. (Ульяновск). Обычная и катастрофическая смертность в Западной Европе в XVI–XVII веках. С. 14–25.

Мацук М.А. (Сыктывкар). Государственная политика как фактор демографических изменений на Европейском Севере и в Приуралье (XVII в.). С. 26–34.

Гришкина М.В. (Ижевск). Материалы ландратской переписи 1716–1717 годов как источник по истории Удмуртии первой четверти XVIII века. С. 35–46.

Васина Т.А. (Ижевск). Демографические процессы в Ижевском заводе в исследовании И.И. Андржеевского. С. 47–50.

Аргудяева Ю.В. (Владивосток). Этнодемографическая история восточнославянского сельского населения на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX века). С. 51–60.

Коротаев В.И. (Архангельск). Принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 1930-е годы. С. 61–70.

Безнослова Н.П. (Сыктывкар). Естественное движение населения Коми АССР в 1945–1959 годах. С. 71–97.

Мотревич В.П. (Екатеринбург). Сельскохозяйственное переселение на Урал в 1940-е – 1950-е годы. С. 98–104.

- Мельникова Н.В.** (Екатеринбург). Закрытые города Урала: своеобразие социально-демографических процессов (конец 1940-х – 1960-е годы). С. 105–113.
- Литвинцев Е.Ю.** (Екатеринбург). Динамика численности населения Свердловской области в 1980-е годы и ее факторы. С. 114–118.
- Петрякова О.Л.** (Москва). Некоторые аспекты истории формирования населения на Европейском Севере Российской Федерации. С. 119–125.
- Дементьев Б.П.** (Пермь). Современная демографическая ситуация и перспективы ее развития. С. 126–130.
- Витязев А.К.** (Ухта). Об управлении рождаемостью в Республике Коми. С. 131–137.
- Ушакова В.Л.** (Владивосток). Миграционные процессы северных районов Дальневосточного федерального округа в условиях современных социально-экономических реформ. С. 138–143.
- Шабаетов Ю.П.** (Сыктывкар). Перепись-2002 как индикатор социальных и этнокультурных перемен в коми и «финно-угорских» регионах России. С. 144–171.

Север Евразии: этносоциокультурные и социально-экономические процессы. Сборник научных трудов. Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005. 156 с. (Материалы к Всероссийской научной конференции по исторической демографии «Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)», Сыктывкар, 28–30 сентября 2005 г.).

Север Евразии: территория и этносы

- Васкул И.О.** (Сыктывкар). Европейский Северо-Восток в I тысячелетии н.э. С. 3–23.
- Королев К.С.** (Сыктывкар). Восточная «порубежная» территория перми вычегодской. С. 24–30.
- Каксин А.Д.** (Ханты-Мансийск). Исторический и социолингвистический аспекты в этнодемографических исследованиях (на примере одного из районов Ханты-Мансийского автономного округа). С. 31–38.
- Игнатов М.Д.** (Сыктывкар). Об этимологиях коми теонима *войтель* и этнонима *коми*. С. 39–71.
- Мусанов А.Г.** (Сыктывкар). Обско-угорская топонимия на территории Коми (к вопросу о расселении обских угров). С. 72–80.
- Цыпанов Е.А.** (Сыктывкар). Об исконных «южных» словах в коми языке. С. 81–87.

Социально-экономические проблемы Евразийского Севера

- Хан Н.А.** (Москва). О размере контрибуций в Восточной Европе в XIV веке. С. 88–98.
- Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н.** (Сыктывкар). Влияние развития заводской промышленности на миграционные процессы в Коми крае (XVII – начало XX века). С. 99–104.
- Лигенко Н.П.** (Ижевск). Источники по истории купечества Вятско-Камского региона. Вторая половина XIX – начало XX века. С. 105–110.
- Смыкалин А.С.** (Ижевск). Численность населения ГУЛАГа в 1930-е годы. С. 111–114.
- Фаузер В.В.** (Сыктывкар). Факторы хозяйственного освоения северных территорий. С. 115–128.

Этносоциокультурные процессы на Севере Евразии

- Шорилов В.В.** (Тверь). Образование на Крайнем Севере: культурно-демографический аспект. С. 129–137.

Публикации документов

- Население Лузской Пермцы в 1647 году. (Фрагмент переписной книги Сольвычегодского уезда 1647 года). (Публикация *И.Л. Жеребцова*). С. 138–153.

Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сборник научных трудов. Вып. 3, ч. 1. М.; Сыктывкар, 2005. 212 с. (Материалы Всероссийской научной конференции по исторической демографии «Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)», Сыктывкар, 28–30 сентября 2005 г.).

- От редколлегии (публикация *А.Ф. Сметанина*). С. 3–6.

- Приветственное слово* Главы Республики Коми В.А. Торлопова участникам Всероссийской конференции по исторической демографии «Этнодемографические процессы на Севере Евразии». С. 7–8.

Приветствие Государственного Совета Республики Коми участникам Всероссийской конференции по исторической демографии. С. 9–10.

Проблемы методологии, методики, историографии и источниковедения демографических исследований

Прокопенко С.А. (Ульяновск). Современные подходы в изучении демографических моделей «Малой Европы» Раннего Нового времени. С. 11–20.

Ковальская С.И. (Астана, Казахстан). Англо-американская историография о социально-демографической составляющей процесса модернизации. С. 21–30.

Макаренко М.Ю. (Краснодар). Влияние кризисных факторов на формирование российских особенностей смены модели воспроизводства. С. 31–36.

Бондаренко О.Е. (Сыктывкар). Население Коми края по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 года: историография вопроса. С. 37–44.

Трифопова Е.К., Федина М.С. (Сыктывкар). Этнодемографическая ситуация в Коми крае в работах В.И. Лыткина середины 1920-х годов. С. 45–53.

Малкова Т.А. (Сыктывкар). Колонизационные экспедиции на территории Коми края (1900–1930-е годы). С. 54–61.

Пригарин А.А. (Одесса, Украина). Социально-демографические характеристики русских переселенцев на Дунай первой трети XIX века: эвристический потенциал формулярных источников. С. 62–80.

Берестова Е.М. (Ижевск). Половозрастная структура населения Удмуртии по материалам ландратской переписи 1716 года. С. 81–84.

Дерябин В.С. (Кудымкар). Ревизская сказка Кудымкарской волости 1850 года как источник для изучения демографического развития Пермского края в середине XIX века. С. 85–86.

Вечтомова Ю.Е. (Киров). Вопросы народонаселения в «Трудах Вятской ученой архивной комиссии». С. 87–96.

Черкасова М.С. (Вологда). Источники по исторической демографии городов Вологодского наместничества конца XVIII века. С. 97–105.

Черепова А.А., Ермаков С.П., Максаков В.В., Черковец М.В., Лобанова В.Н. (Москва). Опыт конкретных исследований медико-демографических процессов на уровне региона. С. 106–111.

Черковец М.В., Лобанова В.Н. (Москва). Опыт изучения региональных различий демографической ситуации в зависимости от социально-экономических факторов. С. 112–114.

Ермаков С.П. (Москва). Когортный анализ смертности населения России. С. 115–120.

Лимборская С.А. (Москва). Изучение геномных маркеров в популяциях современных жителей Северной Евразии для анализа особенностей их этнической истории. С. 121–139.

Хрунин А.В., Вербенко Д.А. (Москва). Сравнительный анализ геномных маркеров у ижемских и прилузских коми. С. 140–148.

Публикации документов

Вокуева Т.Д. (Москва). Книга переписная государственных черносошных крестьян и канцелярских служащих Ижемской и Усть-Целемской слободок Пустозерского уезда Архангельской губернии 1719–1724 годов. С. 149–160.

Научное наследие

Савельева Э.А. (Сыктывкар). Любомир Николаевич Жеребцов. С. 161–165.

Жеребцов Л.Н. Формирование этнической территории Коми. (Публикация И.Л. Жеребцова). С. 166–168.

Жеребцов Л.Н. Этнографические группы коми (зырян). (Публикация И.Л. Жеребцова). С. 168–170.

Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения народов (тезисы доклада). (Публикация И.Л. Жеребцова). С. 171–172.

Жеребцов Л.Н. Этнографическое районирование коми. (Публикация И.Л. Жеребцова). С. 173–174.

Жеребцов Л.Н. Коми в Западной Сибири. (Публикация И.Л. Жеребцова). С. 174–180.

Жеребцов Л.Н. Современное коми население Западной Сибири. (Публикация И.Л. Жеребцова). С. 181–185.

Жеребцов Л.Н. Отзыв на автореферат диссертации Л.С. Христоролюбовой, представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук. (Публикация И.Л. Жеребцова). С. 185–186.

Жеребцов Л.Н., Гагарин Ю.В., Политов В.В. Отзыв на автореферат диссертации П.А. Колесникова «Крестьянство и сельское хозяйство Европейского Севера России в XVI–XVIII вв. (К вопросу об эволюции аграрных отношений в русском государстве)». (Публикация И.Л. Жеребцова). С. 186–188.

Жеребцов Л.Н. Отзыв на рукопись статьи П.А. Колесникова «Историко-этнографические сведения о северной деревне в подворных переписях XVIII в.». (Публикация И.Л. Жеребцова). С. 189.

Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сборник научных трудов. Вып. 3, ч. 2. М.; Сыктывкар, 2005. 196 с. (Материалы Всероссийской научной конференции по исторической демографии «Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)», Сыктывкар, 28–30 сентября 2005 г.).

Этническое и социально-демографическое развитие Севера России в XI – начале XX века

Савельева Э.А. (Сыктывкар). Истоки народа коми. С. 3–32.

Кленов М.В. (Сыктывкар). Пермь вычегодская. К проблеме формирования населения Коми края в эпоху средневековья. С. 33–42.

Коробейников А.В. (Ижевск). Идеи к созданию процессуальной демографической модели городища (водоснабжение и водоотведение). С. 43–60.

Аверьянов К.А. (Москва). Печорский край в XIV веке. С. 61–65.

Рожкин Е.Н. (Сыктывкар). Этнодемографические процессы и административные границы на Европейском Севере России. С. 66–81.

Смирнов Ю.М. (Муром). «Русский» Муром: Очерк этнодемографических контактов за тысячу лет. С. 82–95.

Бурцев И.Г. (Тула). Миграционные процессы на Куликовом поле в XII–XVII веках. С. 96–106.

Пугач И.В. (Вологда). Русский феодальный город: социально-демографическая характеристика Устюжны Железопольской XVI–XVII веков. С. 107–116.

Черненко Д.А. (Вологда). Структура сельского расселения в Центральной России в XVII–XVIII веках и проблема демографического оптимума (на примере Суздальского уезда). С. 117–126.

Самигулов Г.Х. (Челябинск). Некоторые аспекты формирования русского населения Зауралья XVII–XVIII веков (попытка комплексного подхода на примере населения Челябинской крепости). С. 127–140.

Пинаевский Д.И. (Сыктывкар). Население Важского края в конце XVIII – начале XX века. С. 141–153.

Пинаевский Д.И. (Сыктывкар). Демографические аспекты развития Европейского Севера России в середине XIX – начале XX века. С. 154–164.

Аргудяева Ю.В. (Владивосток). Демографическая ситуация и демографическое поведение старообрядцев Дальнего Востока. С. 165–173.

Никифорова О.А. (Чебоксары). Воздействие миссионерских школ на демографическое поведение чувашей в традиционном обществе во второй половине XIX века. С. 174–182.

Козлова В.Ю. (Пермь). Этническая, конфессиональная и социальная характеристика населения городов Пермского Прикамья на рубеже XIX–XX веков. С. 183–200.

Обедков А.П. (Сыктывкар). Образование городов как фактор русской колонизации евразийского Севера в до-революционный период. С. 201–212.

Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сборник научных трудов. Вып. 3, ч. 3. М.; Сыктывкар, 2005. 200 с. (Материалы Всероссийской научной конференции по исторической демографии «Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)», Сыктывкар, 28–30 сентября 2005 г.).

Этнодемографические процессы в XX веке

Сенявский А.С. (Москва). Урбанизация и этнодемографические процессы в России в XX веке. С. 3–30.

Пивнева Е.А. (Москва). Проблема вымирания коренных народов Севера: мифы и реальность. С. 31–39.

Мартынова Е.П. (Тула). Этнодемографические процессы в Северном Приобье в XX веке. С. 40–46.

Тормосова Н.И., Тормосов Д.В. (Каргополь). Численность и социальный состав сельского населения Каргополя в конце XIX – начале XX вв. и в конце XX – начале XXI вв.: сравнительный анализ. С. 47–59.

Кушнарченко С.М. (Омск). Этнодемографические и этнотерриториальные процессы у украинского населения Омского Прииртышья в XX – начале XXI века. С. 60–67.

Чупров В.И. (Сыктывкар). Крестьянская семья Усть-Цилемской волости Печорского уезда в начале XX века. С. 68–73.

Макаренко М.Ю. (Краснодар). Развитие первого этапа демографического перехода в Кубано-Черноморском регионе. С. 74–85.

Филимончик С.Н. (Петрозаводск). Демографическая характеристика городского населения Карелии в годы НЭПа. С. 86–93.

- Игнатова Н.М.** (Сыктывкар). Ссылные и ссыльнопоселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е годы. С. 94–103.
- Турубанов А.Н.** (Сыктывкар). Количественные изменения в составе работников подневольного труда в Коми в 20–50-е годы XX века. С. 104–117.
- Безносова Н.П.** (Сыктывкар). Естественное движение населения Коми АССР в 1930-е – середине 1950-х годов. С. 118–124.
- Боле Е.Н.** (Сыктывкар). Массовые мобилизации граждан в ряды вооруженных сил и социально-демографические процессы в период Великой Отечественной войны: брачно-семейный аспект проблемы. С. 125–136.
- Коньшин А.Е.** (Кудымкар). Деформация структуры уральской сельской семьи в годы Великой Отечественной войны. С. 137–141.
- Савельев А.С.** (Кудымкар). Демографические процессы в Коми-Пермяцком автономном округе и Пермской области в 60–80-е годы XX века. С. 142–158.
- Ракачев В.Н.** (Краснодар). Особенности демографического поведения народов Кубани в 1950–1980-е годы. С. 159–167.
- Обедков А.П.** (Сыктывкар). Особенности расселения и сдвиги в размещении городского и сельского населения Республики Коми в XX веке. С. 168–179.
- Попова Л.А.** (Сыктывкар). Развитие ассимиляционных процессов в Республике Коми в разные периоды XX века. С. 180–189.
- Корнилов Г.Г.** (Екатеринбург). Население Ямало-Ненецкого автономного округа во второй половине XX века. С. 190–197.

Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сборник научных трудов. Вып. 3, ч. 4. М.; Сыктывкар, 2006. 208 с. (Материалы Всероссийской научной конференции по исторической демографии «Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)», Сыктывкар, 28–30 сентября 2005 г.).

Приветствие Научного Совета РАН по исторической демографии и исторической географии. С. 3.

Приветствие Института российской истории РАН. С. 3.

- Игнатов А.А.** (Владивосток). Типология российских регионов по преобладающим в них этнодемографическим процессам с конца 1930-х годов. (Попытка реализации подхода «сверху»). С. 4–17.
- Фаузер В.В.** (Сыктывкар). Финно-угорские народы: история демографического развития. С. 18–30.
- Низамов А.Г.** (Уфа). Численность и расселение марийского населения в Республике Башкортостан. С. 31–37.
- Репневский А.В.** (Архангельск). Россия и Архангельский Север в зеркале переписи 2002 года. С. 38–48.
- Сурина М.В.** (Нижний Тагил). Современные проблемы этнокультурного развития Уральского региона глазами демографа (по материалам переписей населения). С. 49–59.
- Чагин Г.Н.** (Пермь). Этносы Пермского края во Всероссийской переписи населения 2002 года. С. 60–67.
- Сквозников В.Я.** (Сыктывкар). Этнодемографические процессы в Республике Коми. С. 68–86.
- Шахтин В.И.** (Инта). Этнодемографическая ситуация и перспективы ее развития в городах Крайнего Севера Республики Коми. С. 87–90.
- Рудольф А.А.** (Вильгорт). Проблемы управления демографическими процессами в условиях муниципального образования (на примере Сыктывдинского района Республики Коми). С. 91–99.
- Попова Л.А.** (Сыктывкар). Влияние этнической структуры населения Республики Коми на современные модели демографического поведения. С. 100–111.
- Фаузер Г.Н., Загайнова Г.В.** (Сыктывкар). Особенности сельского расселения населения Республики Коми. С. 112–123.
- Муртазина И.Б.** (Сыктывкар). Старшее поколение как фактор демографического развития. С. 124–126.
- Габов П.В.** (Сыктывкар). Динамика межнациональных отношений в Республике Коми в условиях этнодемографического развития. С. 127–131.
- Семенов В.А.** (Сыктывкар). Межэтнические отношения в Республике Коми по материалам родословных студентов Сыктывкарского государственного университета и Коми государственного педагогического института. С. 132–134.
- Клепиков Н.В., Фаузер В.В.** (Сыктывкар). Социально-демографический портрет работников городского рынка. С. 135–145.
- Новиков Ю.С., Новиков М.Ю.** (Сыктывкар). Демография и менеджмент: современная ситуация и проблемы. С. 146–149.
- Селезнева И.В.** (Сыктывкар). Женская безработица в Республике Коми. С. 150–153.

- Фаузер В.В.** (Сыктывкар), **Климочкина Н.И.** (Ухта). Социально-демографический портрет работников нефтегазового сектора Республики Коми. С. 154–164.
- Напалков А.Д.** (Сыктывкар). Представительство коренных (титულных) этносов в институтах государственной власти в конце 30-х годов XX века и в начале XXI века (на примере Республики Коми). С. 165–173.
- Габов П.В.** (Сыктывкар). Влияние этнодемографических процессов на развитие национальной школы. С. 174–176.
- Борозинец Г.Л., Витязев А.К.** (Ухта). О половой дифференциации, человеческой любви и продолжении рода. С. 177–190.
- Витязев А.К.** (Ухта). Социальные и психологические аспекты аутоидентификации человека. С. 191–205.

Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сборник научных трудов. Вып. 4, ч. 1. М.; Сыктывкар, 2006. 180 с. (Материалы Всероссийского научного симпозиума по исторической демографии «Этнодемографические и этнокультурные процессы на Севере Евразии в прошлом и настоящем: источники изучения и методика их анализа», Сыктывкар, 15–16 июня 2006 г.).

- Аверьянов К.А.** (Москва). Демография и археология. С. 3–11.
- Савельева Э.А.** (Сыктывкар). Формирование этнической территории древних коми-зырян. С. 12–28.
- Хан Н.А.** (Москва). Организация пространства в эпоху средневековья: вопросы исторической географии и на-логообложения. С. 29–35.
- Багин А.Л.** (Сыктывкар). Средневековые святилища Припечорья и Большеземельской тундры. Динамика развития традиции. С. 36–45.
- Королев К.С.** (Сыктывкар). Предки коми в Зауралье (по археологическим данным). С. 46–51.
- Кленов М.В.** (Сыктывкар). Формирование населения долины р. Вымь в XI–XIV вв. К демографической истории Северо-Востока Европы в эпоху средневековья. С. 52–67.
- Смирнов Ю.М.** (Муром). Муром IX–XIII веков как средневековый город. С. 68–80.
- Желтов А.А.** (Вологда). Культурологическая реконструкция этнической истории центрального района Русского Севера. С. 81–91.
- Пивнева Е.А.** (Сыктывкар). Источники по исторической демографии обских угров: состав, информативные возможности и недостатки. С. 92–98.
- Черкасова М.С.** (Вологда). Новые источники по исторической демографии севернорусских уездов XVII в. С. 99–104.
- Самигулов Г.Х.** (Челябинск). К проблеме изучения истории населения южноуральского города XVIII – начала XIX века. С. 105–111.
- Обедков А.П.** (Сыктывкар). Возраст и генетическая типология городов Севера России. С. 112–127.
- Аргудяева Ю.В.** (Владивосток). Этнодемографическая история сельских семей Приморья (по материалам метрических и домовых книг). С. 128–134.
- Кудрявцева С.О.** (Владивосток). Источники по изучению семьи русских крестьян в низовьях р. Амур (вторая половина XIX – начало XX века). С. 135–140.
- Васина Т.А.** (Ижевск). Типология семьи мастеровых и непременных работников Камско-Воткинского завода по материалам 8-й ревизии 1834 г. С. 141–146.
- Жеребцов И.Л.** (Сыктывкар). Население и населенные пункты Нижней Печоры в 1877 году. С. 147–151.
- Хайдунов М.В.** (Сыктывкар). Духовное сословие в Коми крае в XIX в.: численность, структура, социальная мобильность. С. 152–177.

Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сборник научных трудов. Вып. 4, ч. 2. М.; Сыктывкар, 2006. 200 с. Материалы Всероссийского научного симпозиума по исторической демографии «Этнодемографические и этнокультурные процессы на Севере Евразии в прошлом и настоящем: источники изучения и методика их анализа», Сыктывкар, 15–16 июня 2006 г.).

- Саблин В.А.** (Вологда). Крестьянская семья на Европейском Севере России в 1917–1920-е гг. (по материалам динамических обследований и бюджетных описаний). С. 3–14.
- Якоб В.В.** (Сыктывкар). Крестьянский двор в 1920-е гг.: численность, население, хозяйственная деятельность. С. 15–29.

- Волжанина Е.А.** (Тюмень). Динамика численности сибирских ненцев в статистических источниках XX в. С. 30–36.
- Алексеева Л.В.** (Нижевартонск). Крестьянская ссылка и население края в 1930-х гг. (на материалах Обь-Иртышского Севера). С. 37–45.
- Мотревич В.П.** (Екатеринбург). Репрессии против поляков и польских граждан на Среднем Урале в 1930–1940-е гг. (состояние источниковой базы). С. 46–48.
- Турубанов А.Н.** (Сыктывкар). Кадровые проблемы предприятий и организаций топливного комплекса Коми АССР в 30-е годы XX века. С. 49–56.
- Игнатова Н.М.** (Сыктывкар). Численность спецпереселенцев-немцев в Республике Коми в 1930–1950-е годы. С. 57–68.
- Пажит Ю.Ю.** (Екатеринбург). Заболеваемость и смертность заключенных ИТЛ Свердловской области в годы Великой Отечественной войны: историко-демографический аспект. С. 69–79.
- Обедков А.П.** (Сыктывкар). Старые города Российского Севера и их эволюция в советское и постсоветское время. С. 79–95.
- Рыбаковский Л.Л.** (Москва), **Успенская Т.Н.** (Ханты-Мансийск). Российский Север и его демографические проблемы. С. 96–103.
- Игнатов А.А., Водовскова Н.А.** (Владивосток). Этнический состав взрослого населения северо-западных «национальных» регионов РФ и социо-культурные установки на состояние в браке по данным переписи 2002 г. С. 104–111.
- Разумова И.А.** (Апатиты). «Миграционный текст» постсоветской России (на материале северо-западного региона). С. 112–134.
- Змеева О.В.** (Мурманск). Кавказцы на Кольском Севере: к проблеме трансформации этнической идентичности. С. 135–140.
- Устинова И.В.** (Апатиты). Социо-демографический анализ процессов рождаемости и смертности населения Мурманской области. С. 141–151.
- Успенская Т.Н.** (Ханты-Мансийск). Особенности миграционного поведения населения Ханты-Мансийского автономного округа. С. 152–164.
- Чагин Г.Н.** (Пермь). Этносоциальная идентичность русских Пермского края в начале XXI века (по материалам социологического опроса). С. 165–173.
- Фаузер В.В., Клепиков Н.В., Фаузер Г.Н.** (Сыктывкар). Городские потребители северных городов: социально-демографический портрет. С. 174–192.
- Муртазина И.Б., Фаузер В.В.** (Сыктывкар). Уровень образования пенсионеров и программы их обучения. С. 193–198.
- Такижбаева Н. З.** (Астана, Казахстан). Опубликованные и неопубликованные статистические данные: теория и практика. С. 199–212.
- Столярова Г.Р.** (Казань). Материалы Архивов ЗАГС как источник по изучению процессов брачности и разводимости. С. 213–218.
- Митюков Н.В., Коробейников А.В.** (Ижевск). Демографический фактор и количество воинских контингентов. С. 219–229.
- Такижбаева Н.З.** (Астана, Казахстан). Источники изучения социальной структуры населения как историко-демографическая проблема. С. 230–240.
- Рожкин Е.Н.** (Сыктывкар). Основные тенденции и этнические особенности воспроизводства населения Республики Коми во второй половине XX в. С. 241–244.
- Прокопьев А.Н.** (Сыктывкар). Расселение чувашского населения на Европейском Севере. С. 245–252.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография»

Журнал публикует научные статьи объемом до 0,4 п.л. (до 16 000 знаков, включая пробелы) по следующим проблемам: история и современное состояние историко-демографических исследований; источники для проведения историко-демографических исследований и методика их анализа; этнодемографические процессы в древности и средневековье; общее и особенное в историко-демографическом развитии стран и регионов в новое и новейшее время; современная этнодемографическая ситуация и перспективы ее развития; историческая география. К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, комментарии к ранее опубликованным работам, хроника научной жизни. В разделе «Научное наследие» планируется публиковать не издававшиеся ранее труды ушедших из жизни ученых.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования с учетом новизны, научной значимости и актуальности представленных материалов. Статьи, отклоненные редколлегией, повторно не рассматриваются. Авторы несут ответственность за научное содержание, достоверность и оригинальность приводимых данных.

Требования, предъявляемые к оформлению текстов для публикации:

1. Материал предоставляется в электронном виде в текстовом редакторе *Microsoft Word*. Имя файла составляет фамилия первого автора, например: *Ivanov.doc*. Формат А4. Поля по 2 см; шрифт – *Times New Roman*; размер кегля – 10 пунктов; межстрочный интервал – одинарный.

Вставка символов – **Symbol**. Просим не пользоваться особыми шрифтами и оригинальными символами. Текст набирается без принудительных переносов. Разрядки слов не допускаются.

2. Абзацы задаются автоматически (0,7 см), а не с помощью пробелов. Расстановка переносов – автоматическая (в словах из прописных букв переносы не ставятся).

3. В первой строке печатается индекс УДК (выравнивание влево). Во второй строке печатаются инициалы и фамилия автора с выравниванием по центру, курсивом. Третья строка оставляется пустой. В четвертой строке печатается название статьи полужирным шрифтом, выравнивание по центру. Пятая строка остается пустой. С шестой строки печатается аннотация (не более 7 строк) на русском языке обычным шрифтом с выравниванием по ширине. После аннотации печатаются ключевые слова на русском языке (не более 7 слов и словосочетаний). Далее печатаются на английском языке с соблюдением тех же требований: инициалы и фамилия автора, название статьи, аннотация, ключевые слова. После этого пропускается одна строка, далее печатается текст обычным шрифтом с выравниванием по ширине.

4. Рисунки, фотографии, схемы, таблицы, диаграммы необходимо присылать в одном дополнительном файле. Максимальное количество иллюстраций – 5.

Рисунки и фотографии должны быть черно-белыми: с разрешением не ниже 300 пикс/дюйм. Рисунки и таблицы должны быть пронумерованы и иметь названия. В тексте необходима ссылка на конкретный рисунок или таблицу, например: «Рассмотрим численность населения Северного края (табл. 1)».

Название таблицы располагается над ней и оформляется следующим образом:

Таблица 1

Численность населения Северного края в 1939 г.

Ссылки на источники к таблице даются под ней (не в сноске) курсивом, например: «*Источники: ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5.*»

Название рисунка и комментарий располагаются под ним, курсивом, например: «*Рис. 2. Источники роста населения Северного края.*»

5. Список ссылок приводится отдельным разделом в конце статьи и оформляется в соответствии со следующими требованиями. Архивные и литературные источники располагаются в порядке их упоминания по тексту в виде нумерованного списка. Ссылка на источник по тексту оформляется как число в квадратных скобках, вручную. Например: [1]. Автоматические сноски не допускаются!

6. Ссылки на неопубликованные работы допускаются только в том случае, если они переданы на хранение в государственные архивы, научные архивы учреждений, например: Сидоров С.С. Очерки демографической истории вымичей // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. 45 л.

7. Если есть сокращения, прилагают список с расшифровкой, например:

МАЭ ОмГУ – Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

8. В конце статьи указывается фамилия, имя, отчество автора (авторов) полностью, город (населенный

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

Оригинал-макет – Н.К.Забоева

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 1/8. Уч.-изд. л. 8,9.

Тираж 150 экз. Заказ № 53 (166).

Редакционно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «Типография «Полиграф-сервис»
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36